РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)

16–17 февраля 2015 г.
Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts

MONGOLIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of History and Arhaeology

RESEARCH CONFERENCE

THE TURKO–MONGOL WORLD PAST AND PRESENT

Proceedings of the International Conference
in memoriam of
Sergey Grigoryevich KLYASHTORNY
(1928–2014)
held on February 16–17, 2015
in St. Petersburg, Russia

Ulaanbaatar, Mongolia
St. Petersburg, Russia
2016

Сборник утвержден к печати Ученым Советом Института восточных рукописей Российской академии наук и Ученым Советом Института истории и археологии Монгольской академии наук.
Издан на средства Правительства Монголии

Ответственный редактор: доктор исторических наук ***Чулуун Сампилдондов***
Научные редакторы: доктор филологических наук ***И. В. Кульганек***
доктор филологических наук ***Д. М. Насилов***
Редактор: кандидат филологических наук ***Н. В. Ямольская***
Рецензенты: кандидат исторических наук ***В. Ю. Жуков***
кандидат филологических наук ***М. П. Петрова***

Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г. *Санкт-Петербург*. – СПб.; Улан-Батор, 2016. – 272 с.: ил.

В сборнике представлены научные статьи, доклады и выступления конференции, посвященной известному ученому-востоковеду, старейшему сотруднику Института восточных рукописей РАН, заведующему сектором Центральной Азии и отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН, заместителю председателя Российского комитета тюркологов при РАН, почетному профессору ряда зарубежных университетов, почетному члену (академику) Турецкого лингвистического общества, почетному академику Национальной академии наук Кыргызской Республики, видному российскому тюркологу — Сергею Григорьевичу Кляшторному, который внес неоценимый вклад в развитие научных знаний по истории Центральной Азии, в собирание и изучение древнетюркских текстов. В сборник вошли исследования более двух десятков российских и зарубежных авторов по истории кочевых государств древности и раннего средневековья. Статьи известных авторитетных тюркологов мирового научного сообщества, коллег и учеников С. Г. Кляшторного касаются также смежных историко-филологических дисциплин. Многие статьи содержат ранее не публиковавшиеся результаты проведенных исследований по вопросам истории, этнографии и культуры тюрко-монгольских народов. Ряд письменных памятников впервые вводится в научный оборот. Сборник предназначен для тюркологов, историков и всех интересующихся историей Центральной Азии.

© ИВР РАН, 2016.
© ИИ МАН, 2016.
© Коллектив авторов, 2016.

The publication is approved by the Academic Council of Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences and by the Academic Council of Institute of History and Archeology, Mongolian Academy of Sciences.
Published by the means of the Government of Mongolia

Editor-in-Chief: Sc. D. (history) ***Chuluun Sampildondov***
Compiled and edited by: Sc. D. (philology) ***I. V. Kulganek***
Sc. D. (philology) ***D. M. Nasilov***
Edited by: Ph. D. (Central Asian Studies) ***N. V. Yampolskaya***
Reviewers: Ph. D. (history) ***V. Yu. Zhukov***
Ph. D. (philology) ***M. P. Petrova***

The Truko-Mongol World: Past and Present. Proceedings of the International Conference in memoriam of Sergey Grigoryevich KLYASHTORNY (1928–2014) held on February 16–17, 2015 in St. Petersburg, Russia. 2016. 272 p.

The present volume introduces academic papers, speeches and presentations delivered at the conference held in the memory of the famous scholar, orientalist, veteran of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Head of the Section of Central Asian Studies and the Department of Central Asian and South Asian Studies, deputy chair of the Russian Committee of Turkologists at the Russian Academy of Sciences, professor emeritus of a number of foreign universities, honorary member (academician) of the Turkish Linguistic Society, honorary member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, eminent Russian turkologist — Sergey Grigoryevich Klyashtorny who made an invaluable contribution to the development of scholarship in the field of Central Asian history, as well as to collecting and studying of Old Turkic texts. The volume includes the works of more than twenty authors from Russia and abroad on the history of nomadic states of the ancient and early medieval period. The works of prominent turkologists, colleagues and disciples of S. G. Klyashtorny, touch upon allied disciplines in history and philology. Many articles contain previously unpublished results of research in the history, ethnography and culture of Turkic and Mongolian ethnic groups. A number of sources are introduced for the first time. The volume will be of interest to turkologists, historians, and all interested in the history of Central Asia.

© IOM RAS. 2016.
© IAH MAS. 2016.
© Composit authors. 2016.

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель 12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем»..... 16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951) .. 21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного 48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014)..... 59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа 67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы 77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии..... 86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного 95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв. 112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке 121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг. 121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен» 123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения 124
Б. Кумеков. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного 125
В. В. Трепавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник» 125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология..... 126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного 127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка 128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъявительного наклонения в монгольском языке 134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин 138
Р. М. Валеев, О. Д. Василюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв. 153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов
Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции 160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго 167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже 178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев 186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов *отуз-татар* и *токуз-татар* древнетюркских рунических текстов 195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания) 205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана 216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры *ажо* и *иди* енисейских и алтайских кыргызов 229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West 238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам 247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима) 257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г. 266
Список авторов статей и выступлений 268

CONTENTS

I. V. Kormushin, D. M. Nasilov, I. V. Kulganek. S. G. Klyashtorny — Scholar and Teacher 12
Conference Review 16
Bibliography of S. G. Klyashtorny 21

S. G. Klyashtorny in the Eyes of His Colleagues and Disciples

Articles and Speeches

F. Asadov. The Study of the Khazars and Barsils in the Works of Sergey G. Klyashtorny 48
D. D. Vasiliev, V. V. Tishin. Teacher and Friend. S. G. Klyashtorny as a Scholar of Old Turkic Cultural Legacy 59
I. V. Kulganek. Mongolia and the Mongols in the Camera of Sergey G. Klyashtorny, Archeologist, Historian, Ethnographer 67
D. A. Nosov. On the Contribution of S. G. Klyashtorny into the Study of the Interaction between Folklore and Literature 77
R. Yu. Pochekaev. The Role of the Works of S. G. Klyashtorny in the Study of the State and Law of the Turkic Peoples of Eurasia 86
A. S. Saraev. The Controversy on the Origin of the Early Turkic-speaking Peoples and S. G. Klyashtorny's Contribution to It 95
V. V. Tishin. The Works of S. G. Klyashtorny and Some Questions of the Social History of the Türk Qaghanate of 6th–8th centuries 112

Abstracts

I. F. Popova. S. G. Klyashtorny: a Life in Scholarship 121
A. V. Vitol. The «Crystallization» of S. G. Klyashtorny's Research Topic in 1950–1964 121
I. K. Zagidullin. S. G. Klyashtorny and the Concept of the Seven-volume «History of the Tatars from the Earlist Times» 123
A. A. Kolesnikov. The Contribution of S. G. Klyashtorny to the Revival of Military Asian Studies 124
B. E. Kumekov. In Hallowed Memory of the Eminent Turkologist, Friend and Teacher S. G. Klyashtorny 125
D. M. Nasilov. S. G. Klyashtorny and Turkic Philology in Russia 125
V. V. Trepavlov. Turkic Studies at the turn of the 21st Century and the «Turcologica» Journal 126
V. Z. Tserenov. Remembering S. G. Klyashtorny 127

Articles

T. K. Abdiev. Regarding the Links between the Yenisei Inscriptions and the Modern Kyrgyz Language 128
N. B. Badmatsyrenova. Temporal Order and Forms of the Indicative Mood in the Mongolian Language 134
A. A. Burykin. The Altaic Theory from the Point of View of Comparative-historical Linguistics, Areal Linguistics and Adjacent Humanitarian Disciplines 138
R. M. Valeev, O. D. Vasilyuk. The Turkological Legacy of A. Krymsky at the Turn of the 20th Century 153
G.-R. A.-K. Guseinov. The Hons of North-Eastern Caucasus and Daghestan and the beginning of the Formation of the Turkic Writing Tradition 160
Yu. I. Drobyshev. Karakorum and Khorgo Volcano 167
Yu. I. Elikhina. Collection of Finds of the Expedition Headed by V. Kotvich from the Settlement of Khara-Balgasun Stored in the State Hermitage Museum 178
A. Sh. Kadyrbaev. Steppe Peoples and the Periodization of the History of Russia in the Concept of Early Eurasians 186
A. K. Kamalov. Interpreting the Ethno-politonyms otuz-tatar and toquz-tatar of the Old Turkic Runic Inscriptions 195
I. V. Kormushin. The Yenisei Sufferings-1 (a Cycle of Articles Dedicated to the Controversy on the Reading, Interpretation and Dating of the Yenisei Runic Texts) 205
I. L. Kyzlasov. On the Origins and Meaning of the Political Titles azho and idi of the Altai-Yeniseian Kyrgyz 216
A. M. Mokeev. On the Origins and Meaning of the Political Titles azho and idi of the Altai-Yeniseian Kyrgyz 229
S.-C. Raschmann. The Old Uyghurs between East and West 238
D. M. Timokhin. The Background of the Mongol-Khwarezmian War (1219–1221) according to Arab-Persian Sources 247
V. Z. Tserenov. Manutokhai — Residence of Kalmyk Khans (Semantics and Localization of the Toponym) 257

Conference Resolution 266

Information about the Authors 268

Участники конференции 16–17 февраля 2015 г., посвященной памяти С. Г. Кляшторного

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ — УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ

Мировое и российское научное сообщество понесло тяжелую утрату: 21 сентября 2014 г. на 87-ом году жизни после тяжелой болезни скончался известный ученый-востоковед, старейший сотрудник Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН, ранее ЛО ИВ АН), заведующий Сектором Центральной Азии и заведующий отделом Центральной и Южной Азии (до 2013 г.) ИВР РАН, заместитель председателя Российского комитета тюркологов при РАН, почетный профессор ряда зарубежных университетов, почетный член (академик) Турецкого лингвистического общества, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, видный российский тюрколог Сергей Григорьевич Кляшторный.

Российская академическая наука потеряла яркого ученого, внесшего неоценимый вклад в развитие научных знаний по истории Центральной Азии, кочевых государств древности и раннего средневековья, в собирание и изучение на просторах Сибири и Монголии древнетюркских текстов.

Сергей Григорьевич всю свою жизнь оставался верен избранной области деятельности — древнетюркской текстологии, истории и культуре тюркских народов В этом он сохранял и приумножал заветы своих главных учителей и наставников по университету — С. Е. Малова, А. Н. Кононова, А. Н. Бернштама.

Сергей Григорьевич Кляшторный родился 4 февраля 1928 г. в г. Гомеле Белорусской ССР. В 1945–1950 гг. учился на Восточном факультете Ленинградского государственного университета на кафедрах Тюркской филологии и Истории Ближнего и Среднего Востока.

Свою трудовую и научную деятельность С. Г. Кляшторный начал в 1950 г. сотрудником Всесоюзного Института Геологии (ВСЕГЕИ) в должности сначала библиографа (до 1953 г.), а потом — начальника справочно-библиографического отдела.

В 1957 г. С. Г. Кляшторный был принят в Сектор тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВАН СССР) на должность младшего научного сотрудника. Через три года он был назначен заведующим библиотекой ЛО ИВАН СССР.

Под руководством А. Н. Бернштама и С. Е. Малова С. Г. Кляшторный работал над кандидатской диссертацией «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» (1962 г.). Уже своей кандидатской диссертацией, в которой была дана новаторская и оригинальная историческая интерпретация рунических памятников как источника по истории Средней Азии, он заявил себя пытливым исследователем-истори-

ком, по-новому оценившим историческое содержание древнейших тюркских текстов. Не случайно изданная книгой (1964) эта работа переведена на китайский (1991) и уйгурский (2000) языки. И в дальнейшем каждый открытый ученым новый рунический памятник или уже известный в науке истолковывался Сергеем Григорьевичем прежде всего как источник исторических или культурных сведений о древних тюрках и их соседях.

Уже через год после защиты, в возрасте 35-ти лет он был назначен заведующим Сектором тюркологии и монголистики ЛО ИВАН СССР. На этой должности он проработал 50 лет.

Научное наследие, которое оставил после себя Сергей Григорьевич, обширно и многогранно (более 300 публикаций), т. к. судьба вела его по различным исследовательским эшелонам, все время давая ему в руки новый материал и ставя перед ним все новые задачи. Со студенческих лет и до самого преклонного возраста он сначала был сотрудником, а затем и возглавлял археографо-эпиграфические отряды экспедиций. И конечно, особенно плодотворными были те 30 лет (с 1960 по 1990 гг.), что он трудился в Киргизии, Сибири и Монголии, в эпиграфику которых он внес самый заметный, после С. Е. Малова и ряда других исследователей, вклад.

Первой экспедицией, в которой он принял участие в качестве лаборанта, была Памиро-Ферганская и Памиро-Алтайская экспедиция Исследовательского Института материальной культуры АН СССР (1947–1953 гг.). Под началом М. И. Артамонова, возглавлявшего Волго-Донскую археологическую экспедицию того же Института, молодой ученый работал в 1949 году. Будучи сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, С. Г. Кляшторный руководил в 1954–1959 гг. археологическим отрядом Среднеазиатской геологической экспедиции Министерства геологии и охраны недр. В течение последующих пяти лет (1960–1965 гг.) он являлся заместителем начальника Кетмень-Тюбинской экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Киргизской ССР. Следующие четыре сезона (1968–1973 гг.) он возглавлял эпиграфический отряд Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР. Сергей Григорьевич посвятил экспедиционной работе в Монголии двадцать один год. Он проработал в Монголии начальником эпиграфического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР, 19 сезонов, объездив страну — с востока на запад и с юга на север. После Монголии С. Г. Кляшторный был приглашен в Казахстан и Киргизию в качестве участника археологических экспедиций (1991–1997 гг.). Затем ему было предложено возглавить Киргизский отряд этносоциологической экспедиции Висконскинского университета, в которой он проработал пять

лет (1998–2002 гг.). С. Г. Кляшторный работал рядом с такими видными учеными, как А. Н. Бернштам, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, А. Д. Грач, В. В. Волков. В его экспедиционной деятельности особенно плодотворными были 30 лет (с 1960 по 1990 гг.), которые он трудился в Киргизии, Сибири и Монголии. В это время им были написаны труды, которые внесли заметный вклад в изучение эпиграфики этих регионов. Научное наследие, которое оставил после себя Сергей Григорьевич, обширно и многогранно. Судьба постоянно вела его не исследованными путями, давала в руки новый материал и ставила перед ним новые задачи.

Главной темой научного творчества С. Г. Кляшторного было введение данных, содержащихся в древнетюркских памятниках как аутентичных источниках тюркоязычных народов, в общеисторическую мозаику событий, которая до открытия, прочтения и всесторонней интерпретации орхоно-енисейских текстов складывалась не так интересно, разнопланово и, самое главное, без подробностей о тюркском вкладе в исторический процесс, как после их приобщения.

В славной интернациональной когорте ученых, открываемой В. Томсеном и В. В. Радловым, имя Сергея Григорьевича Кляшторного давно и прочно заняло свое достойное место. Историк, археолог и филолог С. Г. Кляшторный известен мировой научной общественности как автор множества научных трудов по истории кочевых народов Евразии. Своими трудами он внес весомый вклад в исследование тюркологии, монголоведения, а также в развитие дружественных отношений между Россией и Монголией.

Нельзя также не вспомнить его активнейшее участие в проводимых в нашей стране и за рубежом научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, на которых апробировались новейшие открытия ученого, всегда встречаемые с огромным интересом коллегами, или в которых он выступал как незаменимый квалифицированный эксперт или соорганизатор.

С. Г. Кляшторный являлся редактором или входил в состав редколлегий многих монографий, сборников статей, российских или зарубежных журналов. Особую благодарность коллег он заслужил за подвижнические усилия по возобновлению в 2001 г., после шестнадцатилетнего перерыва, серийного издания «Тюркологический сборник» — этой жемчужины отечественной тюркологии с широким интернациональным составом авторов.

С. Г. Кляшторный вел большую педагогическую работу. На протяжении нескольких десятилетий он читал на кафедре Тюркской филологии и кафедре Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ различные базовые и спец. курсы по тюркологии, рунической письменности, истории

Центральной Азии. Он был руководителем нескольких десятков курсовых и дипломных работ. Под его руководством защищали кандидатские работы тюркологи из Киргизии, Казахстана, Узбекистана. За свою долгую жизнь Сергей Григорьевич обучил и воспитал целое поколение монгольских и российских исследователей. Многие его ученики из среднеазиатских республик СССР, стали видными учеными в ныне независимых государствах.

В 1992 г. С. Г. Кляшторный получил звание почетного профессора Университета Астаны (Казахстан). В 2005 г. за большие заслуги в изучении тюркской рунической письменности он награжден Золотой медалью Постоянной международной алтаистической конференции (Gold Medal of the Permanent International Altaistic Conference).

Сергей Георгиевич в течение многих лет сотрудничал с монгольскими коллегами, в первую очередь из Института Истории Монгольской Академии наук, и был удостоен звания «Почетный доктор» этого Института.

Он обладал трудолюбием, благородством, порядочностью, скромностью и доброжелательностью. Неизменно пользовался уважением и любовью коллег и друзей. Светлая память о Сергее Григорьевиче навсегда сохранится в их сердцах.

Кончина Сергея Григорьевича Кляшторного — это невосполнимая утрата для российской науки, но его классические труды останутся с нами и будут служить источником знаний о жизни древних и средневековых тюркских этносов и примером интерпретации древних текстов в историческом аспекте.

И. В. Кормушин,
И. В. Кульганек
Д. М. Насилов

КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

16–17 февраля 2015 г. в Институте восточных рукописей РАН состоялась международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем», посвященная памяти выдающегося российского тюрколога широкого круга научных интересов, профессора ряда российских и зарубежных университетов, внесшего значительный вклад в изучение истории и культуры тюркских и монгольских народов, Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014).

Организатором конференции выступил Институт восточных рукописей Российской академии наук. Конференция проходила при участии Института стран Азии и Африки МГУ, Института востоковедения РАН (Москва). Присутствовали ученые из Казахстана, Кыгызстана, Российская Федерация была представлена учеными из Республики Татарстан, Республики Бурятия.

На конференции обсуждались актуальные проблемы истории, литературы, языка тюркских и монгольских народов, которые входили в круг исследований С. Г. Кляшторного. Часть мемориальных докладов была посвящена творческому пути и научной деятельности Сергея Григорьевича. Главной задачей конференции явилось представление научному сообществу новейших результатов многостороннего изучения жизни тюркских и монгольских народов, показ возможности современных методов исследования и подходов к рассмотрению актуальных проблем современности.

На пленарном заседании с приветственным словом перед собравшимися выступила директор ИВР РАН д. и. н. И. Ф. Попова, после чего с мемориальными докладами выступили коллеги С. Г. Кляшторного из Санкт-Петербургского государственного университета. Д. и. н., заведующий кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Т. И. Султанов поделился своими воспоминаниями в сообщении «Жил-был тюрколог: памяти С. Г. Кляшторного (1928–2014)». Д. и. н., профессор Исторического факультета Д. Г. Савинов назвал свой устный рассказ «О коллеге и друге — С. Г. Кляшторном».

Во многих прозвучавших докладах отмечались заслуги С. Г. Кляшторного перед отечественной и мировой наукой, освещалась его научная деятельность как тюрколога, монголоведа, востоковеда на протяжении всей его долгой и плодотворной жизни, характеризовалась исследовательская работа, которая позволила ему впервые опубликовать крупнейшие памятники эпохи древних тюрков VI–X вв., а также разделы в крупных коллективных сводных трудах по истории Центральной Азии.

Докладчики остановились на ряде весьма интересных гипотез, принадлежавших С. Г. Кляшторному, сделанных им в процессе изучения древнетюркских текстов, дали характеристику последних его трудов — «История Центральной Азии и памятники рунического письма» и «Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей», которые венчают многолетнее творчество и подводят итог научной деятельности ученого.

Особая заслуга принадлежит ученому в возрождении военного востоковедения, а также в изучении государственности и права тюркских народов Евразии, о чем было отмечено в докладах д. и. н., представителя Института стратегических исследований в Турции А. А. Колесникова («О вкладе С. Г. Кляшторного в военное востоковедение») и к. юр. н., доцента Высшей школы экономики Р. Ю. Почекаева («Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии»).

Выступавшие говорили о многогранных научных интересах выдающегося тюрколога как специалиста высочайшего уровня. О его вкладе в изучение взаимодействия фольклора и литературы сообщил к. ф. н. Д. А. Носов; о роли в разработке концепции семитомной «Истории татар с древнейших времен» — д. и. н. И. К. Загидуллин; об изучении хазар и басилов — Ph. D. по историческим наукам Ф. М. Асадов; о решении огуро/огузской проблемы — соискатель Казанского Государственного университета культуры и искусств А. С. Сараев. Об исследовании древнетюркского культурного наследия прозвучал соавторский доклад к. и. н. Д. Д. Васильева и аспиранта ИВ РАН В. В. Тишина; о проблемах социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.» — к. и. н. А. В. Витола. Итогом первой части конференции стало обсуждение доклада президента ИСАА МГУ д. и. н. М. С. Мейера «Россия и мусульманский мир».

На конференции работали две секции — «Лингвистика. Источниковедение» и «История. Историография».

На первой секции большая часть докладов касалась проблем исследования рунических памятников, решению которых С. Г. Кляшторный посвятил основные свои работы. Это доклады д. ф. н. Симоны Рашман (Raschmann Simone-Christiane) из Центра Каталогизации рукописей в Гёттингене в Германии («Древние уйгуры между Востоком и Западом» — «The Old Uyghurs between East and West»), д. ф. н. И. В. Кормушина («Енисейские страдания: о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов»), д. ф. н. В. Г. Гузева («К вопросу о структурных единицах турецкого синтаксиса»), д. ф. н. А. А. Бурыкина («Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин»), к. ф. н. Н. Н. Телицина («Этапы становления

тюркского письма в древнетюркский период»), к. ф. н. Н. С. Яхонтовой. («Тексты словарей «поэтических выражений» в коллекции ИВР РАН»), к. ф. н. Н. Б. Бадмацыреновой («Временной порядок и формы изъявительного наклонения в монгольском языке»). В своих выступлениях докладчики остановились на задачах, стоящих перед современными исследователями рунических памятников, изучающих проблему происхождения языков тюркских народов и изменение взглядов на эту проблему с конца XIX в. до настоящего времени.

Вопросам истории и историографии были посвящены доклады д. и. н. Т. Д. Скрынниковой («Божество Умай в тюркской мифологии»), д. и. н. А. К. Камалова («К вопросу об этнических наименованиях “отуз-татар” и “токуз-татар” древнетюркских рунических текстов»), д. и. н. А. Мокеева («О происхождении и значении политической титулатуры енисейских и алтайских кыргызов *ажо* и *иди*», д. и. н. Б. К. Абытова («Орхоно-Енисейские письмена — важнейшие источники по истории кыргызов и других тюркских народов», к. и. н. Т. А. Пан («Столицы маньчжурского государства Цин»), к. и. н. Ю. И. Елихиной. («Коллекция В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже»), к. и. н. Ю. И. Дробышева («Каракорум и вулкан Хорго»). В докладах этого направления рассмотрен широкий спектр вопросов: от изучения тюркской государственности и выявления деталей трансформации и передачи властных прав династии тюркских правителей новым властителям до происхождения столиц маньчжурского государства и гипотезы о местонахождении столицы Монгольской империи Каракорума.

Дискуссионно проходило заседание, на котором обсуждалась тема политического взаимодействия народов на разных стадиях их исторического развития. К. ф. н. Н. Базылхан («Империи номадов в Евразии (VII–XIV вв.): тюрко-монгольские этнолингвистические и этнокультурные факторы») представил результаты своих исследований, проведенных в диахронном и синхронном плане, о тюрко-монгольских этносах и их языковых, культурных особенностях и взаимосвязях. Д. и. н. Р. М. Бегеулов («Калмыцко-ногайский конфликт на Северном Кавказе в 1643–1644 гг.») остановился на предпосылках и причинах военного конфликта двух кочевых этносов XVII в. К. и. н. С. А. Васютин. («Социология власти Ибн Халдуна и трактовка политических процессов в кочевых империях Центральной Азии, на примере раннего Средневековья») предпринял попытку на основе анализа тюркских и уйгурских рунических текстов применить теорию Ибн Халдуна к истории раннесредневековых кочевых империй Центральной Азии более

полифункционально, чем только для объяснения причин распада имперских образований номадов. К. и. н. Д. М. Тимохин. («К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам») на основании информации, имеющейся в существующем корпусе арабо-персидских источников о монгольском нашествии на территорию государства хорезмшахов-Ануштегинидов, осуществил систематизацию и провел анализ всех возможных причин монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг.

Совместный доклад д. и. н. Р. М. Валеева, д. и. н. Р. В. Шайдуллина и к. и. н. Б. Л. Хамидуллина («Научные и просветительские традиции изучения тюрко-монгольского мира в Казани (XIX — начало XX в.)») об истоках формирования и развития научных и просветительских традиций изучения тюрко-монгольского мира в истории казанского востоковедения XIX — начала XX в., можно назвать одним из ключевых, поскольку авторы развили в нем идею актуального направления современного востоковедения, ставящего своей целью исследование и осознание пути, пройденного российской отечественной востоковедной наукой.

Об издательской деятельности, связанной с выпуском самого репрезентативного тюркологического издания на сегодняшний день в России, выступил д. и. н. В. В. Трепавлов. («Тюркологические исследования начала XXI в. и “Тюркологический сборник”»). Он рассказал о возобновлении в 2001 г. публикации «Тюркологического сборника», инициатором возрождения которого был С. Г. Кляшторный. Отметив изменение тематики статей сборника в пользу изучения вопросов истории и культуры тюркских народов, докладчик высказал пожелание в продолжении издания сборника как одного из наиболее значимых периодических изданий в российском востоковедении.

Главной темой научной деятельности ученого на протяжении всей его жизни было введение в общеисторический контекст событий, содержащихся в древнетюркских памятниках, что позволило пониманию историко-культурного процесса тюркских народов как последовательной, причинно-следственной связи взаимозависимых явлений. Двадцать один год он сочетал кабинетную работу с активной экспедиционной деятельностью в Монголии, откуда привез большое количество черно-белых и цветных фотопленок, составивших богатый личный фотоархив материалов по этнографии, истории и культуре монголов. Лишь незначительная часть этих важнейших документов в настоящее время издана. Органично заключительным выступлением конференции стал доклад-презентация

д. ф. н. И. В. Кульганек «Монголия и монголы в фотообъективе С. Г. Кляшторного — археолога, историка, этнографа», в ходе которого были продемонстрированы уникальные не изданные фотографии С. Г. Кляшторного, любезно предоставленные вдовой ученого Алевтиной Владимировной Кляшторной, сделанные им в разное время и в многочисленных экспедициях по Монголии. Видеоматериалы были обработаны фотографом ИВР РАН С. Л. Шевельчинской.

Конференция проходила при большой активности участников в конструктивной и доброжелательной обстановке. Оживленные дискуссии подтвердили заинтересованность научного мира в предложенных для обсуждения проблемах, продемонстрировали актуальность поднимавшихся вопросов для понимания истории, культуры и языка тюркских и монгольских народов. Перед учеными открылись новые возможности в создании международных научных коллективов для проведения совместных исследований и организации научных мероприятий, большое место в которых займут ученые России, Казахстана и Кыргызстана, а также специалисты из других регионов, изучающих тюрко-монгольские народы.

И. В. Кульганек

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ
БИБЛИОГРАФИЯ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ
(2013–1951)

I. Монографии:

А. Индивидуальные монографии и монографии в соавторстве

1. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. Институт восточных рукописей РАН, издательство «Петербургское востоковедение». СПб., 2010. 327 с., илл.

2. Государства и народы евразийских степей от древности к новому времени. Третье издание, исправленное и дополненное. Институт восточных рукописей РАН, издательство «Петербургское востоковедение». СПб., 2009. 423 с. В соавторстве с Т. И. Султановым.

3. Old Turkic Runic Texts and History of the Eurasian Steppe. Editura Academiei Romane. Bucuresti–Braila, 2008 (Florilegium magistrorum historiae archaelogiaeque. Antiquitatis et Medii Aevii, t. IV). 489 p.

4. Die Geschichte Zentralasiens und die Denkmäler in Runenschrift. Berlin, Reinhold Schletzer Verlag, 2007 (Studia Eurasia, Bd. XIII). 533 S.

5. Staaten und Völker in der Steppen Eurasiens. Altertum und Mittelalter. Berlin, Reinhold Schletzer Verlag, 2006 (Studia Eurasia. Bd. XI) (в соавторстве с Т. И. Султановым). 397 S.

6. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., «Наука», 2006 (Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН). 561 с.

7. Степные империи древней Евразии. СПб., Санкт-Петербургский Гос. Университет. Филологический факультет. Серия «Исторические исследования». 2005. 346 с. В соавторстве с Д. Г. Савиновым.

8. Kazakistan. Türkün üç bin yılı. İstanbul. 2004. 2. baski 388 S. (Selenge yaınları, № 10. Tarih dizisi, № 7). В соавторстве с Т. И. Султановым.

9. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 362 с. В соавторстве с Т. И. Султановым.

10. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. 559 с. (Санкт-Петербургский Гос. Университет. Филологический факультет. Серия «Азиатика»).

11. Государство и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. 320 с. В соавторстве с Т. И. Султановым. (Санкт-

Петербургский филиал Института востоковедения РАН — «Петербургское востоковедение»).

12. Степные империи Евразии. СПб., 1994. 165 с. В соавторстве с Д. Г. Савиновым. (Программа «Народы России. Возрождение и развитие». Серия «Тюркские народы России». Санкт-Петербургский Гос. Университет — «Фарн»).

13. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Изд-во «Просвещение», 1992. 375 с. В соавторстве с Т. И. Султановым.

14. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР — Изд-во «Наука», 1991. 183 с. В соавторстве с А. А. Колесниковым и М. С. Басхановым.

15. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.) Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР — Изд-во «Наука», 1988. 223 с. В соавторстве с А. А. Колесниковым.

16. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Изд-во «Наука», 1964. 215. с.

а) Переиздание на китайском языке: Харбин: Академия Общественных наук. Изд-во «Просвещение». 1991 г. 316 с.

б) Переиздание на уйгурском языке: Урумчи: Народное изд–во Синьцзяна, 2000. 381 с.

Б. Разделы в коллективных монографиях

1. Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб., ИИМК РАН, 2013. Раздел С. Г. Кляшторного — гл. V, с. 223–229.

2. Большой атлас истории и культуры Казахстана. Гл. редактор академик К. М. Байпаков. Алматы, АО «Абди Компании», 2008, 870 с.

3. Сибирь. Атлас Азиатской России. Новосибирск-М., Издательство ДИК, 2007. Авторский раздел С. Г. Кляшторного «Тюркская письменность» — с. 460–462.

4. Атлас «Tartarica». История татар и народов Евразии. Казань; СПб.; М., 2005. 883 л. Научный редактор С. Г. Кляшторный.

5. Миф и религии мира. Учебное пособие. М.: Российский Гос. гуманитарный университет, 2004. Авторский раздел С. Г. Кляшторного «Древние тюрки» — с. 261–266.

6. История татар с древнейших времен. Т. I: Народы степной Евразии в древности. Казань: Академия наук Татарстана, Институт истории — Изд-во «Рухият», 2002. 551 с. Научный редактор I тома С. Г. Кляшторный. Авторские разделы С. Г. Кляшторного — с. 12–16, 69–76, 93–105, 122–140, 181–184, 210–218, 218–267, 328–346, 347–353.

7. История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Изд-во «Знание», 2000. 612 с. Авторские разделы С. Г. Кляшторного — с. 7–45, 46–73, 74–158.

8. History of the Turkic Peoples. Ed. by H. R. Roemer. Berlin, 2000. 455 p. (Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta. T. I). Авторский раздел С. Г. Кляшторного: «Les points litigieux dans l'histoire des Turcs anciens» («Дискуссионные проблемы истории древни тюрков») — с. 146–176.

9. History of Civilization of Central Asia. Vol. III. UNESCO Publishing, 1996. 570 p. Авторский раздел С. Г. Кляшторного — ch. 14, pt. 2: «The Second Türk Empire» — с. 335–347.

10. Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). Бишкек: Национальная Академия наук Кыргызской Республики — Изд-во «Наука», 1996. 507 с. Авторский раздел С. Г. Кляшторного: разд. II, гл. 1. («Памятники древнетюркской письменности») — с. 64–112.

11. История Востока. Т. II: Восток в средние века. М.: Институт востоковедения РАН — Изд-во «Восточная литература», 1995. 716 с. Авторские разделы С. Г. Кляшторного: «Первый Тюркский каганат» — с. 60–67; «Второй Тюркский каганат» — с. 151–155; «Уйгурский каганат» — с. 155–157.

12. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1992. 687 с. Авторские разделы С. Г. Кляшторного: гл. 4, 10 — с. 326–369.

13. Краткая история уйгуров. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР — Изд-во «Наука», 1991. 255 с. Авторский раздел С. Г. Кляшторного: гл. 3, § 2, 3 — с. 85–129.

14. История древнего мира. Т. III. Упадок древних обществ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой, М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1989. 407 с. Авторский раздел С. Г. Кляшторного: гл. 14 («Гуннская держава на Востоке») — с. 243–252.

15. История Казахской ССР. Т. II. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1979. 425 с. Авторские раздел С. Г. Кляшторного: разд. 1, гл. 4 — с. 101–108; разд. 2, гл. 2 — с. 230–238.

II. Статьи

1. Согдийское поселение в Кангюе (II–III вв. н. э.) // Commentationes iranicae. Сборник статей к 90-летию В. А. Лившица. СПб., ИВР РАН-ГЭ, изд-во «Нестор», 2013. С. 218–219.

2. Кипчаки, команы и половцы // Сборник материалов международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники». Астана, Евразийский национальный университет. 2013. С. 18–21.

3. Руническая письменность и древнетюркская историография // Türkoloji üzerine araştirmaları-Journal of Turkology. Afyonkarahisar, 2013, № 6. С. 31–45.

4. Социальная стратификация и ее связь с имущественным статусом в древнетюркских племенных сообществах Центральной Азии (по материалам рунических памятников Монголии и Южной Сибири) // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 127–133. (Материалы XXV чтений памяти В. Т. Пашуто и А. П. Новосельцева).

5. Древние государства татар в Центральной Азии // «Золотоордынское обозрение». Казань, 2013, № 1. С. 22–35.

6. Кипчаки и половцы: центральноазиатский контекст // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки половцы). Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 23–36.

7. Imperial background of ancient Turkic civilization // Banatica Professor Victor Spinei at the 70th anniversary. 2013. N. 23, Editura Academia Romana. P. 463–469.

8. Manichean motives in the Turkic runic texts from Dunhuang and Tuva // Dunhuang studies. Prospect and problem for the coming second century of research. Ed. Irina Popova and Liu Y. St. Petersburg, 2012. P. 112–114.

9. The landscape in old Turkic runic inscriptions // Man and nature in the Altaic world. Proceedings of the 49th PIAC. Berlin, Klaus Schwarz Verlag. 2012. S. 205–207.

10. Касар-Куруг: западная ставка уйгурских каганов и проблема идентификации Пор-Бажына // Археология, Этнография и антропология Евразии. Новосибирск, № 2(50). 2012. С. 94–98.

11. Руническая письменность Евразийской степи // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Академия наук РТ, Казань. Вып. 4, 2012. С. 67–77.

12. Проблемы ранней государственности у кочевников Центральной Азии // Тангуты в Центральной Азии. Сборник статей в честь 80-летия профессора Е. И. Кычанова. М., Восточная литература, 2012. С. 147–153 (Институт восточных рукописей РАН).

13. Енисейские рунические памятники о кыргызах и «Великом походе» Манаса // Российская тюркология. М., РАН, № 2(7), 2012. С. 25–29.

14. Степные империи древних кочевников Центральной Азии (этапы политогенеза) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М., Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 448–463.

15. Наскальная руническая надпись из урочища Койтубек (Восточный Казахстан) Новое прочтение // Российская тюркология, М., 2012. Вып. 1(6). С. 64–66.

16. Основные этапы политогенеза у древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Казань, Академия наук РТ, № 2, 2012. С. 74–84.

17. Албанское свидетельство о древнетюркской религии // Историография и источниковедение Средневекового Востока. Материалы международного научного симпозиума, посвященного 90-летию академика, Героя Советского Союза З. М. Буниятова. Баку, Академия наук РА, Изд-во «Элим», 2012. С. 120–121.

18. Геополитическое пространство и социальная структура древнетюркского мира // Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. СПб., Санкт-Петербургский Гос. Университет, 2012. С. 201–205.

19. Миграции и становление тюркской государственности в Центральной Евразии // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. Материалы XXIV чтений памяти В. Т. Пашуто. М., Институт всеобщей истории, 2012. С. 103–113.

20. Наскальная руническая надпись из урочища Койтубек (Восточный Казахстан) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сборник материалов международного научно-практического семинара. Алматы, 2012. С. 45–47.

21. Имперский фон древнетюркской цивилизации // Хазарский альманах. Т. 9. Киев-Харьков. Национальная Академия наук Украины. 2011. С. 98–106.

22. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблема политогенеза. XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. М., ИВР РАН, 2011. С. 109–114.

23. Сирийское имя согдийского вельможи в древнеуйгурском тексте из Тувы // Тюркологический сборник 2009–2010. М., ИВР РАН, «Восточная литература» 2011. С. 197–201.

24. Древнетюркские рунические памятники и их авторы // Тюркский мир: история и современность. Сборник статей Международного тюркологического симпозиума. Астана, Евразийский национальный университет. 2011. С. 17–22.

25. Рунические памятники уйгурской эпохи как исторический источник // Проблемы востоковедения. Уфа, РАН, 2011. № 3(49). С. 6–12.

26. Ордубалык: рождение городской культуры в Уйгурском каганате // Древние культуры Евразии. Материалы Международной научной конфе-

ренции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., ИИМК РАН. 2010. С. 276–279.

27. Древнетюркские памятники и древнетюркский эпос // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. XXII–е чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., Институт всеобщей истории РАН, 2010. С. 128–129.

28. Россия и тюркский мир Евразии: российско-казахстанская геополитическая модель // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 4. Восток в мировой политике. Под ред. В. С. Ягья. СПб., «Нестор», 2009. С. 218–227.

29. Ранние свидетельства славяно-тюркских контактов // Хазарский альманах. Т. 8. Киев-Харьков, Нац. АН РУ, 2009. С. 227–235.

30. Древнетюркские рунические памятники и их авторы // Ozbekiston tarixi. Ташкент, Академия наук РУ. 2009, № 4. С. 14–20.

31. Кипчаки // Большая российская энциклопедия. М., Издательство БРЭ, 2009. Т. 13. С. 746–747.

32. Tartars and their states in Central Asia grassland before 12th century // Ethno-National Studies, Peking, 2009, № 1. P. 85–91, 110 (на кит. яз., англ. резюме).

33. Imperial background of ancient Turkic civilization // Bulletin of International Institute for Central Asian Studies, Samarkand, 2009. T. 8. P. 14–20.

34. Эртний Евразийн тал хээрийн эзэнт гуурнцуд // Acta Historica Mongolici, T. VII. Ulaanbator, 2009. T. 4. P. 20–38 (на монг. яз.).

35. Религиозно-мифологические представления древнего населения Монголии (по памятникам древнетюркской рунической письменности) // Сборник «Россия-Монголия. Самобытность и влияние культур в условиях глобализации». СПб., СПб. Гос. Университет, 2009. С. 88–195.

36. Имперская традиция в древнетюркской цивилизации // Научный Татарстан. Казань, АН РТ, 2009. Вып. 1. С. 59–63.

37. Авторы первых тюркских историко-панегирических повествований // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник. XXI-е чтения памяти В. Т. Пашуто. М., Институт всеобщей истории РАН, 2009. С. 135–139.

38. Путь в Сериндию: итинерарий Аполлодора–Страбона и перипл южных морей // Дорога Страбона как часть Великого Шелкового пути. Самарканд. Международный институт Центральноазиатских исследований, 2009. С. 61–66.

39. Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник 2007–2008, ИВР РАН. М., «Восточная литература», 2009. С. 146–176. В соавторстве с В. Г. Гузевым.

40. Ранние свидетельства славяно-тюркских контактов // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции СПб., 2009. С. 203–207 (Труды Гос. Эрмитажа, т. XLIX).

41. Древнетюркские рунические памятники и их авторы // Altaica. Т. XIII. М., ИВ РАН, 2008. С. 73–80.

42. Древнетюркские рунические памятники как исторический источник // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ, БНЦ СО РАН. 2008. С. 311–318.

43. Древнетюркские памятники рунического письма из Восточного Туркестана // Русские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков. СПб., ИВР РАН, 2008. Под редакцией И. Ф. Поповой. С. 50–64.

44. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов». Астана, Институт археологии АН РК. 2008. С. 21–25.

45. Древнетюркский пантеон в континууме цивилизаций Великой степи // XII-е востоковедные чтения памяти А. Крымского. Киев, 2008. С. 64–66.

46. Манихейские общины в структуре Великого Шелкового пути // Восточная Европа в древности и средневековье. XX чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2008. С. 91–95.

47. Начальный этап формирования государственности у монголоязычных племен древней Центральной Азии // Statehood of nomads: history and tradition. Ulaanbaatar, 2007. С. 24–26.

48. Раннесредневековые миграции тюркских племен в западный ареал Великой степи (кимакско-кипчакский феномен) // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса «Археология евразийских степей». Казань, т. II, вып. 2, 2007. С. 42–46 (в соавторстве с Д. Г. Савиновым).

49. Рунические памятники уйгурской эпохи как исторический источник // Вестник РГНФ. М., 2007, № 4. С. 30–42.

50. Суджинская надпись: этапы интерпретации // Basileus. Сборник статей, посвященных 60-летию Д. Д. Васильева. М., Издательство восточной литературы РАН, 2007. С. 193–197.

51. Кипчаки, команы, половцы // Сб. «Восточная Европа в древности и средневековье». М., Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 109–114.

52. «Второй памятник из Тувы» (E50): интерпретация и дата // Тюркологический сборник 2006, М., СПбФ ИВ РАН, 2007. С. 207–211.

53. Степная империя кыргызов и внешний мир // 3. International Congress of Turkic Civilization. Abstracts, Bishkek, 2007. С. 25.

54. Moğolistanda bulunan runik yazıtlı sikke // O. F. Sertkaya, R. Alimov. Eski Türklerde para. İstanbul, 2006. S. 63–68.

55. The image of the Qaghan in Orkhon monuments // Kinship in the Altaic World. Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 2006. P. 199–201.

56. The landscape in the old Turkic runic inscriptions // Men and nature in the Altaic world. Permanent International Altaistic Conference, 49th meeting. Berlin, 2006. Abstracts. P. 21.

57. The early stage of state formation among the Mongolian-speaking tribes of ancient Inner Asia // International conference «History and tradition of Mongolian statehood». Abstracts. Ulaanbaatar, 2006. P. 18.

58. Ancient Turk rock inscriptions in the Talass Ala-Too. A Sogdian word in an old Turk inscription // Eran and Aneran, Venezia, 2006. P. 367–370.

59. The Asian aspect of the early Khazar history // Florilegia Altaistica. Studies in honour of Denis Sinor of the occasion of his 90th birthday. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 2006. P. 61–67.

60. Древние кочевники на границе Китая // Пути Поднебесной. Сб. научных трудов. Минск, 2006. Вып. 1, часть 2. С. 398–404.

61. Праславяне в Поволжье // Studies of Oriental Art and Culture in honour of Professor Tadeusz Majda. Warszawa, 2006. P. 117–123.

62. Древнетюркские памятники: новые перспективы историографического изучения // Turcica et Ottomanica. Сб. в честь 70-летия М. С. Мейера. М., Издательство «Восточная литература» РАН, 2006. С. 67–70.

63. Степная империя древних кочевников Центральной Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Российской академии наук. Кн. 1. М., «Наука», 2006. С. 192–195.

64. Эпоха «Кутадгу билиг» // Научный мир Казахстана. Международный научный журнал. Астана, 2006, № 5. С. 52–58.

65. Азиатский аспект ранней истории хазар // В кн.: Артур Кестлер. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб., «Евразия», 2006. С. 340–347.

66. Древнетюркские рунические памятники как исторический источник // Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии. Казань, КГУ, 2006. С. 163–169.

67. Манихейский мотив в древнетюркской «Книге гаданий» // Тюркологический сборник 2005. М., 2006. С. 195–198.

68. Представление о пространстве в древнетюркских рунических памятниках // Сб. «Восточная Европа в древности и средневековье», т. XVIII, М., 2006. С. 96–98.

69. Степные империи древних кочевников Центральной Азии // Доклады российских ученых к IX Международному конгрессу монголоведов. М., 2006. С. 71–77.

70. Праславяне в Поволжье // Сб. «Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов». Ижевск, Удмуртский Государственный Университет, 2006. С. 227–229.

71. Political background of the Old Turkic religion // «Roter Altai». Festschrift für Erika Taube zum 65. Geburtstag. Leipzig, 2005. S. 260–265.

72. Хазарские заметки // Тюркологический сборник 2003–2004. М., 2005. С. 95–117.

73. Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары. Иерусалим-Москва. М., 2005. С. 259–264 (Хазарский проект, т. 16).

74. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, СОРАН, 2005. С. 23–31.

75. Древнетюркские рунические памятники как исторический источник // «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов». Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого. СПб., ИИМК РАН, 2005. С. 109–112.

76. Азійський аспект ранньої історії хазар // Хазарский альманах. Т. 2. Киев–Харьков, 2005. С. 47–51.

77. The Polovcian problem (II): Qipčaqs, Comans, and Polovcians // AOH. 2005. T. 58, pt. 3. P. 243–248.

78. Первая степная империя // Цивилизации — история и современность. Материалы Международной научной конференции, 5–9 июля 2005 г. Алматы, 2005. С. 30–39.

79. Письменность в кочевом мире древней Центральной Азии // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии — история и современные проблемы. Алматы, 2004.

80. Merkezi Tiyan-Şan'da yeni keşfedilen eski türk runic yazıtları // Zeynep Korkmaz Armağan. Ankara, 2004. S. 261–266.

81. The Manichaean Text T II D and Yrq Bitiq XIX // Turfan Revisited. First Century of Research into the Arts and Culture of the Silk Road'. Berlin, 2004. P. 147–149.

82. The Polovcian Problem: Qipčaqs, Comans, Polovcians (II) // Medieval Namads. Abstracts. Szeged, 2004. P. 12.

83. Russia and Kazachstan: geopolitical alternatives and civilization choice // Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies. Sweden, 2003. T. 6(23). P. 146–150.

84. Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН. 2004. С. 100–103.

85. Представления о времени и пространстве в древнетюркских памятниках // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, 2004. Т. XVI. С. 78–85.

86. Симбиоз. Россия и Казахстан: евразийская перспектива // Родина. Российский исторический журнал. М., 2004. Вып. 2. С. 16–20.

87. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Проблемы истории и культуры. Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский Университет, 2004. С. 29–36.

88. Памятники древнетюркской письменности // Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). Бишкек: Наука, 2004. С. 40–64.

89. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). Бишкек: Наука, 2004. С. 169–174.

90. Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии // Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). Бишкек: Наука, 2004. С. 167–169.

91. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // Journal of Turkic Civilization Studies. Bishkek, 2004. № 3. С. 67–72.

92. Древнетюркские памятники как исторический источник // Second International Congress on Turkic Civilization. Abstracts. Bishkek, 2004. С. 4.

93. Святилище Нарийн Хурумты: древние европеоиды в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: СО РАН, 2004. № 3(19). С. 88–97 в соавторстве с Д. Г. Савиновым.

94. Customary law to the ancient Turkic states of Central Asia: the legal documents and practical regulations // Central Asian Law: an Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke. Ed. by Wallace Johnson, Irina F. Popova. Topeka. Kansas, The University of Kansas, Lawrence, Kansas, 2004. P. 13–39. — Society for Asian Legal History. Monographs series, № 1.

95. Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник 2002. Россия и тюркский мир. М.: Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН — Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003. С. 5–26.

96. Азиатский аспект ранней истории хазар // Великий Волжский путь. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 2003. Ч. II. С. 85–95.

97. Кипчаки, команы, половцы // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции. 10–11 апреля 2003. М: Московский Гос. Университет, Институт стран Азии и Африки, 2003. С. 9–15.

98. Древнекыргызская письменность и эпос «Манас» // Санкт-Петербург–Кыргызстан: орбиты взаимодействия. Материалы международной научно-практической конференции. 27–27 мая 2003 г. Бишкек: Изд-во «Наука», 2003. С. 84–87.

99. Осмысление отечественной истории // Диалог цивилизаций. Бишкек: Изд-во «Наука», 2003. Вып. II. С. 20–22.

100. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызстанской государственности. Документы, исследования, материалы. Бишкек: Национальная Академия наук Республики Кыргызстан — Изд-во «Наука», 2003. С. 115–125.

101. К датировке енисейских рунических памятников // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Документы, исследования, материалы. Бишкек: НАН РК — Изд-во «Наука», 2003. С. 126–133.

102. Д. А. Клеменц и открытие памятников древнетюркской письменности // Remota Relata. Essays on the History of Oriental Studies. Helsinki, 2003. P. 117–125.

103. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-восточный Алтай) // История и культура востока Азии. Новосибирск: СО РАН, Изд-во «Наука», 2002. Т. II. С. 78–82. В соавторстве с Г. В. Кубаревым.

104. The notion of time and space in ancient Turkish inscriptions // Splitter aus Gegend von Turfan. Berlin, 2002. P. 103–109.

105. Ancient Turk inscriptions of Tien-Shan // Silk Road Art & Archaeology. Kamakura, Japan, 2002. Vol. 8. P. 197–206.

106. Manichaean text T II D and Ïrq Bitig XIX // MO. St. Petersburg, 2002. Vol. 8. N 3. P. 64–66.

107. Les étapes initiales dans l'histoire des Turcs // Silk Road Studies, t. Brepolis, 2002. P. 121–126.

108. New discoveries of Old Turkic runic inscriptions // Journal of Silk Road Studies. Tokyo, 2002. N 3. P. 51–56 (на япон. языке с англ. резюме).

109. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Ак-Бешим. СПб.: Гос. Эрмитаж. 2002. С. 134–141.

110. Россия и Центральноазиатский мир // Бюллетень Общества востоковедов РАН. М., 2002. Вып. 6. С. 64–66.

111. Les Samanides et les Karakhanides: une étape initiale de la géopolitique imperiale // Cahiers d'Asie Centrale. Aix-en-Pravence, 2001. N 9. P. 35–40.

112. Genealogy of Turanians and primary relations between Turks and Iranians // The Iranian World and Turan — International seminar. 13–14.02.2001. Tehran, 2001. P. 6–8.

113. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб.: Санкт-Петербургский Гос. Университет — ИИМК РАН, 2001. С. 213–215.

114. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Археологический вестник: СПб.: ИИМК РАН, Наука, С. 203–206.

115. Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и международного научного семинара. 28–29.08.2000. Казань, 2001. С. 56–60.

116. Представление о времени и пространстве в древнетюркских памятниках // Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. Алматы: Евразийский Гос. Университет — Изд-во «Наука», 2001. С. 27–34.

117. Древнетюркская письменность и эпос // Актуальные проблемы истории древних кыргызов. Бишкек: Изд-во «Наука», 2001. С. 18–23.

118. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти члена-корреспондента РАН А. А. Новосельцева. М.: «Наука», 2000. С. 120–125.

119. Бронзовые статуэтки из Баян Хонгора (Монголия) // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово: Кемеровский Гос. Университет, 2001. Вып. 2. С. 8–11. В соавторстве с Д. Г. Савиновым.

120. О времени основания Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции. 1–3.07.1999. Казань, 2000. С. 68–71.

121. Родословная Сельджуков // Восток. История и культура. СПб.: Наука, 2000. С. 80–82.

122. Формирование фонда памятников древнетюркской письменности в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 46–52.

123. Центральноазиатский компонент в этногенезе туркменского народа // Культурное наследие Туркменистана: глубинные истоки и современные перспективы. Ашхабад; Санкт-Петербург, 2000. С. 40–42.

124. Образ кагана в орхонских памятниках // Studia in honorem S. Stachowski dicata «Folia Orientalia». Krakow, 2000. Vol. 36. P. 171–174.

125. Manichaean monasteries in the Land of Arghu // Studia Manichaica. IV. Internationaler Kongress zum Manichäismus, Berlin, 14–18. Juli 1997. Berlin: Akademie Verlag, 2000. S. 374–279.

126. Al-Birūnī's version of an old Turkic geneological legend // Turkic Languages. Wiesbaden, 1999. Vol. 2, pt. 2, P. 247–252.

127. The royal clan of the Turks and the problem of its designation // Post-Soviet Central Asia. Tauris. Academic Studies. London; New York; Leiden, 1999. P. 366–369.

128. Рунические памятники Таласа: проблемы топографии и датировки // СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 30–34.

129. Древнетюркский пантеон в континууме цивилизаций Волжской Степи // Материалы научной конференции восточного факультета, посвященные 275-летию Санкт-Петербургского Университета. 8–9.04.1999. СПб.: Гос. Университет, 1999. С. 154–156.

130. Исмаил Самани и кочевники // 1100-летию образования государства Саманидов. Материалы международной научной конференции. 28–29.04.1999. СПб.: Межпарламентская Ассамблея СНГ, 1999. С. 82–88.

131. Моисей Каланкатуйский о верованиях древнетюркских племен // «Историко-филологический журнал», Ереван, 1999, т. 1. С. 290–300.

132. Пазарыкская узда: к предыстории хунно-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии. СПб.: Наука, 1998. С. 169–177. В соавторстве с Д. Г. Савиновым.

133. Кто были половцы // Altaica. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. Вып. II. С. 88–91.

134. Имперский фон древнетюркской цивилизации // Отечественная история. Алматы, 1998. Вып. 1. С. 40–53.

135. The Oguz's of the Central Asia and Guz's of the Aral region // International Journal of Central Asian Studies. Seoul, 1999. Vol. 2. P. 1–4.

136. Aus der alttürkischen Onomastik // Turkologie Heute: Tradition und Perspektive, Wiesbasden, 1998. S. 171–174.

137. About one Khazar title in Ibn Fadlan // MO. 1997. Vol. 3. P. 22–23.

138. The Polovcian problem (I): the Central Asian aspect // Historical and Linguistic Interaction between Inner Asia and Europe. Proceedings of the 39th Permanent International Conference. Szeged, 1997. P. 151–153.

139. «Государь Китая» в Бугутской надписи // Altaica. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. Т. 1. С. 64–67.

140. Из древнетюркской ономастики // Ученые записки СПбГУ. СПб., 1997. Т. 430. Серия востоковедение. Вып. 35. С. 160–163.

141. Россия и Казахстан: геополитические перспективы и цивилизационный выбор // Эволюция государственности Казахстана. Материалы международной научной конференции. 3–5 апреля 1996 г. Алматы, 1996. С. 315–318.

142. Формирование древнетюркской государственности: от племенного союза до Первого Тюркского каганата // Эволюция государственности Казахстана. Материалы международной научной конференции. 3–5 апреля 1996 г. Алматы, 1996. С. 12–15.

143. The problem of early Turkic-Iranian contacts // Acta Orientalia Hungarica. 1995. T. 47, pt. 3. P. 445–447.

144. Древнейшие этапы тюркского этногенеза // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древней Центральной Азии. Бишкек, 1995. С. 46–48.

145. Рунические памятники Таласской долины // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек: Наука, 1995. С. 154–160.

146. Россия и тюркские народы Евразии // Цивилизация и культура. М.: Наука, 1995. Вып. 2. С. 184–202.

147. The Turkic runic script: is the hypothesis of its indigenous origin no more viable? // Roczinik Orientalistyczny. Warszawa, 1992. T. XLIX, pt. 2. P. 81–90. В соавторстве с В. Г. Гузевым.

148. Runic abidelerde Kıpçaklar // Türk dünyas. araştırmaları. Ankara, 1994. Cilt 39. N 3. P. 31–41.

149. Une Ile de Paques dans les montagnes de Mongolie // Le dossiers d'archeologie. Paris, 1994. T. 194. P. 51–53.

150. Paläographische Prototypen der alttürkischen Runenschrift // Dritte Deutsche Turkologenkonferenz. Turkologische Forschung-Tradition und Perspektive, 4–7. Ortober 1994. Leipzig. S. 11–12.

151. Orhon anıtlarında türklerin krallık soyunun adı // Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten. Ankara, 1994. S. 137–139.

152. Огузы Центральной Азіі та гузи Приаралля // Східниі Світ. Київ, 1994. № 2. С. 66–67.

153. Памятники Письменности из Теке-Туру // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1994. № 1. С. 74–75.

154. Этноним *букарак* в древнетюркском памятнике и проблема согдийской диаспоры в Центральной Азии // Материалы международного симпозиума «Бухара и мировая культура». Бухара, 1994. С. 5659.

155. Государства татар в Центральной Азии // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 139–147.

156. Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма // Вестник Санкт-Петербургского Гос. Университета. СПб., 1993. Серия 2. Вып. 4. С. 57–62. В соавторстве с В. Г. Гузевым.

157. Тюркоязычные народы России: этнические традиции и современность // Россия и Восток — проблемы взаимодействия. М., 1993. Вып. 1. С. 124–128.

158. Рунические граффити из раннесредневекового кочевнического погребения в долине р. Сал // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1993. С. 151–163. В соавторстве с Л. С. Илюковым.

159. Новая интерпретация Суджинской надписи // Бартольдовские чтения. 1993. М.: Наука, 1993. Вып. X. С. 55–56.

160. Новые открытия рунических памятников и их значение для ранней истории приаральских Огузов // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Мары, 1993. Вып. 4. С. 22–25.

161. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 33–34. В соавторстве с Д. Д. Васильевым и М. В. Гореликом.

162. Руническая надпись с правобережного Цимлянского городища // Краткие сообщения Института археологии. М., 1993. Вып. 210. С. 91–93. В соавторстве с В. С. Флёровым.

163. The runic inscription on a golden bracteat from Mongolia // Türk dilleri araştırmaları. Ankara, 1993. Cilt 3. S. 129–131.

164. Ancient Turkic ethnical and political unions and their role in the Turkic ethnogenesis // Altaic Religions. Beliefs and Practics. Budapest, 1992. P. 193–196.

165. Epische Sujets in den alttürkischen Runendenkmälern // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Bonn, 1992. Teil V. S. 15–34 (Asiatische Forschungen. Bd. 120).

166. Das Reich der Tataren in der Zeit vor Ćinggis Khan // CAJ. 1992. Vol. 36. N 1–2. P. 72–83.

167. Bugut'taki Soğtça kitabeye yeni bir bakış // Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten 1987. Ankara, 1992. P. 201–241. В соавторстве с В. А. Лившицем.

168. Древнетюркский пантеон в континууме цивилизаций Великой Степи // Степи Восточной Европы во взаимодействии Востока и Запада. Международный научный семинар. Донецк, 1997. С. 25–28.

169. Восточный Туркестан и каганы Ордубалыка. К интерпретации четырнадцатой строки Терхинской надписи // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., «Наука», 1992. С. 32–35.

170. Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток. М., 1992. Вып. 5. С. 5–17.

171. О самоназвании хакасов // Этнографическое обозрение. М., 1992. Вып. 2. С. 59–61.

172. Концепция «трех миров» в сибирском шаманизме (проблемы генезиса) // Шаманизм как религия. Генезис, реконструкция, традиции. Якутск, 1992. С. 12–14.

173. Рунические граффити из Приазовья // Varia Euroasiatica. Festschrift für Prof. A. Róna-Tas. Szeged, 1991. S. 111–116.

174. Political background of the Old Turkic religion // 4th European Seminar on Central Asian Studies. Bamberg, October 8–12. Bamberg, 1991. P. 24–25.

175. Суджинская надпись — уникальный памятник эпохи «кыргызского великодержавия» // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней Азии и Центральной Азии. Бишкек, 1991. С. 57–60.

176. Руническая надпись из Карбана // Известия СО АН СССР, история, философия и филология. Новосибирск, 1991. № 1. С. 61–57. В соавторстве с Е. П. Маточкиным.

177. Древнетюркская культура в древнейших тюркских текстах // Маловские чтения. Алма-Ата: Наука, 1990. С. 18–24.

178. Согдийцы в Центральной Азии // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии. Ташкент: Наука, 1990. С. 8–13.

179. Новое открытие тюркских эпиграфических памятников в Монголии // Бартольдовские чтения. М.: Наука, 1990. Вып. IX. С. 82–83.

180. Древнетюркские этнополитические объединения и их роль в этногенезе Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1990. Вып. 1. С. 98–104. В соавторстве с Д. Г. Савиновым.

181. An improved edition of the Arkhanen inscription // Rocznik Orientalistyczny. Warszawa, 1990. T. XLVII, pt. 1. P. 64–68. В соавторстве с Э. Трыярским.

182. Orhon yazıtlarında Türk kağan boylarını adı // Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten. Ankara, 1990. S. 137–140.

183. East Turkestan and the Qaghans of Ordubalïq // AOH. T. XLII, 1990, pt. 2. P. 277–280.

184. The date of the ancient inscriptions of Semirechie // Altaica Osloensia. Proceedings of the 32nd meeting of the PIAC. Oslo, 1990. P. 219–221.

185. Об одной рунической надписи с городища Алтын Асар (Восточное Приаралье) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1984. С. 87–97. В соавторстве с Л. М. Левиной.

186. Основные этапы этногенеза киргизского народа // Тюркология-88. Материалы и сообщения V Всесоюзной Тюркологической конференции. Фрунзе, 1988. С. 42–45.

187. Древнетюркская цивилизация в свете древнейших тюркских текстов // Взаимодействия и взаимовлияния цивилизаций и культур на Востоке. М.: Наука, 1988. С. 166–167.

188. Древнетюркская культура // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Наука, 1988. Вып. 13. С. 102–107.

189. Die Kiptschaken auf den runischen Denkmälern // CAJ. 1988. Vol. 32. N 1. S. 73–90.

190. К проблеме определения жанра древнетюркских рунических памятников // Тюркология-88. Материалы и сообщения V Всесоюзной Тюркологической конференции. Фрунзе, 1988. С. 33–34.

191. О Чокане Валиханове // Чокан Валиханов и современность. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции. Алма-Ата, 1988. С. 292–294.

192. Девятая надпись с Уйбата // СТ. 1987. № 1. С. 33–36.

193. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // СТ. 1987. № 3. С. 58–62.

194. Ancient Turkic culture as presented in early Turkic texts // Central Asia. Tradition & Change. Second European Seminar on Central Asian Studies. 7–10 April 1987. London, 1987. P. 34–36.

195. Тюрко-согдийские связи // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Советско-французский симпозиум по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987. С. 169–170.

196. Древнетюркские тексты как источник для истории тюркской культуры // Бартольдовские чтения. 1987. М., 1987. Вып. 8. С. 47–48.

197. Древнетюркская религия — проблемы реконструкции и генезиса // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Специальный выпуск. М., 1987. С. 45–53.

198. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. С. 19–37.

199. A runic inscription on a bull-skull from the Volga region // Between the Danube and the Caucasus. A Collection of Papers Concerning Oriental Sources on the Peoples of Central and South–Eastern Europe. Budapest, 1987. P. 171–179. В соавторстве с И. Вашари.

200. Tes abidesi // Türk kültürü araştırmaları. Ankara: Ankara Üniversitesi, 1986. S. 151–171.

201. Kipcsak és szir. A kipcsakok östöryenetéhez // Keletkutatas kiadja a körösi Czoma társaság, Budapest, 1986. P. 22–32.

202. «Государь Китая» в Бугутской надписи // ППиПИКНВ. М.: Издательство восточной литературы, 1986. Вып. XX. Ч. 1. С. 47–49.

203. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 312–339.

204. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности. М.: Ин-т востоковедения АН СССР — Изд-во «Наука», 1986. С. 217–228.

205. Генетические корни древнетюркской культуры // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986. Ч. 1. С. 37–39.

206. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica. К 80-летию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 153–164.

207. Генеалогия и хронология западно-тюркских и тюргешских каганов VI–VIII веков // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе: Наука, 1986. С. 164–170.

208. Итоги изучения исторического прошлого тюркоязычных народов СССР // Известия АН ТССР. Серия общественных наук, вып. 37. Ашхабад, 1985. С. 3–8. В соавторстве с С. Г. Агаджановым.

209. Социальная организация и духовная культура древних тюрков // Вопросы советской тюркологии. Ашхабад, 1985. С. 287–289.

210. Социальное содержание терминов qul küŋ в древнетюркских рунических памятниках // ППиПИКНВ. 1985. Вып. XVII. С. 168–170.

211. Рабы и рабыни в древнетюркской общине // Древние культуры Монголии. Новосибирск: СО АН СССР, 1985. С. 158–169.

212. The Tes inscription of the Uighur Böğü Qaghan // AOH. 1985. T. 39, fasc. 1. P. 137–156.

213. Праболгарский ТАНГРА и древнетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С. 18–22.

214. Каган, беги и народ в памятниках тюркской, рунической письменности // Ученые записки Ленингр. Гос. Университета. Т. 412. Серия востоковедческих наук. Вып. 25. Л., 1984. С. 143–153.

215. Древнетюркская письменность и методика оценки культурного континуума // Бартольдовские чтения. М., 1984. Вып. 7. С. 42–44.

216. Советско-монгольская экспедиция в 1982 г. // АО. 1982. М., 1984. С. 511–512.

217. Новые эпиграфические работы в Монголии (1969–1976) // История и культура Центральной Азии. М.: Наука, 1983. С. 112–133.

218. Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-тао // СТ. 1983. № 3. С. 79–83. В соавторстве с Ч. О. Джуматуловым.

219. Тэсинская степь. Предварительная публикация // СТ. 1983. № 6. С. 76–90.

220. The Terkhin inscription // AOH. 1983. T. XXXVI, fasc. 1–3. P. 335–366.

221. Основные направления историографической интерпретации древнетюркских памятников // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе: Наука, 1982. С. 125–132.

222. Одиннадцатая руническая надпись на камне-валуне из долины реки Талас // СТ. 1982. № 3. С. 86–88. В соавторстве с Ч. О. Джуматуловым.

223. Имущественная и социальная дифференциация в древнетюркской общине // ППиПИКНВ. М., 1982. Вып. XVI. Ч. I. С. 92–96.

224. Социально-политическая роль великих религий в древнетюркском обществе // Бартольдовские чтения. 1982. М., 1982. Вып. 6. С. 26–28.

225. Из древнетюркского пантеона // ППиПИКНВ. М., 1981. Вып. XV. Ч. I. С. 98–100.

226. О датировке рунических памятников Таласа // Бартольдовские чтения. 1981. М., 1981. Вып. 5. С. 43–44.

227. Древние изваяния в Гоби // Искусство и культура Центральной Азии (Государственный музей искусства народов Востока). М., 1981. С. 48–50. В соавторстве с Е. И. Лубо-Лесниченко.

228. Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа. М.: Гос. Музей искусства народов Востока, 1981. С. 64–65.

229. Этнографические работы в Монголии. 1980 // АО. 1980. М., 1981. С. 487–488.

230. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 117–138.

231. Die Steinplatten vom Golden See // Materialia Turcica. Bd. 5. Bochum, 1981. S. 1–14.

232. Современные проблемы исследования памятников древнетюркской письменности // Проблемы современной тюркологии. Материалы 2-ой Всесоюзной Тюркологической конференции. 27–29.IX.1976. Алма-Ата, 1980. С. 318–324.

233. По поводу башкирской находки // СТ. 1980. № 2. С. 67–68.

234. Эпиграфические работы в Монголии // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 1980. Т. IX. С. 17–33.

235. Терхинская надпись. Предварительная публикация // СТ. 1980. № 3. С. 82–95.

236. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрена // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. XXII. С. 90–102.

237. Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни // Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М.: Наука, 1980. С. 158–161.

238. О собственности на землю в Тюркском каганате // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.

239. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: СО АН СССР, 1979. С. 37–60. В соавторстве с В. А. Лившицем.

240. Эпиграфические работы в Монголии. 1978 // АО. 1978. Советская археология. 1971. № 1. С. 270–275.

241. Концепция «трех миров» в древнетюркском пантеоне // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири. Омск, 1979. С. 109–112.

242. Древнетюркская мифология. К постановке проблемы // ППиПИКНВ. 1979. Вып. XIV. С. 91–96.

243. Наскальная руническая надпись в Кызылкумах // Полевые исследования Института этнографии. М., 1978. С. 173–174.

244. Эпиграфические работы в Монголии. 1978 // АО. М., 1979. С. 575–576.

245. Наскальные рунические надписи Монголии. 1. Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыта-хад, Хэнтэй // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

246. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 238–255.

247. Древние города Монголии // Древние города. Материалы Всесоюзной Конференции. Л., 1977. С. 64–65.

248. Эпиграфические работы в Монголии. 1976 // АО. 1976. М., 1977. С. 588–589.

249. Древнейшие датированные памятники енисейской рунической письменности // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 156–157.

250. Древнетюркская письменность и история культуры Центральной Азии // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976. С. 52–54.

251. Руническая эпиграфика Южной Сибири. Наскальные надписи Тепсея и Турана // СТ. 1976. № 1. С. 66–70.

252. Эпиграфические исследования в Монголии. 1975 // АО. 1975. М., 1976. С. 580.

253. Einige Probleme der Geschichte der alttürkischen Kultur Zentralasiens // Altorientalische Forschungen. Berlin, 1975. Bd. II. S. 119—128.

254. Стелы Золотого озера // Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 258–267.

255. L'interprétation du mot *bediz* dans les inscriptions runiques // Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Német. Budapest, 1976. P. 51–54.

256. О генетических корнях древнетюркской культуры // Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1975. С. 36–38.

257. Рунические надписи кургана Аржан 2 // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 184–185.

258. О собственности на землю в Тюркском каганате // Бартольдовские чтения. М., 1975. Вып. II. С. 20–22.

259. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1974. С. 45–48. В соавторстве с Е. Н. Лубо-Лесниченко.

260. Храм, изваяние и стела в древнетюркском погребальном обряде. Свидетельства рунических текстов // ППиПИКНВ. 1974. Вып. X. С. 67–71.

261. В. В. Бартольд и некоторые проблемы тюркологии // Бартольдовские чтения. М., 1974. Вып. I. С. 34–36.

262. Эпиграфические исследования на Верхнем Енисее. 1973 //АО. 1973. М., 1974. С. 208.

263. Эпиграфические работы Саяно-Тувинской экспедиции. 1972 // АО. 1972. М., 1973. С. 218.

264. Руническая надпись Йир-Сайыр // СТ. 1973. № 2. С. 104–109. В соавторстве с Д. Д. Васильевым.

265. Рунические надписи каньона Енисея // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1973. Т. XVI. С. 228–231.

266. Монета с рунической надписью из Монголии // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 334–338.

267. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 306–315.

268. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 254–264.

269. Роль согдийцев в экономической жизни Тюркского и Уйгурского каганатов // ППиПИКНВ. 1973. Вып. IX. С. 19–22.

270. Рунические надписи Хемчикбоома // ППиПИКНВ. 1972. Вып. VIII. С. 27–29.

271. Эпоха Махмуда Кашгарского // СТ. 1972. № 1. С. 18–23.

272. В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 20–31. В соавторстве с С. И. Вайнштейном.

273. Une inscription inédite turque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale) // Journal Asiatique. 1972. T. 259. P. 11–20. В соавторстве с В. А. Лившицем.

274. The Sogdian inscription of Bugut revised // AOH. 1972. T. XXVI, fasc. 1. P. 63–102. В соавторстве с В. А. Лившицем.

275. Руническая надпись из Восточной Гоби // Studia Turcica. Budapest, 1971. С. 249–258.

276. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Т. X. С. 121–146. В соавторстве с В. А. Лившицем.

277. Сэврэйский камень // СТ. 1971. № 3. С. 106–112. В соавторстве с В. А. Лившицем.

278. Руническая надпись в Улуг-Хемском районе // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1971. Т. XV. С. 245–249. В соавторстве с И. У. Самбу.

279. Тимирсугская руническая надпись // ППиПИКНВ. М., 1971. Вып. VII. С. 19–21.

280. Эпоха «Кутадгу билиг» // СТ. 1970. № 4. С. 82–86.

281. Об изучении древнеуйгурских памятников в СССР // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: АН КазССР, 1970. Т. 2. С. 54–57.

282. Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник, 1970. М., 1970. С. 148–162. В соавторстве с В. А. Ромодиным.

283. Древнетюркская руническая эпиграфика: итоги и перспективы изучения // ППиПИКНВ. 1970. Вып. VI. С. 83–85.

284. Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна // ППиПИКНВ. 1969. Вып. V. С. 46–47.

285. Надписи Тепсея // ППиПИКНВ. 1968. Вып. 4. С. 18–20.

286. Тоньюкук — Ашидэ Юаньчжэнь // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 202–205.

287. Надпись или олень? (По поводу одной публикации) // Народы Азии и Африки. 1966. № 2. С. 131–133. В соавторстве с М. П. Грязновым.

288. Проблемы ранней истории племен *турк* (*ашина*) // Новое в советской археологии. М., 1966. С. 171–178.

289. К вопросу о происхождении древнетюркской рунической письменности // ППиПИКНВ. 1965. Вып. I. С. 46–47.

290. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 16–18.

291. По поводу интерпретации Уланкомской надписи // Советская археология. 1963. № 4. С. 292–293.

292. К историографической оценке Уланкомской надписи // Эпиграфика Востока. Л., 1961. Т. XIV. С. 26–28.

293. Согдийцы в Центральной Азии // Эпиграфика Востока. Л., 1961. Т. XIV. С. 29–31.

294. Археологические разведки в Центральных Кара-Кумах // Проблемы нефтегазоносности Средней Азии. М.; Л., 1961. Вып. 2. С. 286–292. В соавторстве с А. П. Окладниковым.

295. Jaxartes — Syr-Darja // CAJ. 1961. Vol. VI. № 1. P. 24–26.

296. Orta Asya milletlerinin araplara karşı mücadelerine dair (Orhun yazıtlarına göre) // Türk Tarih Kurumu. Belleten. T. XXVI. 1961. № 104. S. 763–776.

297. Sur les colonies sogdiennes de l'Haite Asie // Ural-Altaische Jarbücher. Wiesbaden, 1961. Bd. XXXIII. N 1–2. P. 95–99.

298. К вопросу о подлинности древнетюркской надписи с именем Чингиз-Хана // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 173–175.

299. Титул согдийского владетеля в древнетюркском тексте // Проблемы востоковедения. 1960. № 6. С. 133–135.

300. Согдийцы в Семиречье // Советская этнография. 1959. № 1. С. 7–11.

301. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Душанбе, 1959. Т. 103. С. 167–168.

302. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 162–169.

303. Об использовании геофизических методов в археологической разведке // Советская археология. 1958. № 4. С. 215–218.

304. A propos des mots *soyd berčeker bukarq ulys* de l'inscription de Kül tégin // CAJ. 1958. T. III. N 4. P. 245–251.

305. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам) // Эпиграфика Востока. Л., 1954. Т. IX. С. 55–64.

306. Orhon abidelerinde Kengünün karmı-yer adı // Türk Tarih Kurumu. Belleten. Ankara, 1954. T. XVIII. N 69. P. 89–104.

307. Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах // Советская этнография. 1951. № 3. С. 56–73.

III. Рецензии и персоналии

1. Турсун Икрамович Султанов. К 60-летию со дня рождения // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XX. СПб., 2000. Изд-во СПб. Гос. Ун-та. С. 10–13.

2. World history reconsidered through the Silk Road. Ed. by T. Moriyasu. Osaka University, 2003, 324 p. // Восток, 2005, № 4. С. 195–199. В соавторстве с Д. В. Рухлядевым.

3. Orient. Альманах. Вып. 2–3, СПб., 1998 // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 147–149. В соавторстве с А. А. Бурыкиным.

4. *И. В. Пьянков*. Средняя Азия в античной географической традиции. М., РАН, 1997 // CAJ. 2000. Vol. 44, pt. 2. P. 321–323.

5. *P. Zieme*. Altun Yaruq Sudur und das erste Buch. Berlin, 1996 // MO. 1997. Vol. 3.N 1. P. 66–68.

6. *Л. Ю. Тугушева*. Уйгурская версия биографии Сюан Цзяна. М.: Наука, 1995 // MO. 1995. Vol. I. N 2. P. 68–69.

7. *Р. Г. Кузеев*. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М.: Наука, 1992 // CAJ. 1995. Vol. 39. P. 317–321.

8. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 5. С. 477–478.

9. Turcica. Paris, 1975. T. VII // CT. 1976. N 5. P. 90–92. В соавторстве с И. Е. Фадеевой.

10. Turcica. Paris, 1974. T. IV // CT. 1976. N 2. P. 107–109. В соавторстве с И. Е. Фадеевой.

11. *К. Ш. Шаниязов*. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. СТ. 1975. № 4. С. 106–108. В соавторстве с Т. И. Султановым.

12. Turcica. Paris, 1975. T. VII // CT. 1976. № 5. P. 90–92. В соавторстве с И. Е. Фадеевой.

13. Turcica. Paris, 1972. T. II // CT. 1974. № 1. P. 101–103. В соавторстве с Н. А. Дулиной.

14. Сэр Джерар Клосон // СТ. 1974. № 5. С. 115–116. В соавторстве с А. Н. Кононовым.

15. *С. М. Абрамзон*. Киргизы. М.; Л., 1972 // СТ. 1973. № 1. С. 120–122. В соавторстве с К. К. Юдахиным.

16. История Тувы. Т. I–II. М.: Наука, 1964 // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 159–163. В соавторстве с Р. Ф. Итсом.

17. *Liu Mau-tsai*. Die chinesischen Nachrichten zur Geschischte der Ost-Türken. Wiesbaden, 1958. Bd. I–II // Ural-Altaische Jährbücher. 1962. Bd. XXXIV. Hf. 1–2. P. 155–156.

18. Philologiae Turcicae Fundamenta. Wuesbaden, 1959. T. I // Проблема востоковедения. 1960. № 6. С. 194–195.

IV. Составитель, автор предисловий и комментариев. Ответственный редактор, председатель редколлегии

1. Тюркологический сборник 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., «Восточная литература», 2013. 431 с. Составитель и председатель редколлегии С. Г. Кляшторный.

2. Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., «Восточная литература», 2011. 383 с. Составитель и председатель редколлегии С. Г. Кляшторный.

3. Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., «Восточная литература», 2009, 423 с. Сост. и предс. редколлегии С. Г. Кляшторный.

4. Тюркологический сборник 2006. М., «Восточная литература», 2007, 366 с. Сост. и предс. редколлегии С. Г. Кляшторный.

5. Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., «Восточная литература», 2006, 382 с. Сост. и предс. редколлегии С. Г. Кляшторный.

6. Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., «Восточная литература», 2005, 375 с. Сост. и предс. редколлегии С. Г. Кляшторный.

7. Тюркологический сборник 2002. Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. 415 с. Составитель и председатель редколлегии С. Г. Кляшторный.

8. Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002, 302 с. Составитель и председатель редколлегии С. Г. Кляшторный.

9. *В. В. Бартольд*. Работа по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., «Восточная литература», 2002. 757 с. Составитель и автор предисловия С. Г. Кляшторный.

10. *Т. И. Султанов*. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алма-Ата, 2001. 273 с. Отв. редактор и автор предисловия (с. 5–12) С. Г. Кляшторный.

11. Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. 363 с. Составитель, зам. председателя редколлегии, автор предисловия (с. 3–6) С. Г. Кляшторный.

12. *С. И. Вайнштейн*. Мир кочевников Центральной Азии. М.: Наука, 1991. 295 с. Отв. редактор С. Г. Кляшторный.

13. Turcologica. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. 360 с. Составитель, отв. редактор С. Г. Кляшторный.

14. Зарубежная тюркология. Т. 1. М.: Наука, 1986. 383 с. Составитель и автор предисловия (с. 3–10) С. Г. Кляшторный.

15. Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М.: Наука, 1986. 301 с. Составитель и член редколлегии С. Г. Кляшторный.

16. *М. Х. Абусеитова*. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. 103 с. Отв. редактор С. Г. Кляшторный.

17. *Д. Д. Васильев*. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 125 с. Отв. редактор С. Г. Кляшторный.

18. Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976. 264 с. Отв. редактор и составитель С. Г. Кляшторный.

19. *С. И. Вайнштейн*. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. Отв. редактор С. Г. Кляшторный.

20. *Д. Кара*. Книги монгольских кочевников. М.: Наука. 1972. Отв. редактор С. Г. Кляшторный.

21. Тюркологический сборник. К шестидесятилетию академика А. Н. Кононова. М.: Наука, 1966. 276 с. Составитель и отв. редактор С. Г. Кляшторный.

Использованные сокращения:

АО — Археологические открытия. Ежегодник. М.: АН СССР.

ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы (Изд–ва «Наука»). М.

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.

ППиПИКНВ — Памятники письменности и проблемы истории культуры народов Востока. Материалы ежегодных научных сессий Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. М.: ГРВЛ Изд–ва «Наука».

СТ — Советская тюркология. Всесоюзный тюркологический журнал. Баку.

AOH — Acta Orientalia Hungarica. Budapest.

CAJ — Central Asiatic Journal. Leiden.

MO — Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. St. Petersurg: Thesa.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ ГЛАЗАМИ КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ

ДОКЛАДЫ

Ф. М. Асадов

ХАЗАРЫ И БАРСИЛЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ С. Г. КЛЯШТОРНОГО

Аннотация. *В статье представлены результаты исследований С. Г. Кляшторного о происхождении хазар из объединения родственных тюркских племен теле, известных по китайским источникам под этим именем с начала VI в. Аргументы автора в поддержку гипотезы о ранних связях хазар с этой группой племен, и в частности с племенем барсилов, обсуждаются в контексте сомнений и возражений, высказанных в последнее время в исследовательской литературе по поводу этой гипотезы. К дискуссии привлекаются данные арабских источников о смысловом содержании имени (нисбы) ал-хазари в арабской литературе, об использовании термина барсил в сообщениях о хазарах. Сведения арабских источников сопоставляются со свидетельствами византийских и армянских авторов о связи хазар и барсилов. Выдвигаются новые аргументы в пользу гипотезы С. Г. Кляшторного.*

Ключевые слова: *хазары, барсилы, огуры, Парсбит, Барджик*

Среди большого разброса мнений о происхождении хазар и времени их появления на территории созданного ими государства особо популярной является точка зрения их связи с так называемым тюркским огурским этническим массивом [Ромашов 2001, с. 272–9; Golden 2007, p. 53]. Огуры, по общему признанию исследователей, были тюркскими племенами, рано выдвинувшимися на запад Евразийских степей и лингвитически характеризовавшимися как носители архаичного тюркского диалекта [Golden 1992, p. 93]. Предположительно на этом языке говорили многочисленные булгарские племена, а единственным сохранившимся потомком этой языковой среды считают чувашский язык [Dunlop 1954, p. 186; Golden 1992, p. 20]. Появление огурских племен в волжских степях и Предкавказье надежно документировано Приском Панийским в его сообщении о посольстве огуров, сарагуров и оногуров к Византийскому двору в 463 г. [Приск 1860, с. 87]. Более раннее выдвижение их на запад в составе гуннской конфедерации не исключается, но не имеет прямых доказательств.

Огуры были западным крылом большого массива тюркских племен, известных по китайским источникам Танского времени под названием «теле» — тележники (от тюркск./монг.: *тегрек*). Эту конфедерацию в начале VII в. возглавили уйгуры. [Golden 1992, p. 93–94; Кляшторный/Султанов 2009,

с. 170]. Созвучность этнических названий убедила Дугласа Данлопа отнести свидетельства византийских авторов об огурах к уйгурам, хорошо известным по разнообразным источникам. Вслед за российским ученым В. В. Радловым [Радлов 1893, с. 127–128] его считают основоположником так называемой уйгурской теории происхождения хазар [Golden 2007, v. 1, p. 53].

Сергей Григорьевич Кляшторный — автор гипотезы, которая логически законченным образом объясняет связь терминов огур и уйгур, и ее значение для вопроса происхождения хазар. Детальное знакомство с известиями разноязычных письменных источников соединялось в его исследованиях с его собственным бесценным вкладом в расширение источниковедческой базы вопроса о связи хазар с огурами. Соединив известия китайских и ближневосточных авторов с данными евразийских памятников тюркской письменности, он установил, что крупная группировка тюркских племен *теле*, упоминавшаяся выше, имела самоназвание *огуз*. Выдающийся российский тюрколог в каждой ситуации, когда упоминал огуров, параллельно указывал термин огуз как синоним [Кляшторный/Савинов 2005, с. 60, 68]. Название *теле*, как оно фиксируется в китайских источниках, по всей вероятности, использовалось тюркоязычными соседями этого народа. Сами себя *теле* называли *огуз*, или *огур*. Последнее было архаичной формой, использовавшейся в языках западной группы *теле*. Именно эти западные огузы/огуры и были упомянуты в известии Приска Панийского о появлении огуров, оногуров и сарагуров на византийских границах. И на востоке, и на западе племена *теле* могли иметь в своем составе свои, но, часто, одни и те же племенные подразделения, которые могли мигрировать на запад в зависимости от исторических обстоятельств на востоке. В результате этих миграций произошел окончательный раскол племен теле на западную группу — носителей архаичной формы общего тюркского языка, и восточную группу, где архаичная форма самоназвания *огур* была вытеснена эквивалентом *огуз,* но сохранилась в названии одного из телесских народов — уйгуров. Среди племен в составе телесских конфедераций могли быть и хазары [Кляшторный 2003–04, с. 111; Кляшторный 2005, с. 261].

Наиболее твердые аргументы в пользу гипотезы о присутствии племени хазар в составе телесской коалиции, вначале вошедшей в состав тюркского каганата, а затем возглавленной уйгурами, С. Г. Кляшторный обнаружил в открытых им Терхинской (753 г.) и Тэсинской (762 г.) надписях уйгурских каганов Элетмиш Бильге и его сына Бёгю-кагана. Содержание этих сведений сводится к тому, что уйгурские каганы видели свое государство как продолжение традиций раннего тюркского каганата, обвиняли часть племен тюркской конфедерации во главе с родом Ашина в братоубийственной рас-

пре, в результате которой погибли «прославленные огузы» Беди Барсил и Кадыр Касар. С. Г. Кляшторный считал, что пострадавшей стороной были западные телесские племена, называвшиеся в архаическом диалекте огурами, или огузами — согласно более поздней лингвистической традиции. Беди Барсил и Кадыр Касар были вождями двух огурских племен, соответственно барсилов и хазар [Кляшторный 2003–04, с. 95–117]. Автор гипотезы изложил свою точку зерния в ряде публикаций, но наиболее последовательно и убедительно она представлена в его итоговой монографии, объединившей публикацию текстов, переводы, комментарии и исследования уйгурских надписей с основными выводами его многолетних исследований [Кляшторный 2010, с. 175].

После первых публикаций Тэсинской и Терхинской надписей в первой половине 80-ых гг. прошлого века [Кляшторный 1980; Klyashtorniy 1982; Klyashtorniy 1985] коллеги российского ученого получили возможность изучать тексты и предлагать свои переводы и интерпретации. Японский исследователь Токаши Осава в 1999 г., а в последнее десятилетие венгерский востоковед Арпад Берта (2004 г.) и турецкий ученый Эрхан Айдын (2011 г.), предложили свои варианты, отличавшиеся от трактовок открывателя текстов по следующим двум важнейшим текстологическим решениям: Беди, Барсил, Кадыр, Касар читались не как эпонимы, а имена четырех различных родов (не двух). И второе: об этих родах сообщалось, что они покинули свои места, тогда как чтение С. Г. Кляшторного предполагало, что двое вождей погибли в междусобице[1]. В поддержку своего прочтения этих мест С. Г. Кляшторный выдвинул следующее соображение: имена Беди Барсил и Кадыр Касар упоминаются в обеих исследуемых надписях, но в разном порядке и попарно, как он и предлагал читать. Иными словами, парная инверсия предполагает, что в текстах речь шла о двух двусложных именах, а не четырех односложных [Кляшторный 2010, с. 90–91].

По признанию ведущих специалистов по истории хазар, эта гипотеза очень удачно объединяла разрозенные сведения источников в единую логическую связь. Среди сторонников этой гипотезы был, например, известный венгерский востоковед Андраш Рона-Таш. Вместе с тем отмечались и трудности в доказательности этой гипотезы. Переход от формы *огур* к *уйгур* требует объяснения для появления звука «й» в середине корня, если

[1] Ознакомиться с венгерским и турецким переводами Тэсинской надписи оказалось возможным благодаря щедрой консультации и помощи Питера Гольдена через личную переписку.

только это не было застывшей формой оригинального двусложного термина *о/у-й-(о)гур*, которая также требует своего этимологического объяснения.[1]

Без ответа остается вопрос о происхождении и значении самого термина хазар. Если слово продолжать связывать с тюркским корнем *кез* («свободно гулять», или иносказательно, «бежать от политической власти»), то почему это имя уже носил погибший в политической борьбе вождь? Если же племя получило название от эпонима, то каково значение слова? Традиционная этимология в таком случае не так убедительна. Если распря, которая, согласно уйгурским надписям, произошла после смерти кагана Бумына (552 г.), была основной причиной гибели огузских вождей и бегства племен барсилов и хазар на запад, то как складывалась их судьба до того, как появляются известия о хазарском каганате через несколько десятилетий?

Феофилакт Симокатта сообщает нам, что народ барселт, которых традиционно отождествляют с барсилами, находился на западе прежде, чем туда был направлен новый поток огурской миграции, с которым Д. Данлоп связывал возникновение Хазарского государства. Вместе с другими огурами они будто бы ошибочно приняли их за устрашавших их прежде авар [Симокатта 1957, с. 160]. Конечно, можно допустить, что барсилы могли мигрировать двумя волнами, и только последняя миграция 598 г. могла произойти в результате вышеуказанных событий и одновременно с миграцией хазар. Тем не менее, убедительных доказательств на этот счет не имеется. К тому же, выходит, что племена барселт, упомянутые у Симокатты, не признали собственных соплеменников и были устрашены ими. Однако, появляется вопрос, были ли основатели хазарского каганата, который также возглавили представители тюркской каганской династии Ашина, идентичны тем самым соплеменникам погибших огузских вождей Кадыр Касара и Беди Барсила? Ведь, согласно предложенной версии предыстории хазар, их предки-эпонимы были уничтожены родом Ашина, взявшими верх в братоубийственной распре. Потому-то после сокрушения государства Ашина победивших уйгуров возглавил новый правящий каганский род Яглакаров.

Хазары же на известном этапе своего развития, вероятнее всего, со времени западного похода Истеми кагана и завоевания Крыма до крушения Западно-тюркского каганата (571–656 гг.), были частью политической системы каганата Ашина. И вовсе не исключается, что их появление на Кавказе и на территории своего будущего государства было результатом политической консолидации, вызванной экспансией кок-тюркской конфедерации. Во всяком случае, сведения о них в составе войска ябгу-кагана в

---

[1] Личная переписка с П. Б. Гольденом.

военной кампании 627 г. против Ирана подтверждаются разнообразными источниками. Надежная фиксация хазар как политической силы в регионе происходит именно в ходе продвижения Тюркского каганата на запад [Golden 1980, vol. 1, p. 50; Golden 1992, p. 236]. Византийский источник сообщает, что Ираклий, прибыв в Лазику, призвал к союзу «восточных турков, которых называют хазарами» [Чичуров 1980, с. 59]. Иначе говоря, если и существовала хазарская этническая группа в период доминирования каганата кок-тюрков, она, вероятнее всего, ассоциировалась с тюрками. Эти соображения не находятся в полном соответствии с допущением о создании Хазарского каганата жертвами политических потрясений и распрей в каганате Ашина.

Наверное, не вызовет возражений утверждение, что термин *хазар* после создания Хазарского каганата мог подобно термину *турк* служить в качестве политонима и распространялся на различные этнические группы. Профессор П. Б. Гольден даже высказал в Исламской Энциклопедии мысль, что появление хазарского племенного союза, возможно, было результатом консолидации кочевых племен, осуществленной в ходе завоевания кавказско-причерноморских степей тюркютами (тюрками каганата), а до этого этнического названия *хазар* могло и не существовать [Golden 1990, p. 1172].

Косвенным подтверждением того, что термин хазар мог использоваться в халифатском обществе не в качестве этнического названия, служат сведения о гвардейцах-хазарах в Аббасидском халифате. Многие хазарские гулямы имели двойные *нисбы* (прозвания, указывавшие на географическое, этническое, или какое-либо иное происхождение): ат-Турки и ал-Хазари. Хазарских невольников считали в халифской гвардии этническими тюрками. Двойные нисбы имели, например, такие выдающиеся военачальники как Итах ат-Таббах, командующий гвардейским корпусом халифа ал-Мутасима (убит в 849 г.), или первый амир ал-умара в халифате Ибн Раик (ум. в 942 г.). И тем не менее в Самарре квартиры хазарских гвардейцев располагались отдельно, но по соседству с тюрками [al-Ya›qubi 1860, p. 37].

Тюркские гулямы поступали из двух основных регионов — Центральной Азии и Кавказа, хазарского пограничья. Известный тюркский военачальник Буга ал-Кабир, которого грузинская хроника «Картлис Цховреба» дает основание считать хазарином [Golden 1980, vol. 1, p. 78], имел только лишь нисбу ат-Турки. Нам известно, что он был связан с Хорасаном, и, возможно, был куплен там его первым владельцем Фадлем б. Сахлем [Golden 2004, p. 281].

Ал-Истахри оставил свидетельство, которое позволяет предположить, что продажа рабов-хазар на невольничьих рынках самой Хазарии практически исключалась [al-Istakhri 1961, p. 131]. В подтверждение того, что

хазарскими невольниками в мусульманском мире могли именоваться представители иных тюркских народов, мы имеем свидетельство автора персоязычной Географии X в. «Худуд ал-Алам», что большая их часть происходила из подвластных хазарам печенегов [Hudud al-Alem 1937, p. 160].

Пример Буги ал-Кабира и приведенные выше соображения свидетельствуют в пользу предположения, что нисба ал-Хазари часто могла указывать на происхождение тюрков-невольников, или наемников, из Хазарии, иначе говоря, с Кавказа и восточно-европейских степей, тогда как ат-Турки было и родовым именем, и указанием на центрально-азиатских тюрков.

Вернемся к связям хазар с барсилами. Нетрудно заметить, что в известиях византийских и сирийского авторов *барсил* выступает как топоним, а *хазар* как этноним. Армянские источники, сохранившие отзвуки каких-то самых ранних событий на Кавказе, впоследствии связывавшихся с хазарами, говорят о барсилах и хазарах как о двух близких народах. Когда же приходит время арабских свидетельств о положении дел в Евразии, Барсил встречается практически только в качестве географического названия. Это, прежде всего, упоминание некоего места ал-Баршалия, в котором будто бы состоялась встреча Сасанидского царя Хосрова Ануширвана и хазарского кагана [al-Beladsori 1866, p. 194–5; Kodama 1889, p. 260]. Ранний арабский историк ал-Йакуби, упоминает о встрече арабского полководца Масламы б. Абд ал-Малика с хазарским каганом в месте, названном Варсан. Встреча завершилась кровопролитным сражением, далеко не удачным для арабов [al-Ya'kubi 1937, Vol. 3, p. 59]. Название «Варсан» без каких-либо сомнений и лингвистических трудностей связывают с Берсилией византийских авторов и барсилами [Golden 1980, vol. 1, p. 144; Гаджиев 1995, с. 33]. И только два мусульманских автора, использовавшие, вероятнее всего, общий источник, упоминают *барсил* как этноним. Это географ Ибн Руста (перв. пол. X в.) и автор анонимной персидской географии второй половины X в. «Худуд ал-Алем». В этих произведениях есть краткое упоминание о так называемых *барсула*, являвшихся одним из трех подразделений союза волжских булгар [Ibn Rusta 1967, p. 141, Hudud al-Alem 1937, p. 162]. Эти упоминания относятся ко времени, когда, сначала вследствие хазарской экспансии, а затем в результате давления арабов, население южной Хазарии вынужденно покидало прежние места проживания и передвигалось подальше на север. Так происходило с сабирами, или суварами, и баланджарцами, которые также мигрировали на север под покровительство булгар [Golden 1980, p. 144].

Украинский историк О. Б. Бубенок сравнивая известия арабских, византийских и кавказских источников о Барсилии, пришел к выводу, что барсилы, а соотвественно и страна с их названием, располагалась на Ниж-

ней Волге. Затем барсилы переместились в Центральный Кавказ, где дали название стране Барсилии, сведения, о которой сохранили византийские источники и Михаил Сириец. И лишь после этого в результате политических событий середины VII в., они вместе с булгарами перебрались на Среднюю Волгу [Бубенок 2002, с. 32–33]. В этой последовательности событий нет противоречий, однако отсутствует важная составляющая проблемы барсилов — их ранняя связь и возможное этническое родство с хазарами. По этому вопросу украинский исследователь высказался в пользу возможного аланского происхождения барсил, видимо, исходя из сообщения сирийского источника, что Барсилия была страной алан. Это мнение, конечно, плохо согласовывалось с известиями об их ранних связях с хазарами, а затем булгарами, и потому автор статьи пришел к заключению, что барсилы были политическим союзом в исторической области Барсилия на Кавказе.

В исследованиях С. Г. Кляшторного предлагалось решение и этого противоречия в известиях о происхождении барсилов. Еще Л. Н. Гумилев привлек к исследованиям о миграции тюркских племен тибетский источник, включавший пять отчетов о политической обстановке и расселении племен на севере. Среди двенадцати тюркских родов, прежде входивших в коалицию тюркского каганата, упомянуты также *пар-сил*, которых автор книги «Древние тюрки» идентифицировал с барсилами на северо-западном Прикаспии [Гумилев 1993, с. 161–162]. Этот тибетский документ, по всей видимости, был переводом материалов разведывательной миссии, отправленной уйгурским каганом Элетмиш Бильге (747–759 гг.). Заметим, что это событие происходило по прошествии более чем ста лет после начала истории Хазарского каганата.

Руководствуясь восстановленной Дж. Клосоном китайской транскрипцией этнонима *биши*, С. Г. Кляшторный установил, что первое упоминание *биши* (*парс-ил*) в танских хрониках относится к 627–641 гг. Они проживали на реке Талас на север от Гаочана (Турфана) и управляли пятью племенами Западно-тюркского каганата [Кляшторный 2010, с. 173]. А это время как раз и можно считать преддверием создания хазарского каганата. В армянской географии VII в. «Ашхарацуйц» имеется известие о том, что хазарский хаган был «царем севера», а его жена происходила из барсилов [Патканов 1877, с. 35–36]. Установив высокое положение барсилов в иерархии тюркских племен каганата, С. Г. Кляшторный, видимо, сопоставив этот вывод со свидетельством армянской географии, пришел к заключению, что хазарские каганы, добившись политического превосходства над барсилами, легитимизировали свою власть посредством браков с представительницей их правящего рода [Кляшторный 2010, с. 174].

Другой армянский источник, писавший столетием позже создания «Ашхарацуйц», автор «Истории халифов» Левонд сохранил любопытное известие о матери хазарского кагана Парсбит, которая после смерти сына распорядилась, чтобы полководец Тармач совершил набег на Южный Кавказ через проход Чорай (Чора, или Дербентский проход). Хазары перешли реку Аракс, нанесли поражение арабскому полководцу ал-Джарраху, захватили Ардебиль и Табриз в Азербайджане. События происходили в правление халифа Хишама (724–743 гг.), вскоре после его воцарения [Гевонд 1862, с. 71–72; Lewond 1982, p. 107]. Исследователи отмечали совпадение обстоятельств похода, о котором сообщает Гевонд, с сообщениями арабских авторов о военной кампании 730 г., когда сын хазарского кагана Барджик нанес поражение тому же ал-Джарраху и захватил Ардебиль. Моисей Каланкатуйский в «Истории Албании» лишь вскользь упоминает, что хазарский царевич в ответ на постоянные походы ал-Джарраха, совершил ответный поход и убил его [Каланкатуаци 1984, с. 161]. Имя царевича встречается у Ибн ал-Асама ал-Куфи [Ibn A'tham al-Kufi 1992, p. 226, 233] и в персоязычном переводе Истории ат-Табари, выполненном в X в. Абу Али Мухаммадом Балами для саманидского правителя Мансура ибн Нуха (961–976 гг.). Варианты имени в более поздних произведениях производны от этих двух основных источников. У ал-Куфи и Балами был, по-видимому, общий местный источник [Golden 1980, vol. 1, p. 158]. Рукописи произведений наших основных информаторов передают имя каганского сына каждая по-разному, из чего можно заключить, что в его начертании было много неясности для переписчиков. Питер Гольден, проанализировавший варианты имени во всех доступных рукописях, указывает на связь имени матери кагана, упоминавшейся только у Гевонда, и одного из вариантов имени хазарского царевича у ал-Куфи. Он считал, что армянский автор тюркское имя Барс-бек/бег мог воспроизвести со сменой конечного «к» на «т», что было вполне вероятным при передаче специфического тюркского звука в словах *бек/бег*, или *хакан/хаган*. Иначе говоря, имя Парсбит вполне могло быть искажением хазарского имени Барс-бек, а речь в этих сообщениях могла идти об одном и том же лице — по-видимому, о сыне хазарского кагана [Golden 2005, p. 210].

Сопоставляя известия Гевонда о хазарском походе на Ардебиль со сведениями других источников, можно предположить, что в его рассказе два предания наложились друг на друга: сообщения его предшественников о старшей жене хазарского кагана из рода барсилов соединились с известиями о походе сына хазарского кагана.

Библиография

1. Al-Beladsori 1866: *al-Beladsori*, *Imamo Ahmed ibn Yahja ibn Djabir.* Liber Expugnationis Regionum [in Arabic]. Lugduni Batavorum (Leiden), 1866.

2. Al-Istakhri 1961: *Al-Istakhri Abu Ishaq Ibrahim b. Muhammad al-Farisi (al-ma'ruf bi al-Karkhi)*. Al-Masalik Wa Al-Mamalik. al-Kahira: Wizarat as-saqafa wa al-irshad al-qaumi, 1961.

3. Al-Ya'qubi 1860: *al-Ya'qubi*, Ahmed ibn Abi Ya'qub noto nomine. *Kitabo'l-Buldan*. Lugduni-Batavorum (Leiden), 1860.

4. Al-Ya'kubi 1939: *Ahmad b. Abi Ya'kub b. Ja'far b. Wahb al-Katib al-ma'ruf bi-bni Wadih al-Akhbari.* Tarikh Al-Ya'kubi. 3 vols. An-Najaf, 1939.

5. Dunlop 1954: *Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars* Princeton: Princeton University Press, 1954.

6. Golden 1980: *Golden, Peter B. Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Bibliotheca Orientalis Hungarica. 2 vols. Budapest, 1980.

7. Golden 1990: *Golden, Peter B.* Khazars // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.*, vol. IV, P. 1172–1173. Leiden, 1990.

8. Golden 1992: *Golden, Peter B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Turcologica. Wiesbaden, 1992.

9. Golden 2004: *Golden, Peter B.* Khazar Turkic Ghulâms in Caliphal Service // *Journal Asiatique* 292, no. 1–2. 2004. P. 279–309.

10. Golden 2005: *Golden, Peter B.* Khazarica: Notes on Some Khazar Terms // *Turkic Languages* 9, no. 2. 2005. P. 205–222.

11. Golden 2007: *Golden, Peter B.* Khazar Studies: Achievements and Perspectives // *The World of the Khazars: New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium Hosted by the Ben Zvi Institute.* Leiden, 2007. P. 7–57.

12. Hudud Al-Alam 1937: *Hudud Al-Alam. The Regions of the World: A Persian Geography 372 A. H.–982 A. D.* Translated by V. Minorsky. [London] 1937.

13. Ibn A'tham al-Kufi 1992: *Ibn A'tham al-Kufi, Ahmad.* Al-Futuh. Masadir Tarikh Al-Islam Wa-Al-Muslimin. al-Tab'ah 1. ed. 3 vols. Bayrut, 1992.

14. Ibn Rustah 1967: *Ibn Rustah, Ahmad ibn 'Umar.* Al-Mujallad Al-Sabi' Min Kitab Al-a'laq Al-Nafisah. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. 2 editio. ed. Laydan, 1967.

15. Klyashtorniy 1982: *Klyashtorniy S. G.* The Terkhin Inscriptions // *Acta Orientalia Academiae Scientiarm Hungaricae* 36, no. 1–3. 1982: P. 335–366.

16. Klyashtorniy 1985: *Klyashtorniy S. G.* The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan // *Acta Orientalia Academiae Scientiarm Hungaricae* 39, no. 1. 1985: P. 137–56.

17. Kodama 1889: *Kodama ibn Dja'far*. Excerpta E Kitab Al-Kharadj. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. edited by M. J. de Goeje. editio secunda (photomechanice iterata) ed. Lugduni Batavorum (Leiden), 1889.

18. Lewond 1982: *History of Lewond, the Eminent Vardapet of the Armenians*. Translated by Zaven Arzoumanian. 1st ed. Wynnewood, Penn. (630 Clothier Rd., Wynnewood 19096): St. Sahag and St. Mesrob Armenian Church, 1982.

19. Бубенок 2002: *Бубенок О. Б.* Страна Берсилия: Миф Или Реальность // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии № 14. 2002. С. 29–34.

20. Гаджиев 1995: *Гаджиев М. С.* О местоположении Варачана // Российская Археология № 2. 1995. С. 29–35.

21. Гевонд 1862: История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К. Патканьян. СПб. 1862.

22. Гумилев 1993: *Гумилев Л. Н.* Древние Тюрки. М., 1993.

23. Каланкатуаци 1984: *Каланкатуаци Мовсес.* История Страны Алуанк. Пер. Ш. В. Смбатян. Ереван, 1984.

24. Калинина 2002: *Калинина Т. М.* Употребление этникона Ал-Хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский альманах № 1. 2002. С. 41–52.

25. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Терхинская Надпись (Предварительная Публикация) // Советская Тюркология № 3. 1980. С. 82–95.

26. Кляшторный 2004: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и Народы Евразийских Степей: Древность и Средневековье. Второе издание, исправленное и дополненное. СПб., 2004.

27. Кляшторный 2003–04: *Кляшторный С. Г.* «Хазарские Заметки.» Тюркологический сборник 2003–2004 (2005). С. 95–117.

28. Кляшторный 2005: *Кляшторный С. Г.* Азиатский Аспект Ранней Истории Хазар // Хазары. Под ред. В. Московича. Ред. коллегия: В. Петрухин, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Серия «Евреи и Славяне», т. 16, М., 2005. С. 259–265.

29. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских етепей. СПб:, 2010.

30. Кляшторный/Савинов 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб:, 2005.

31. Кляшторный/Султанов 2009: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства евразийских народов: от древности к Новому времени. СПб., 2009.

32. Патканов 1877: *Патканов К. П.* Армянская География VII в. по Р. Х. (приписываемая Моисею Хоренскому). СПб, 1877.

33. http://www.vehi.net/istoriya/armenia/geographiya (Последнее обращение 18.12.2015 г.).

34. Приск 1860: *Приск Панийский.* Сказания Приска Панийского. Перевод С. Дестуниса // Ученые записки второго отделения императорской академии наук 8, № 1. 1860. 2011. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext21.htm. (Последнее обращение 18.12.2015 г.).

35. Радлов 1893: *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика // Записки Императорской АН. Приложение к LXXII-му тому, СПб. 1893.

36. Ромашов 2001: *Ромашов С. А.* Историческая География Хазарского Каганата. Главы 1–2 // Archivum Eurasiae Medii Aevi 11. 2001. С. 219–338.

37. Симокатта 1957: *Симокатта, Феофилакт.* История. Вступ. статья Н. В. Пигулевской; перевод С. П. Кондратьева; примечания К. А. Осиповой //

Памятники Средневековой Истории Народов Центральной и Восточной Европы. М., 1957.

38. Чичуров 1980: *Чичуров И. С.* Византийские Исторические Сочинения. «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Пер. И. С. Чичуров. М., 1980.

Farda M. Asadov

THE STUDY OF THE KHAZARS AND BARSILS IN THE WORKS OF SERGEY G. KLYASHTORNY

Abstract. *The article digests the outcomes of Sergey G. Klyashtorny's study of the origins of the Khazar Turks in the t'ieh-le confederation of Turkic tribes, reported in Chinese sources under such title since the beginning of the 6th century C. E. The arguments in support of the hypothesis are discussed in the context of doubts and counter-arguments of the latest academic discourse on the matter. The evidence of Arab sources about the meaning of the name (nisba) al-Khazari is contemplated within the discussion of the subject. The data of the Arab sources and reports by Byzantine and Armenian authors are juxtaposed to highlight the earliest relations of the Khazars with the Barsils. New arguments in favor of Prof. Klyashtorny's hypothesis are suggested.*

Keywords: *Khazars, Barsils, Oghurs, Parsbit, Barjik*

Д. Д. Васильев, В. В. Тишин[1]

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КЛЯШТОРНЫЙ (04.02.1928–21.09.2014)

21 сентября 2014 г. ушел из жизни один из ведущих мировых востоковедов Сергей Григорьевич Кляшторный, тюрколог, крупнейший специалист по памятникам древнетюркской рунической письменности, автор множества работ по истории и эпиграфике древних тюрков Центральной и Средней Азии и Восточной Европы, истории тюркских и монгольских народов [Ragibova 2004, s. 176–189; Кляшторный 2006, с. 571–586; Aydın 2010, s. 238 (указатель)][2].

Сергей Григорьевич родился 4 февраля 1928 г. в Гомеле (совр. Республика Беларусь). В 1950 г. году закончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета. Работая под руководством выдающихся советских специалистов, — археолога А. Н. Бернштама, с которым он принимал участие в археологических экспедициях в Среднюю Азию, и затем филолога С. Е. Малова, у которого перенимал опыт работы с древнетюркскими письменными памятниками, — в 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии», монографически изданную в 1964 г. Эта работа, по праву сказать, не только вошла в золотой фонд российской тюркологии, продолжив традиции, заложенные В. В. Радловым и В. В. Бартольдом, но и навсегда вписала имя автора в историю мирового востоковедения. Образцовое источниковедческое исследование, исчерпывающая библиография позволяют и сейчас считать эту работу не утратившей свое значение, о чем, в частности, говорит дополненное ее переиздание в 2003 г. [Кляшторный 2003].

Кроме значения для древнетюркского источниковедения, работа важна и с исторической точки зрения, поскольку коснулась целого ряда как

---

[1] Очерк подготовлен **Д. Д. Васильевым,** у которого С. Г. Кляшторный был оппонентом на защите диссертации и с которым он многократно вместе ездил в экспедиции и на конференции, и **В. В. Тишиным,** работу которого С. Г. Кляшторный одобрил и согласился оппонировать на защите, но кончина не позволила ему это осуществить.

[2] Данные публикации содержат указания на оригинальные издания работ ученого; ниже, при их цитировании, мы будем ссылаться в основном на собрания, содержащие переиздания.

чисто исторических, так и социо-культурных и этнологических проблем, выходящих далеко за рамки среднеазиатского региона. Предложенная же здесь интерпретация истории орхонских тюрков получила развитие в последующих работах ученого [Васютин, Дашковский 2009, с. 248–250]. Среди прочих, очень важны изыскания в ранней истории правящего дома Тюркского каганата, рода Ашина, приведшие Сергея Григорьевича к важному заключению о тесных и длительных тюрко-иранских связях, что заставляет обратить большее внимание на восточно-туркестанский регион, внимательно взглянуть на специфику отношений оседло-земледельческих и кочевнических народов.

В последующие годы, находясь в должности заведующего Тюрко-монгольским кабинетом Ленинградского отделения ИВАН СССР (с 1978 г. — Сектор тюркологии и монголистики), Сергей Григорьевич продолжил изыскания в области изучения памятников древнетюркской письменности. С 1969 г. Сергей Григорьевич руководит также отрядом Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР. Полевые работы в Монголии позволяют ему впервые опубликовать крупнейшие памятники эпохи древних тюрков VI–X вв.: тюркскую Чойрэнскую надпись (1969, 1971), уйгурскую Терхинскую (Тариатской) надпись (1980, 1983), а также (совместно с В. А. Лившицем) двуязычные Сэврэйскую (на древнетюркском и согдийском; 1971) и Бугутскую надписи (на согдийском и, видимо, брахми; 1971, 1972)[1]. Кроме этого, Сергей Григорьевич сумел тщательно обследовать и издать текст Тэсийнской стелы (1983), хотя он не был здесь первым (вслед за монгольскими учеными М. Шинэхуу и С. Харжаубаем), тем не менее, его публикацию отличает выверенность перевода и критический комментарий [Кляшторный 1983, с. 112–133; Кляшторный 2003, с. 30–34; Кляшторный 2006, с. 93–112]. Публиковал Сергей Григорьевич и тексты из Кыргызстана и Восточного Туркестана.

Кроме того, он принимает участие в полевых работах, связанных с непосредственным поиском памятников (см. регулярные отчеты в ежегоднике «Археологические открытия»). Возглавляя в 1968–1973 гг. эпиграфический отряд Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР, он публикует совместно с одним из авторов данного обзора ряд новых надписей, как известных ранее, так и новых, обнаруженных в результате работ отряда, пересматривает результаты работы предшественников и коллег

[1] Публикация последней, хотя сегодня ясно, что перевод и интерпретация советских ученых далеко не совершенны [Yoshida Y., Moriyasu 1999, p. 121–125], произвела настоящий фурор в научных кругах.

[См.: Кляшторный 2006, с. 332–344]. Согласно намеченному им плану изысканий, был подготовлен Корпус древнетюркских памятников бассейна Енисея [Васильев 1983], и до настоящего времени продолжаются полевые исследования памятников древнетюркской письменности в Южной Сибири Эпиграфической экспедицией ИВ РАН, ежегодно работающей в регионе. Сергеем Григорьевичем были обследованы археологические памятники древнетюркского времени в Саянском каньоне Енисея, на севере Хакасии, в предгорьях хребта Танну-Ола в Туве, в окрестностях озера Кыргыз-нур, в центральном и гобийских аймаках Монголии. Незабываемыми остаются воспоминания о беседах во время экспедиций в юртах, палатках, под тентом грузовика в дождь, у чабанов, пограничников, археологов или во время дружеского застолья, которое так любил Сергей Григорьевич, будучи душой компании, независимо от возраста, национальности и статуса собравшихся и географии встреч. Жизнелюбие, юмор, приветливость в отношениях с друзьями сочетались в нем с удивительной корректностью (хотя и с долей иронии) в научной полемике и дискуссиях.

Кропотливая работа над текстами, обширное привлечение научной литературы, консультации со специалистами по смежным дисциплинам (Сергей Григорьевич часто ссылается на личные консультации В. А. Лившица в вопросах, связанных с иранистикой, Л. Н. Меньшикова и С. Е. Яхонтова в вопросах китайской филологии), их интерпретация в широком историко-культурном контексте позволили ученому прийти, в частности, к заключению о важной роли согдийцев в культурной, экономической, социальной и политической жизни древнетюркских политических образований. Это дало возможность во многом подтвердить выдвигавшиеся еще С. П. Толстовым и А. Н. Бернштамом, сделанные на основе данных многолетних археологических раскопок, выводы о симбиотическом характере взаимодействия кочевнических и оседло-земледельческих обществ.

Кроме этого, хорошая историческая и филологическая подготовка, возможность непосредственной работы с первоисточниками, отличное знание фактического материала позволяют Сергею Григорьевичу обращаться к самым разным проблемам истории древних тюркоязычных народов VI–X вв. Так, ему принадлежат обстоятельные исследования религиозных воззрений древних тюрков и, фактически, их реконструкция на основе конкретно-исторического материала [см., прежде всего: Кляшторный 1981, с. 117–138; Кляшторный 2003, с. 319–338; Кляшторный 2006, с. 241–265]. С середины 80-х гг. XX в. Сергей Григорьевич обращается и к социальной проблематике. В ряде статей он проследил особенности социально-политической организации и социальной структуры Тюркского каганата и

древнетюркских политических образований вообще [Васютин, Дашковский 2009, с. 237–239, 256–257].

С конца 80-х — начала 90-х гг. Сергей Григорьевич публикует свои изыскания по истории древних тюрков VI–IX вв. в ряде коллективных монографий: «Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.)» (Алма-Ата, 1988; в соавторстве с А. А. Колесниковым), «Восточный Туркестан глазами европейских путешественников» (Алма-Ата, 1991; в соавторстве с А. А. Колесниковым и М. С. Басхановым), «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» (Алма-Ата, 1992; в соавторстве с Т. И. Султановым), «Степные империи Евразии. Древность и средневековье» (СПб., 1994; переиздание: 2005; в соавторстве с Д. Г. Савиновым), «Государство и народы евразийских степей. Древность и средневековье» (СПб., 2000; переиздания: 2004, 2009; в соавторстве с Т. И. Султановым). В этих работах он не только развивает высказанные ранее взгляды, но и дает интерпретацию истории Западно-тюркского, Уйгурского, Карлукского и Кимакского каганатов, а также разрабатывает собственную концепцию «кочевых империй» как в социальном, так и в этническом аспекте [Васютин, Дашковский 2009, с. 248–256].

О том, что авторитет Сергея Григорьевича был широко признан в научном мире, говорит и то, что его перу принадлежат разделы в крупных коллективных сводных трудах, таких как «История Востока» (Т. II. М., 1995), «История татар с древнейших времен» (Казань, 2002. Т. 1), где он выступил и в качестве редактора тома, а также в вышедшей при поддержке ЮНЕСКО «Истории Цивилизаций Центральной Азии» («History of Civilizations of Central Asia». Vol. III. Paris, 1996) и в третьем, «историческом», томе «Philologiae Turcicae fundamenta» («History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period». Berlin 2000), и др. Его работы переведены на многие языки.

Одна из наиболее престижных для тюркологов наград — Золотая медаль Постоянной Международной алтаистической конференции (ПИАК), а также ордена Кыргызстана, Татарстана были вручены ученому. С. Г. Кляшторный был избран Почетным членом Турецкого лингвистического общества, Почетным доктором университетов Венгрии и Казахстана.

Сергею Григорьевичу принадлежит и ряд весьма интересных гипотез, сделанных на основе изучения древнетюркских текстов. Так, среди них датировка и интерпретация алтын-кёльских надписей [Кляшторный 2006, с. 332–344], толкование термина *bediz* как фигуры погребенного [Кляшторный 2003, с. 253–271; Кляшторный 2006, с. 290–308], отождествление термина *sir* орхонских надписей с кыпчаками и на основе этого реконструкция ранней истории этого племенного объединения [Кляшторный

2003, с. 301–312; Кляшторный 2006, с. 512–526], локализация нескольких объединений с названием *матар* в Центральной Азии в период IX–XII вв. [Кляшторный 2006, с. 531–541], новая реконструкция структуры текста «Ырк битиг» [Кляшторный 2003, с. 339–357; Кляшторный 2006, с. 269–290], датировка миграции огузов из Монголии а Приаралье [Кляшторный 2006, с. 509–512], датировка таласских памятников на основе интерпретации встречаемой в них титулатуры [Кляшторный 2006, с. 349–354], гипотеза о двукрылом делении на *бузуков* и *учуков* у тюрков до распада Первого каганата, на основе прочтения и интерпретации термина *buzuq* в Тэсийнской стеле, и тут же в связи с этим реконструкция ранней истории уйгуров и в связи с ними хазар, исходя из прочтения там же и толкования термина *qasar* [Кляшторный 2005, с. 259–264], и др. Они все далеко не бесспорны, как, например, недавно подверженная критике предложенная им интерпретация сочетания *kök türk* [Кляшторный 2003, с. 246–248; Кляшторный 2006, с. 446–449; Beckwith 2009, p. 411], однако они позволяют на серьезном уровне обозначить ряд конкретных проблем, решение которых потребует от будущих исследователей очень серьезной подготовки и кропотливой работы, чтобы подтвердить или опровергнуть их.

На основе многолетних исследований Сергей Григорьевич счел возможным высказаться в 1987 г. об особой «древнетюркской цивилизации» с присущими ей признаками материальной и духовной культуры, — прежде всего, собственная письменность и историографическая традиция, — идеологией, формами социальной и политической организации, цивилизацией со своими традициями, но гибкой, открытой для культурных инноваций [Кляшторный 2003, с. 490–496; Кляшторный 2006, с. 564–570]. Что касается древнетюркской письменности, то в последние годы исследователь склонился к автохтонной природе ее возникновения в древнетюркской среде [Гузев, Кляшторный 2009, с. 146–176].

Сергей Григорьевич редко вел с кем-либо полемику, но даже в этих редких случаях он, следуя научной этике, отвечая оппонентам, всегда был корректен и выдержан, оставаясь в рамках строго научной дискуссии, как было, например, в случае с Л. Н. Гумилевым, безапелляционно оспаривавшим предложенную Сергеем Григорьевичем интерпретацию и датировку написанной уйгурским письмом Улаангомской надписи [Кляшторный 2003, с. 285–288].

Последней крупной работой Сергея Григорьевича стала монография о памятниках письменности Уйгурского каганата [Кляшторный 2010], где он дал новое прочтение Терхинской (Тариатской) и Тэсийнской стел, а также, что немаловажно, чтение памятника Могойн Шинэ Усу (Селенгинского камня), используя эстампажи 1909 г. его первооткрывателя Г. Й. Рамстед-

та из Рукописной коллекции ИВР РАН [Кляшторный 2010, с. 50–77]. Эта проблема занимала его в последние годы особенно[1]. Данная монография подытожила и изыскания великого тюрколога в области истории и культуры древних уйгуров.

Таким образом, две книги «История Центральной Азии и памятники рунического письма» [Кляшторный 2003] и «Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей» [Кляшторный 2010] как бы венчают многолетнее творчество Сергея Григорьевича, подводят итог его научной деятельности, человека, всю жизнь посвятившего изучению истории и культуры древних тюркоязычных народов евразийских степей.

В идеале наука не знает национальных, государственных и каких-либо других границ, тем не менее, отдавая должное вкладу российских тюркологов, фактически основавших тюркологию как самостоятельную дисциплину, нужно объективно признать ее школу одной из лучших. Та самая, которая зародилась в еще царском Петербурге, в стенах Азиатского музея, благодаря усилиям В. В. Радлова и других ученых. Ее традиции достойно продолжали советские ученые уже теперь ставшей ленинградской школы, ученики В. В. Радлова, такие как крупнейший после него российский исследователь памятников древнетюркской письменности С. Е. Малов. Сергей Григорьевич был, в свою очередь, его учеником. И вот сегодня мы потеряли одного из лучших представителей российской тюркологической школы. Можно сказать, что с Сергеем Григорьевичем ушла целая эпоха петербургской/ленинградской тюркологии, фактически подведя черту под очередным этапом истории изучения памятников древнетюркской рунической письменности. Хотелось бы, чтобы это направление не угасло в стенах Института восточных рукописей РАН и петербургские ученые продолжили дело, которому служил Сергей Григорьевич.

Мы же, московские коллеги, выражаем сочувствие и, испытывая огромную горечь от тяжелой, невосполнимой утраты, в свою очередь, будем стремиться достойно служить науке, продолжая традиции изучения древнетюркских памятников, заложенные В. В. Радловым и его последователями, среди которых ведущее место на рубеже XX–XXI столетий принадлежит Сергею Григорьевичу Кляшторному.

---

[1] Надо заметить, что Сергею Григорьевичу оказалось недоступно последнее издание памятника, выполненное турецким ученым Эрханом Айдыном [Aydın, 2007]. Конечно, и транскрипция и перевод в обоих случаях отличаются, но в области комментариев, особенно, что касается исторической интерпретации, Э. Айдын чистый филолог, едва ли может быть сравним с российским ученым.

Ниже предлагаем список работ, в которых содержатся био-библиографические сведения о Сергее Григорьевиче Кляшторном и развиваются выдвинутые им гипотезы:

1. Ragibova İ. S. G. Klyaştornıy'ın hayati ve ilmî çalişmalarina dair (1951–2003) // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы / Manas Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2004. Cilt 6. Sayı 11.

2. Yoshida Y., Moriyasu T. The Bugut Inscription (ブグト碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / Ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999.

3. Д. Д. Васильев, М. В. Горелик, С. Г. Кляшторный, Формирование имперских структур в государствах. созданных кочевниками Евразии, — «Из истории Золотой Орды», Казань 1993.

4. Aydın E. Şine Usu Yazıtı. Çorum: KaraM Yayıncılık, 2007 (KaraM Yayınları: 19; Dilbilim Kitaplığı: 3).

5. Beckwith C. I. Empires of the Silk Road: a History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.

6. Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во АГУ, 2009.

7. Aydın E. Türk Runik Bibliyografyası. Genişletilmiş 2. baskı. İstanbul, 2010 (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi: 61).

Список использованной литературы

1. Васютин, Дашковский 2009: *Васютин С. А., Дашковский П. К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во АГУ, 2009.

2. Гузев, Кляшторный 2009: *Гузев В. Г., Кляшторный С. Г.* Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник, 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., Вост. лит-ра, 2009.

3. Казань 1993: *Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г.* Формирование имперских структур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

4. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. Л., «Наука», 1964.

5. Кляшторный 1983: Кляшторный С. Г. Новые эпиграфические работы в Монголии (1969–1976 гг.) // История и культура Центральной Азии. М., Наука, 1983.

6. Кляшторный 1992: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

7. Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2003.

8. Кляшторный 2005: *Кляшторный С. Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары / Ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим: Гешарим; М., Мосты культуры, 2005 (Евреи и славяне. Вып. 16).

9. Кляшторный 2006: *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., Наука, 2006.

10. Кляшторный 2007: *Кляшторный С. Г.* Суджинская надпись: этапы интерпретации. «Basileus». Сб. статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева, М., ИВЛ РАН, 2007. С. 193–197.

11. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., « Петербургское востоковедение», 2010.

12. Aydın 2007: *Aydın E.* Şine Usu Yazıtı. Çorum: KaraM Yayıncılık, 2007 (KaraM Yayınları: 19; Dilbilim Kitaplığı: 3).

13. Aydın 2010: *Aydın E.* Türk Runik Bibliyografyası. Genişletilmiş 2. baskı. İstanbul, 2010 (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi: 61).

14. Beckwith 2009: *Beckwith C. I.* Empires of the Silk Road: a History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.

15. Klyashtornyj 2008: *Klyashtornyj S. G.* Old Turkic Runic Texts and History of Eurasian Steppe, Editura Academiei Romane- Editura Istros, Bukureşti. 2008.

16. Ragibova 2004: *Ragibova İ. S.* G. Klyaştornıy'ın hayati ve ilmî çalişmalarina dair (1951–2003) // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы / Manas Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2004. Cilt 6. Sayı 11.

17. Yoshida, Moriyasu 1999: *Yoshida Y., Moriyasu T.* The Bugut Inscription (ブグト碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / Ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999.

И. В. Кульганек

МОНГОЛИЯ И МОНГОЛЫ В ФОТООБЪЕКТИВЕ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КЛЯШТОРНОГО – АРХЕОЛОГА, ИСТОРИКА И ЭТНОГРАФА

Аннотация: *Большое место в научной жизни Сергея Григорьевича Кляшторного занимали археo-эпиграфические экспедиции. Он работал рядом с такими видными учеными, как А. Н. Бернштам, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, А. Д. Грач, В. В. Волков.*

Двадцать один год ученый посвятил экспедиционной работе в Монголии. Девятнадцать сезонов он проработал начальником эпиграфического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР. В статье впервые представлены уникальные не изданные фотографии С. Г. Кляшторного, сделанные им во время различных экспедиций по Монголии. Фотоматериалы обработаны сотрудником ИВР РАН С. Л. Шевельчинской.

Ключевые слова: *Монголия, этнография, история, Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция АН СССР и АН МНР.*

С. Г. Кляшторный внес значительный вклад в развитие научных знаний по истории Центральной Азии. Написанные им книги по истории кочевых государств древности и раннего средневековья востребованы российскими и зарубежными историками. Им собрано также в Монголии и Сибири большое количество древнетюркских текстов. Большое внимание им уделялось древнетюркской текстологии.

Главной темой научной деятельности С. Г. Кляшторного было введение различных фактов, содержащихся в древнетюркских памятниках, в общеисторический контекст событий, что позволило глубже понять исторический процесс тюркских народов.

Большое место в научной жизни Сергея Григорьевича Кляшторного занимали археo-эпиграфические экспедиции. Он работал рядом с такими видными учеными, как А. Н. Бернштам, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, А. Д. Грач, В. В. Волков.

С. Г. Кляшторный. Уральск, 2003 г.

Двадцать один год ученый посвятил экспедиционной работе в Монголии. Девятнадцать сезонов он проработал начальником эпигра-

С. Г. Кляшторный
в студенческие годы

фического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР. Он побывал во всех районах Монголии.

Научное наследие, которое оставил после себя Сергей Григорьевич, обширно и многогранно. Из экспедиций он привозил большое количество сначала черно-белых, позже цветных пленок, которые составили богатый фотоархив, лишь незначительная часть его в настоящее время издана. Фотоархив ученого содержит материалы по этнографии, истории и культуре монголов.

Экспедиционной работой С. Г. Кляшторный занимался практически всю свою научную жизнь. До поступления в 1957 г. в Сектор тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВАН СССР) на должность младшего научного сотрудника он уже участвовал в двух научных археологических экспедициях.

Не прерывал он этой работы и после назначения его через три года заведующим библиотекой ЛО ИВАН СССР, и после защиты в 1962 году кандидатской диссертации «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» (1962 г.), которую писал под руководством А. Н. Бернштама и С. Е. Малова. Экспедиции в Монголию стали регулярными после того, как он был назначен в возрасте 35-ти лет заведующим Сектором тюркологии и монголистики ЛО ИВАН СССР.

С. Г. Кляшторный в первые
годы работы в Институте
востоковедения СССР

Именно их можно назвать наиболее плодотворными среди многочисленных поездок ученого в разные уголки тюрко- и монголоязычного мира. Немонгольские экспедиции С. Г. Кляшторного были следующие:

1947–1953 гг. — Памиро-Ферганская и Памиро-Алтайская экспедиция (ИИМК АН СССР).

1949 г. — Волго-Донская археологическая экспедиция (ИИМК АНСССР).

1954–1959 гг. — Среднеазиатская геологическая экспедиция Министерства геологии и охраны недр. Руководил археологическим отрядом.

1960–1965 гг. — Кетмень-Тюбинская экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Киргизской ССР. Являлся заместителем начальника.

1968–1973 гг. — Саяно-Тувинская экспедиция Института археологии АН СССР. Возглавлял эпиграфический отряд.

1991–1997 гг. — Казахская Археологическая и Киргизская археологическая экспедиции.

1998–2002 гг. — Этносоциологическая экспедиция Висконскинского университета.

С. Г. Кляшторный в Памиро-Ферганской экспедиции

СМИКЭ, 1984 г.

На раскопках Бугутского памятника. Привезли кумыс. 1978 г.

С. Г. Кляшторный в первых экспедициях в Монголии

МНР, 1989 г.

С. Г. Кляшторный в экспедиции в Монголии. 1979 г.

В горах Монгольского Алтая. Октябрь 1969 г. На заднем плане — обо, сооружено в честь духа-покровителя перевала. 1969 г.

Монгольская семья, в которой С. Г. Кляшторный прожил один месяц во время своей экспедиции в Монголию

Молодые монголы

Молодые монгольские женщины

Приготовление творога в монгольской провинции

На летнем празднике — надом в Монголии

Монгольский традиционный мужской комплект из огнива, табакерки и кисета

С. Г. Кляшторный в монгольской юрте

Наиболее значительные труды, которые внесли заметный вклад в изучение эпиграфики тюрко-монгольских регионов, были написаны С. Г. Кляшторным во время его работы в Монголии.

Этнографические зарисовки. На монгольском летнем празднике — надоме

С. Г. Кляшторный активно участвовал в научных российских и международных конференциях. Перечень научных центров, где он выступил с докладами и лекциями велик. Это: Москва, Петербург, Казань, Уфа, Ташкент, Фрунзе (Бишкек), Алма-Ата (Алматы), Будапешт, Сегет, Прага, Варшава, Бонн, Берлин, Вашингтон, Осака, Улан-Батор, Токио. Круг коллег, с которыми он поддерживал научные контакты, был чрезвычайно широк.

Международный конгресс антропологов. Москва. 1964 г.

Восьмой международный конгресс исторических наук. Москва, 1970 г.

Москва. 1970 г.

С. Г. Кляшторный на конференции в Москве. 1970 г.

Сидят: Л. Ю. Тугушева, А. Н. Кононов, Н. А. Дулина, Стоят: В. Г. Гузев, аспирант, С. Г. Кляшторный, Л. Я. Медведева.

С коллегами Института
востоковедения СССР (ИВР РАН).
Слева направо: В. Н. Горегляд, В. А. Лившиц,
С. Г. Кляшторный, Л. Н. Меньшиков

С. Г. Кляшторный и монгольский
археолог Баир в Монголии

С. Г. Кляшторный в Японии

С. Г. Кляшторный и венгерский
монголовед Д. Кара в Будапеште

Копенгаген, август1995 г.
ESCAS-V с проф. Белинжери

С. Г. Кляшторный и итальянский маньчжуровед Ж. Стари. Ленинград, рукописный фонд Института восточных рукописей РАН

Стамбул, 1988 г.

С. Г. Кляшторный был прекрасным педагогом. Под его руководством защитилось 14 аспирантов, ставших видными учеными в Москве, Петербурге, научных центрах Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана.

С. Г. Кляшторный на заседании в ИВР РАН

В 1992 г. С. Г. Кляшторный получил звание почетного профессора Университета Астаны (Казахстан). В 2005 г. за большие заслуги в изучении тюркской рунической письменности он награжден Золотой медалью Постоянной международной алтаистической конференции (Gold Medal of the Permanent International Altaistic Conference). В 2005 г. он получил награду от правительства Татарстана.

Официальный прием в Ратуше Казани по случаю вручения медалей 28.08.2005. С. Г. Кляшторный, Д. Д. Васильев, Р. М. Мунчаев

2008 г. Алматы. 80-летие Сергея Григорьевича

Сергей Георгиевич в течение многих лет сотрудничал с монгольскими коллегами, в первую очередь из Института Истории Монгольской Академии наук (в настоящем: Институт истории и археологии МАН) и был удостоен звания «Почетный доктор» этого Института. Ему было также присуждено звание почетного академика Казахского университета в Астане.

Труды Сергея Григорьевича Кляшторного долгие годы будут востребованы как самые передовые знания российской науки о прочтении и интерпретации древнетюркских рунических текстов.

Irina V. Kulganek

MONGOLIA AND THE MONGOLS IN THE CAMERA OF SERGEY G. KLYASHTORNY, ARCHEOLOGIST, HISTORIAN AND ETHNOGRAPHER

Abstract: *A large part of the scientific life of Sergey G. Klyashtorny was dedicated to archeo-epigraphic expedition. He worked beside such prominent scientists as A. N. Bernstam, M. I. Artamonov, M. P. Gryaznov, A. D. Grach, V. V. Volkov. He spent nineteen seasons as head of epigraphic detachment of the Soviet-Mongolian historical and cultural expedition of the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Mongolian People's Republic, having traveled the country from East to West and from South to North. In this paper unique unreleased photos of S. G. Klyashtorny taken during his various expeditions in Mongolia are demonstrated for the first time.*

Keywords: *Mongolia, Ethnography, history, the Soviet-Mongolian historical and cultural expedition of the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the MPR.*

Д. А. Носов

О ВКЛАДЕ С. Г. КЛЯШТОРНОГО В ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: *В статье рассматривается научная деятельность С. Г. Кляшторного с точки зрения ее значения для исследования взаимодействия литературы и фольклора. Предложенная им реконструкция мифологического пантеона древних тюрок на материалах рунических памятников и исторических сочинений соседних народов является важным достижением в процессе понимания функционирования сюжетов, бытовавших как письменно, так и устно.*

Ключевые слова: *древние тюрки, мифология, фольклор, литература.*

За более чем полувековую научную деятельность С. Г. Кляшторный (1928–2014) внес значительный вклад как в тюркологию, так и в общую культурологию. Обращаясь в основном к историческим проблемам, он привлекал к своим изысканиям смежные дисциплины — литературоведение и фольклористику. В связи с исследованиями древнетюркских рунических памятников им были поставлены следующие вопросы.

Во-первых, его интересовал генезис древнетюркской письменной культуры, и шире письменности в кочевом мире, чему посвящено несколько работ [См.: Кляшторный 1965а, Кляшторный 1973, Кляшторный 1976, Гузев, Кляшторный 1993]. В первой из них он на основании анализа нарративных источников высказал предположение о том, что «приспособление старого согдийского алфавита к тюркскому языку происходило на территории Восточного Туркестана в IV–V вв.» [Кляшторный 1965а, с. 47]. В процессе приспособления к тюркскому языку он претерпел существенные изменения и был обогащен новыми знаками, частью идеографического, частью буквенного характера.

В последующем он сформулировал два вопроса, которые волновали его в отношении древнетюркской письменной культуры. Первый: *существовала ли письменность у тюрков в эпоху Первого каганата (552–630 гг.)?* Второй: *была ли письменная культура у тюрков локализованным явлением?* [Кляшторный 1973, с. 261]. Для поиска ответов на эти вопросы С. Г. Кляшторный предпринял «широкое обследование наиболее важных районов, некогда входивших в состав тюркских каганатов» [Кляшторный 1973, с. 262].

В ходе него были получены следующие ответы:

Во-первых, руническая письменность распространена в Монголии во всех районах обитания древнетюркских племен.

Во-вторых, письмом владел значительный круг людей, так как в исполнении мелких наскальных надписей отсутствует профессионализм [Кляшторный 1973, с. 262].

Проведенный исследователем анализ Чойренской надписи из Восточно-Гобийского аймака показал, «что употребление рунического письма в VII в., по крайней мере в его второй половине, было столь же заурядным явлением, как и для двух последующих столетий» [Кляшторный 1973, с. 262]. Открытие Бугутской надписи убедительно доказало, «что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию» [Кляшторный 1973, с. 263]. При этом каганат был ориентирован не на южный регион, где располагался Китай, а на запад, где властвовала согдийская культура [Кляшторный 1973, с. 263].

Не менее важным достижением исследований С. Г. Кляшторным древнетюркской письменной культуры в свете открытия Бугутской стелы и установления факта заимствования ею согдийской письменности стала характеристика данной культуры как подвижной, а отнюдь не консервативной. Она была способна в течение нескольких столетий преобразовать унаследованное в новую цивилизацию, которая обладала своей письменной традицией, прошедшей путь от камнеписных памятников до рукописей на бумаге [Кляшторный 1976, с. 53]. Этому широкому вопросу о генезисе и истории древнетюркской культуры он также посвятил несколько специальных работ [См. Кляшторный 1975, Кляшторны 1985, Кляшторный 1986].

В первую очередь ученый охарактеризовал роль религии «в сохранении социальной и политической стабильности древнетюркского общества» [Кляшторный 1985, с. 288]. По его мнению, уже к VI в. у древнетюркских племен сложились модифицированные формы единой религиозной идеологии, сформировавшиеся на основе более архаичных культов, общих для большинства кочевников Центральной Азии. На основании явного выделения культа Неба многие исследователи характеризуют древнетюркскую религию как особую веру, близкую к монотеизму. При этом под древнетюркской он понимал культуру древнетюркских, древнеуйгурских и древнекыргызских племен, создавших свою государственность на территории Центральной Азии и Южной Сибири в VIII–XII вв. [Кляшторный 1986, с. 37].

Продолжая начатую в ходе исследования истории письма линию, он отметил, что ранее «проблемы заимствования и адаптации древними тюрками социо-культурных и идеологических представлений затрагивались преимущественно в текстологическом и терминологическом аспектах» [Кляшторный 1986, с. 37]. При этом С. Г. Кляшторный придерживался высказанной выдающимся отечественным востоковедом В. В. Бартольдом (1869–1930) идеи о том, что индо-иранское влияние на тюркские культуры было гораздо сильнее дальневосточного. Развитие древнетюркской культуры связано с согдийским и тохарским влиянием, которое часто пред-

ставляло «культурный симбиоз» [Кляшторный 1986, с. 38]. Как в работах о письменности древних тюрок, так и об их культуре в целом он настаивал на несостоятельности обыденных представлений об общем консерватизме степных культур и их неспособности к развитию. Эта идея прослеживается во всех работах ученого, посвященных частным проблемам культурной истории, в том числе и проблеме взаимодействия фольклора и литературы в древнетюркском обществе.

В этой связи главной задачей, которая потребовала от С. Г. Кляшторного обращения к взаимодействию фольклора и литературы, стала реконструкция религиозно-мифологических представлений древних тюрок [См.: Кляшторный 1979, Кляшторный 2004, Кляшторный 2009]. Основным достижением ученого, полученным в ходе ее решения, стало воссоздание древнетюркского пантеона на материале рунических памятников. Исследователь считал, что, несмотря на стилистику, исключавшую полное изложение мифологической фабулы, они полны намеков и упоминаний, «за которыми скрывались известные в той среде представления, верования, идеологические конфликты» [Кляшторный 1981а, с. 117].

С. Г. Кляшторный попробовал рассмотреть «орхонский» пантеон в связи с предполагаемой сюжетной схемой древнетюркской мифологии, попытки реконструкции которой к тому моменту не предпринимались [Кляшторный 1981а, с. 118]. Он подверг критике два основных источника для подобной реконструкции: памятников рунического письма и сведений иноземных наблюдателей. Также он поставил под сомнение идеи Ж.-П. Ру (1925–2009) о привлечении к характеристике древнетюркской религии текстов и наблюдений над различными этническими группами, часто разделенными между собой веками и тысячелетиями [Кляшторный 1981а, с. 119].

Была составлена предварительная тематическая классификация мифологических сюжетов древних тюрок. Она включала в себя космогонические и космологические мифы, представленные мифом творения и мифом о катастрофе, сюжеты о пантеоне и социуме, а именно о богах и божественных силах, а также о божественном генезисе государства и правителей и этнологические и генеалогические мифы, в которых помимо историй о первопредках и культурных героях выделялся миф о происхождении племени *тюрк* [Кляшторный 1981а, с. 120].

Отсылки к мифу о сотворении мира как к общеизвестному в древнетюркской среде тексту были обнаружены исследователем в начальных строках надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана. Описание представлений об устройстве мира — на двух наскальных надписях на р. Тубе (притоке Енисея) [Кляшторный 1981а, с. 120].

Различные обозначения неба как части космоса в древнетюркских памятниках послужили для исследователя основанием «предположить, что уже в древнетюркское время сложилось представление о нескольких небесных сферах или, по крайней мере, о двух — «высоком небе» и «ближнем небе» [Кляшторный 1981а, с. 121].

Им же были воссозданы три картины мира, которые можно увидеть в древнетюркских рунических памятниках.

Согласно первой, земля была квадратным пространством, «населенным по краям народами, враждебными тюркам» [Кляшторный 1981а, с. 122]. Отражение в рунических памятниках данной космологической модели С. Г. Кляшторный посчитал свидетельством «многообразия культурных связей древнетюркского общества» [Кляшторный 1981а, с. 122].

Существует в надписях и иная, «горизонтальная картина мира, излагающая ситуационное (маршрутное) описание ландшафта с его орогидрографией, без указания границ ойкумены» [Кляшторный 1981а, с. 122]. Это общее сакрализованное и терминологическое понятие *йер-суб* («земля-вода») как оппозиция «голубому небу» [Кляшторный 1981а, с. 122].

Третья картина мира — этнополитическая. Она маркирована этно- и антропонимией, пространство в ней наделено эмоционально активными свойствами, то есть, в зависимости от того, свое оно, или чужое, пространство является пригодным или непригодным для того или иного племени [Кляшторный 1981а, с. 123].

Миф о космической катастрофе в памятниках Орхона — это намеки, постулирующие связь «между неурядицами среди людей и потрясениями в окружающем мире» [Кляшторный 1981а, с. 123]. Здесь исследователь привлекает сравнительный материал из тюркской «Книги гаданий».

В орхонских стелах названы лишь три божества — *Тенгри*, *Умай*, *Ыдук Йер-Суб*. Следовательно, мифы о богах и божественных силах представлены в памятниках крайне ограниченно, в них «нет намеков на специфические функции или сферу власти упоминаемых там божеств, нет прямых указаний на признаки, классифицирующие пантеон» [Кляшторный 1981а, с. 124].

Исследователь предполагает наличие у древних тюрок представления о трихотомическом (Верхний, Средний и Нижний миры) делении макрокосма, которое являлось органичным для сибирско-центральноазиатской религиозной мифологии [Кляшторный 1981а, с. 124].

В подтверждение своей гипотезы он обнаружил в древнетюркских рунических памятниках указания на «наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира, его владыки — Эрклига» [Кляшторный 1981а, с. 125].

При этом он привлекал материал *Ырк-битиг*, уникальной книги 930 г. на руническом письме, перевод многих притч из которой до сих пор остается приблизительным.

Исследователь указывал на неявную антропоморфизацию верховного божества древнетюркского пантеона — *Тенгри* (Небо) в рунических памятниках: «он наделен некоторыми человеческими чувствами, выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через агентов — "природных агентов" и людей» [Кляшторный 1981а, с. 132].

Спутницей *Тенгри* была богиня плодородия и покровительница новорожденных — *Умай*. Соответственно, в мире людей живой ипостасью мифа о божественной чете *Тенгри* и *Умай* являлась царская чета [Кляшторный 1981а, с. 133].

К результатам исследования Ж.-П. Ру мифов о божественном сотворении государства и небесном происхождении кагана С. Г. Кляшторный добавляет тезис о позднем происхождении (не ранее VI в.) мифов о небоподобных и неборожденных тюркских каганах [Кляшторный 1981а, с. 136]. Данный факт сам ученый интерпретировал как следствие рождения мифологического цикла, отраженного в древнетюркских рунических памятниках, «в классовом обществе», где он «являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата» [Кляшторный 1981а, с. 137].

Из фрагментарных сообщений рунических памятников о древнетюркской мифологии исследователю удалось воссоздать развитую мифологическую картину, содержащую «как весьма архаические (тотемные генеалогические и космогонические мифы), так и сравнительно молодые пласты, формирование которых завершилось в древнетюркских государствах, с их четко выраженным элитарным и сакрализованным характером публичной власти» [Кляшторный 1981а, с. 137].

В качестве источника для реконструкции древнетюркского пантеона С. Г. Кляшторный привлек полулегендарный список земель Тибета и его соседей — «Каталог княжеств». Фрагмент данного памятника был обнаружен в дуньханской пещере Тысячи будд в одной из гадательных книг. Исследователь рассматривает его как источник по истории тюркского Притяньшанья VIII–IX вв. В данном в источнике среди перечня названий титулов правителей города Шу-балыка странным являлось «лишь имя главного бога западных тюрков — Йол-тенгри» [Кляшторный 1981б, с. 98].

Именно этот факт привлек внимание ученого, и он обратился к древнетюркской *Ырк битиг*, обнаруженной в той же пещере, что и тибетский текст. Уже при переводе термина *jol teŋri* С. Г. Кляшторный подвергает предложенный С. Е. Маловым (1880-1957) вариант «бог судеб» и прочтение

Дж. Клоусона (1891–1974) *jul teŋri* — «бог ручья» сомнению. На основании двух терминов из притч рассматриваемой книги он предлагает следующие варианты: «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном [коне]». Свою версию исследователь основывает на синхронном армянском источнике историка VII в. Моисея Каганкатваци, в котором «среди других божеств западных тюрков VII в. упомянуты и “некии боги путей”» [Кляшторный 1981б, с. 99]. В подтверждение ее С. Г. Кляшторный обратил внимание на замеченные Л. П. Потаповым (1905–2000) у телеутов образ «божество земных дорог», в названии которого нередко фигурирует термин *тенгер* [Кляшторный 1981б, с. 99].

Обоих божеств, упомянутых в *Ырк битиг*, исследователь посчитал посланцами высшего небесного божества *Тенгри*, передающими человеку *кут* — (божественную) благодать, душу. Основываясь на данных тюркских рунических памятников, согласно которым *Тенгри* ниспосылал благодать или побуждал к созданию государства тюрков, он предположил, что оба божества, упомянутые в *Ырк битиг* — связные между Верхним и Средним мирами в пантеоне тюрок. А функцией божественных каганов было осуществлять обратную связь Среднего мира с Верхним [Кляшторный 1981б, с. 99].

Далее С. Г. Кляшторный поставил перед собой задачу определить время формирования сложной религиозно-мифологической системы, именуемой «древнетюркским пантеоном».

Он опирается на описание «государства гуннов» (по терминологии армянского автора Анании Ширакаци (610?–685), образованного группой тюркоязычных праболгарских племен в VI в. на территории предгорного Дагестана. При описании поездки в «государство гуннов» (681–682) албанским епископом Исраэлем были даны полемические характеристики верований северокавказских праболгар. По ним восстанавливается следующий пантеон: главный небесный бог *Тенгри-хан*, божество Земли-Воды, женское божество плодородия и «некии боги путей».

Этот круг божеств детально совпал с пантеоном древних тюрок (VI–VIII вв.), запечатленным в памятниках рунической письменности Монголии и Восточного Туркестана. Он же фиксируется у дунайских праболгар.

Факт тождества древнетюркского и праболгарского пантеонов, в сочетании со временем миграции гунно-болгарских племен из Центральной Азии в IV в. н. э. дал основание С. Г. Кляшторному предположить, что древнетюркский пантеон «сложился в окончательном виде значительно ранее середины I тыс., скорее всего, в эпоху существования и расцвета империи сюнну (хунну) в Центральной Азии (III в. до н. э. — II в. н. э.)» [Кляшторный 1981в, с. 65].

Впоследствии, опираясь на свои наблюдения над развитием культа *Тенгри* в политизированной религии Тюркской империи ученый смог описать «сложные процессы структурных изменений, синхронно происходивших как в Центральной Азии, так и в степях от Кавказа до Дуная» [Кляшторный 1999, с. 155].

В качестве своеобразного картографического индекса общей культурной традиции каганата он выделил каменные изваяния погибших воинов, обычай водружать которые существовал от Китая до Южной Украины. Их иконография единообразна и мало зависит от места расположения [Кляшторный 1999, с. 156]. Тем самым он доказал, что в раннем средневековье сложилась идеологическая основа древнетюркской империи на всем пространстве Великой Степи. Это произошло благодаря общности мифологии, пантеона и обрядности в гунно-болгарских и тюрко-огузских племенных союзах [Кляшторный 1999, с. 156].

Особым направлением исследований С. Г. Кляшторного стала реконструкция генеалогических мифов и легенд древних тюрков [См.: Кляшторный 1964, с. 103–114, Кляшторный 1965б]. Для этого он привлекал не только сами древнетюркские рунические тексты, но и исторические сочинения соседних народов. Ученый специально затронул вопрос о происхождении одной генеалогической легенды, принявшей форму сообщения о происхождении царской династии Кабула, включенного в сочинения ал-Бируни. Подобные легенды — фольклорно-этнографический реликт, возводимый к эпохе формирования прототюркской этнической общности. Наиболее ранними их записями являются повествования о происхождении *ашина* — правящего рода Тюркского каганата (VI–VIII вв.), кратко зафиксированные китайскими историографами со слов самих тюрок.

На основе этой легенды в государстве древних тюрок возникли: культ пещеры предков как культ каганского рода и особое почитание волка. Иконографическим подтверждением этой легенды стало навершие согдоязычной Бугутской стелы (между 580–587), на котором изображено спасение волчицей мальчика с культями вместо рук и ног.

Наличием схожей легенды у ал-Бируни исследователь доказывал то, что в «раннесредневековом Кабулистане сохранялись реминисценции древнетюркского каганского культа пещеры предков, неотделимого от генеалогического династийного культа зверя-прародителя» [Кляшторный 1980, с. 160].

Тем самым, привлекая генеалогическую легенду как доказательство, С. Г. Кляшторный занимает определенную сторону в дискуссии Р. Гёбля и Р. Гиршмана о том, чем было вызвано появление в Тохаристане и Каписе тюркских титулов, приходу тюркской династии или простой «данью моде». Мы же получаем важные наблюдения над бытованием одной генеалоги-

ческой легенды в фольклоре и литературе разных народов. Это позволяет реконструировать один из способов миграции сюжетов.

В целом, завершая краткий рассказ о том, как труды С. Г. Кляшторного повлияли на изучение взаимодействия литературы и фольклора, следует отметить важность предложенного им пути реконструкции мифологических представлений. Опираясь на сведения, извлекаемые из литературных памятников, ученый смог воссоздать систему политических и космологических воззрений древних тюрок, которая имела свое выражение в их устном народном творчестве. В этой связи нам представляется закономерным его обращение к теме взаимодействия древнетюркских письменных памятников с эпосом [См.: Кляшторный 1992, Кляшторный 2001, Кляшторный 2003, Кляшторный 2010], но она требует отдельного внимательного рассмотрения.

Библиография

1. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

2. Кляшторный 1965а: *Кляшторный С. Г.* К вопросу о происхождении древнетюркской рунической письменности // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. 1965. Вып. I, с. 46–47.

3. Кляшторный 1965б: *Кляшторный С. Г.* Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии (Памяти С. В. Киселева). М., 1965, с. 278–281.

4. Кляшторный 1973: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 254–264.

5. Кляшторный 1975: *Кляшторный С. Г.* О генетических корнях древнетюркской культуры // Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1975, с. 36–38.

6. Кляшторный 1976: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и история культуры Центральной Азии // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976, с. 52–54.

7. Кляшторный 1979: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская мифология. К постановке проблемы // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. 1979. Вып. XIV, с. 91–96.

8. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни // Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М.: Наука, 1980, с. 158–161.

9. Кляшторный 1981а: *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. М., 1981, с. 117–138.

10. Кляшторный 1981б: *Кляшторный С. Г.* Из древнетюркского пантеона // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. М., 1981. Вып. XV. Ч. I, с. 98–100.

11. Кляшторный 1981в: *Кляшторный С. Г.* Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа. М.: Гос. Музей искусства народов Востока, 1981, с. 64–65.

12. Кляшторный 1985: *Кляшторный С. Г.* Социальная организация и духовная культура древних тюрков // Вопросы советской тюркологии. Ашхабад, 1985, с. 287–288.

13. Кляшторный 1986: *Кляшторный С. Г.* Генетические корни древнетюркской культуры // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986. Ч. 1, с. 37–38.

14. Кляшторный 1992: *Кляшторный С. Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток. М., 1992. Вып. 5, с. 5–17.

15. Гузев, Кляшторный 1993: *Гузев В. Г.*, *Кляшторный С. Г.* Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма // Вестник Санкт-Петербургского Гос. Университета. СПб., 1993. Серия 2. Вып. 4, с. 57–62.

16. Кляшторный 1999: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркский пантеон в континууме цивилизаций Волжской Степи // Материалы научной конференции восточного факультета, посвященные 275-летию Санкт-Петербургского Университета. 8–9.04.1999. СПб.: Гос. Университет, 1999, с. 154–156.

17. Кляшторный 2001: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и эпос // Актуальные проблемы истории древних кыргызов. Бишкек: Изд-во «Наука», 2001, с. 18–23.

18. Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* Древнекыргызская письменность и эпос «Манас» // Санкт-Петербург—Кыргызстан: орбиты взаимодействия. Материалы международной научно-практической конференции. 27–27 мая 2003 г. Бишкек: Изд-во «Наука», 2003, с. 84–87.

19. Кляшторный 2004: Миф и религии мира. Учебное пособие. М.: Российский Гос. Гуманитарный университет, 2004. Авторский раздел *С. Г. Кляшторного* «Древние тюрки», с. 261–266.

20. Кляшторный 2009: *Кляшторный С. Г.* Религиозно-мифологические представления древнего населения Монголии (по памятникам древнетюркской рунической письменности) // Сборник «Россия—Монголия. Самобытность и влияние культур в условиях глобализации». СПб.: СПб. Гос. Университет, 2009, с. 88–195.

21. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские памятники и древнетюркский эпос // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. XXII-е чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., Институт всеобщей истории РАН, 2010, с. 128–129.

Dmitry A. Nosov

ON THE CONTRIBUTION OF S. G. KLYASHTORNY INTO THE STUDY OF THE INTERACTION BETWEEN FOLKLORE AND LITERATURE

Abstract: *The article describes the scientific impact, made by S. G. Klyashtorny with his studies of interaction between literature and folklore. The reconstruction of the mythological pantheon of ancient Turkic runic inscriptions using historical works of neighboring peoples, done by S. G. Klyashtorny, is an important achievement in the process of understanding of the functioning of the subjects that were common both in written and oral literature.*

Keywords: *ancient Turks, mythology, folklore, literature.*

Р. Ю. Почекаев

РОЛЬ ТРУДОВ С. Г. КЛЯШТОРНОГО В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Аннотация: *Во многих своих работах С. Г. Кляшторный рассматривал самые разные аспекты истории государства и права тюркских народов Евразии, включая источники (в т. ч. рунику, эпиграфику и даже литературные произведения), особенности государственного устройства и социально-политического строя древнетюркских государств, особенности правового регулирования земельных и имущественных отношений, статус отдельных классов и сословий. Несмотря на то, что работы С. Г. Кляшторного посвящены преимущественно истории древних тюрков, многие его выводы и построения позволяют понять и особенности политико-правового развития более поздних тюрко-монгольских государств, в т. ч. империи Чингисхана и ее государств-наследников. Неудивительно, что многие специалисты по истории тюрков и монголов активно используют работы С. Г. Кляшторного в своих исследованиях.*

Ключевые слова: *С. Г. Кляшторный, древние тюрки, государственность кочевых народов Евразии, традиционное право, правовые источники.*

Значительное место в обширном научном наследии С. Г. Кляшторного занимают работы, посвященные проблемам государственности и права древнетюркских народов и государств. Некоторые его исследования непосредственно посвящены данной тематике, в других она косвенно затрагивается. Однако, в любом случае, вклад Сергея Григорьевича Кляшторного в разработку этого аспекта истории древних тюрков весьма велик и ценен.

Дело не только в том, что не так уж много исследователей уделяли (и уделяют сегодня) внимание государственным и правовым аспектам развития кочевых народов Евразии, но и в том, что именно С. Г. Кляшторному удалось ответить на многие сложные и спорные вопросы истории древнетюркской государственности и права, уточнить значения ключевых терминов, относящихся к данной тематике. Кроме того, С. Г. Кляшторный весьма эффективно сумел привлечь для исследования проблем государственности и права древних тюрков источники неюридического происхождения, тщательно, по крупицам выбирая из них информацию, важную для реконструкции ряда древнетюркских политических и правовых институтов. В настоящей работе мы намерены остановиться на двух основных составляющих вклада С. Г. Кляшторного в изучение государственности и права древних тюрков —

использовании различных неюридических источников для извлечения сведений политико-правового характера и анализе ряда соответствующих категорий и терминов, уточнении их значения.

Во-первых, обратимся к тем источникам, на которые С. Г. Кляшторный опирался в своих работах по проблемам древнетюркской государственности и права.

Безусловно, одним из основных источников по истории государственности и права для С. Г. Кляшторного являлись сведения китайских династийных историй, которые со времени Я. И. Гурлянда, первым посвятившего специальную работу проблемам права кочевых народов Евразии, рассматривались как один из основных источников сведений о политико-правовом развитии кочевых народов древности [Гурлянд 1904, с. 8–13]. Большое количество этих сведений было введено в научный оборот в виде переводов на доступные не только востоковедам языки такими известными учеными как Н. Я. Бичурин (Иакинф), Э. Шаванн, Н. В. Кюнер, В. С. Таскин и др. Казалось бы, любой исследователь, обратившийся к изучению проблем государственности и права кочевых народов Евразии, мог бы использовать эти источники не менее эффективно, чем С. Г. Кляшторный. Однако не следует забывать, что С. Г. Кляшторный был не только специалистом по истории древней Центральной Азии, но и тюркологом, специалистом по тюркскому языку. Именно поэтому он имел право с полным основанием критически анализировать сведения китайских и других иностранных источников о тюркской государственности и праве, предлагать собственные уточняющие трактовки тех или иных пассажей, вносить коррективы в употребление и толкование соответствующих терминов тюркского происхождения. А самое главное, он имел возможность соотнести сведения китайских династийных историй с другим важным письменным источником — древнетюркскими руническими памятниками.

Говорить о значении трудов С. Г. Кляшторного по изучению тюркской руники можно бесконечно, это неоднократно делалось и, без сомнения, еще неоднократно будет делаться в будущем. Поэтому в рамках настоящей работы отметим лишь, что во многом именно благодаря исследованию С. Г. Кляшторным древних рунических памятников мы имеем возможность оценить их значение как источника не только по истории Центральной Азии, но и по истории государственности и права кочевых народов Древней Евразии. Именно в этих памятниках впервые были зафиксированы многие категории и термины политического и правового характера, которые и в дальнейшем продолжали широко применяться в Великой Степи, нередко меняя свое первоначальное значение. С. Г. Кляш-

торный внес большой вклад в выявление этих понятий и категорий, их определение, поиск синонимичных терминов, анализ эволюции их значения на разных этапах истории Евразии, о чем подробнее будет сказано ниже. Благодаря сочетанию сведений династийных историй и рунических памятников, С. Г. Кляшторный сумел пролить свет на такие сложные вопросы как соотношение политической и социальной структуры древних кочевников Евразии, правовой статус различных категорий населения древних тюркских государств, формы социальной зависимости и земельной собственности, некоторые принципы и нормы древнетюркского права [см., напр.: Кляшторный 1979; Klyashtornyi 2004].

Прекрасно понимал С. Г. Кляшторный и важность произведений литературного, эпического и фольклорного характера как источника сведений о государственности и праве, а главное — об отношении к различным политико-правовым институтам современников. Поэтому неоднократно исследователь соотносил сведения исторических сочинений, эпиграфических данных с тюркскими литературными произведениями — в частности, с известной поэмой Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик» и тюркским эпосом «Китаб-и Деде-Коркут». При этом он особо отмечал, что создатели подобных произведений отражали идеальное представление о государстве и праве, и видел в нем интересный объект для сравнения политико-правовых воззрений тюрков XI в. с взглядами их предшественников, нашедшими отражение в вышеупомянутых древнетюркских эпитафиях [см., в частности, Кляшторный 1984, с. 143–144].

Наконец, обращал С. Г. Кляшторный внимание и на такой источник как степные генеалогические легенды, отмечая их значение в вопросах обоснования легитимности власти и социальной структуры общества, различий в статусе разных категорий населения [см., напр.: Кляшторный 1980]. Нет необходимости говорить о важности его наблюдений применительно к последующим эпохам — достаточно вспомнить, в частности, насколько скрупулезно подчеркивали свое происхождение от Чингис-хана правители тюрко-монгольских государств XIII — начала XX вв.

Для специалистов по истории государства и права тематика древнетюрской государственности и права во многом до сих пор остается «terra incognita», поскольку, во-первых, отсутствуют (в достаточном количестве) юридические памятники, позволяющие реконструировать политическую и правовую систему древних тюрков, во-вторых, многие понятия и категории, относящиеся к политико-правовой сфере (большей частью, как уже отмечалось, нашедшие отражение в рунических надписях), имеют свою специфику и не всегда могут быть правильно поняты и интерпретированы.

Труды С. Г. Кляшторного во многом решают эту проблему, поскольку он сумел пролить свет на значение ряда ключевых понятий, с помощью которых могут быть охарактеризованы политическая система древних тюрков и ряд основных принципов их права.

В частности, ученый четко определил значение и взаимозависимость терминов «эль» и «бодун», первый из которых означал военно-административную организацию тюрков, а второй — родоплеменную, имея, в т. ч. и значение «народ». Именно С. Г. Кляшторный на основе анализа текстов тюркских памятников пришел к выводу, что каган, верховный правитель тюрков, совмещал функции главы эля (как обладателя высшей административной и военной власти) и бодуна (как старейшины родоплеменного образования, верховного жреца и судьи своих сородичей) [Кляшторный 1984, с. 145].

Еще одним важным результатом исследований С. Г. Кляшторного стало выведение своеобразной формулы-триады, отражающей политико-правовую философию древних тюрков: «каган — эль — тору», т. е. «правитель — государство — право» [Klyashtornyi 2004, p. 13]. На наш взгляд, именно эта формула отражает такие важные принципы государственно-правовой организации тюрков как приоритет государства над правом и институт кагана как высшего законодателя, свидетельствуя о фактическом позитивизме и этатизме древних тюрков.

С. Г. Кляшторный провел детальный анализ сведений письменных, и в особенности рунических памятников на предмет выявления статуса отдельных категорий тюркского населения. О статусе кагана как верховного правителя, законодателя, судьи и жреца уже говорилось выше. Обоснованно С. Г. Кляшторный выделил представителей знати, «бегов», которые в тюркских источниках четко отделены от простого народа «бодун». При этом очень интересным представляется наблюдение исследователя о том, что каганы, преследуя собственные политические интересы, то демонстрировали свое единство с бегами, противопоставляя себя и знать простому народу, то, напротив, обвиняли бегов в измене не только кагану, но и народу [см.: Кляшторный 1984, с. 145–146; Klyashtornyi 2004, p. 23–24].

При этом, как, опять же, обоснованно указывает С. Г. Кляшторный, единство, которого добивались каганы в своем эле, достигалось не равенством всех представителей одного сословия, а, напротив, их четким местом в жесткой многоступенчатой иерархии, в которой каждый знал, кому он должен подчиняться и кем руководить. Так, среди знати ученый отмечает наличие «обладающих саном» (куркапыны) и «именитых» (атлыг) [Кляшторный,

Султанов 2009, с. 185].[1] Среди простого же народа выделялась категория полноправных подданных кагана — «эр» (муж-воин) [Кляшторный 1984, с. 148]. Наличие такой категории, соответственно, предполагает и наличие в тюркском обществе лиц, не обладающих всей полнотой прав, хотя их статус специально и не анализируется С. Г. Кляшторным. А вот анализу категории «кул» (рабов) исследователь посвятил специальное исследование, сделав еще одно принципиальное, на наш взгляд, наблюдение: из рунических памятников следует, что человечество делится на тюрков, имеющих государство «эль» и установления «тору», и их врагов, которые должны стать рабами [Кляшторный 1985]. Логически продолжая эту мысль, можно допустить, что уже древние тюрки прекрасно понимали, что рабы не являются субъектами правоотношений — поскольку не следуют праву-«тору».

Что же касается правовых отношений у древних тюрков, то С. Г. Кляшторный, вполне осознавая, что скудность источников не дает права делать о них какие-либо выводы, кроме «генерализированных» [Кляшторный 1978, с. 97], тем не менее, предпринимает попытки выявить некоторые базовые принципы правоотношений в древнетюркском обществе. Так, он прослеживает формирование и сохранение деления на крылья и десятичной системы как основы структуры административного управления, начиная с эпохи хунну [Klyashtornyi 2004, p. 17].

Большой интерес представляет попытка С. Г. Кляшторного разобраться с вопросами земельных правоотношений в Тюркском каганате, в частности — с собственностью на землю. На основе анализа рунических надписей исследователь вывел такие правовые принципы древнетюркского государства как верховное право кагана на землю, право знати на владение ею и обязанность рядовых кочевников выплачивать ренту владельцам [Кляшторный 1979, с. 99]. Интересной и важной представляется трактовка С. Г. Кляшторным случаев откочевок с земель, принадлежащих кагану: по его предположению, это могло рассматриваться и как измена сюзерену, и как попытка уклониться от платы за пользование землей — соответственно, подобные действия считались тяжким преступлением, и виновным грозила суровая расправа [Кляшторный 1979, с. 100–101]. Опираясь на выводы ученого, можно найти истоки традиции, согласно которой в Монгольской империи и государствах Чингизидов вся земля считалась собственностью ханского рода. Известное же положение Великой Ясы Чингис-хана о том,

[1] Категория «атлыг», вероятно, может быть соотнесена с европейским рыцарством, а исходя из этимологии — даже еще более близко и с древнеримскими всадниками.

что никто не имеет право переходить из своего десятка, сотни, тысячи (Г. В. Вернадский характеризует его как «крепостной устав» [Вернадский 1999, с. 121]), таким образом, тоже, как видим, продолжает правовую традицию древних тюрков.

Правовое регулирование других видов собственности также не прошло мимо внимания С. Г. Кляшторного. В частности, он выявил особенности владения скотом, который, с одной стороны, являлся личной собственностью, с другой — показателем статуса его обладателя [Кляшторный 1984, с. 150]. Однако вместе с тем ученый отмечал, что в древнетюркские времена, судя по всему, речь шла в большей степени о родовой собственности, нежели об индивидуальной и семейной в современном понимании. На это указывают не только сообщения письменных источников, но и родовые тамги [Klyashtornyi 2004, p. 26]. Кстати, этот важный источник до сих пор мало учитывался историками права, и работы С. Г. Кляшторного (наряду с трудами других исследователей, изучавших тамги) могут стать отправной точкой для историко-правовых исследований в этом направлении.

Несмотря на прекрасное знание источников и удивительную способность делать на основе их изучения логичные и обоснованные выводы как частного, так и обобщающего характера, С. Г. Кляшторный всегда был в курсе новейших исследований, учитывал и тщательно анализировал в своих изысканиях результаты исследований других авторов, в той или иной степени затрагивавших проблемы древнетюркской государственности и права — Й. Маркварта, Э. Шаванна, П. Пелльо, Л. П. Потапова, М. Мори, Л. Н. Гумилева, Ж.-П. Ру, Л. Р. Кызласова, Т. Барфилда и др. В некоторых случаях ученый соглашался с выводами своих предшественников, в других критиковал, в третьих — развивал их концепции. В частности, он внес некоторые уточнения в широко известную концепцию «степных империй», выявив общие и специфические черты этих государственных образований — от древнетюркских до Монгольской империи и ее преемников [см., напр.: Кляшторный 2005]. Правда, в некоторых случаях, на наш взгляд, он чрезмерно отстаивал уникальность «степных империй», не делая попыток провести их подробный сравнительный анализ с другими государствами имперского типа — в особенности не азиатскими. Однако и эта позиция объяснялась его добросовестностью как ученого: не владея информацией об этих государствах в той степени, в какой информацией о тюрко-монгольских государствах, он предпочитал не делать поспешных выводов и не проводить рискованных сравнений. Тем не менее, считаем, что его собственные наработки в области истории государства и права «степных империй» позволяют специалистам заняться проведением таких

сравнительно-политических и сравнительно-правовых исследований — естественно, в формате сотрудничества как специалистов по истории различных государств, так и представителей различных наук и дисциплин (общей истории, источниковедения, истории государства и права и пр.).

Соответственно, все современные исследования, в которых так или иначе затрагиваются проблемы истории государственности и права степных народов и государств Евразии (в частности, работы В. В. Трепавлова, С. А. Васютина, Ю. И. Дробышева, Т. С. Жумаганбетова, Н. Н. Крадина, Н. Н. Серегина, Т. Д. Скрынниковой, В. В. Тишина и др.) в значительной степени учитывают наработки С. Г. Кляшторного, без которых изучение данной тематики на сегодняшний день попросту невозможно. Более того, результаты исследований С. Г. Кляшторного в значительной степени облегчают исследование вопросов истории государственности и права кочевых народов и более позднего периода — Монгольской империи и ее преемников вплоть до прекращения существования центральноазиатских государств традиционного типа уже в начале XX в. Ведь многие политические и правовые категории и институты, использовавшиеся в этих государствах (Золотой Орде и ее преемниках — тюрко-татарских ханствах, Ильханате и тюрко-монгольских государствах средневекового Ирана, Чагатайском улусе и среднеазиатских ханствах), были заимствованы, пусть и опосредованно, еще из древнетюркской политико-правовой традиции.[1] Более того, после распада Монгольской империи и ее ближайших преемников многие тюрко-монгольские государства вернулись именно к тому типу государственности, который и был свойственен именно тюркскому периоду — соправительство, доминирование обычного права, суд биев и пр. Точно так же, исходя из наблюдений С. Г. Кляшторного, можно понять причины живучести клановой системы в чингизидских государствах, равно как и неэффективности попыток заменить родоплеменное деление территориальным в тех тюрко-монгольских государствах, в которых преобладало кочевое население. Соответственно, наличие знаний о корнях этих политико-правовых явлений, столь подробно исследованных С. Г. Кляшторным, позволяет понять и причины возврата к ним после, казалось бы, достижения более высокого уровня политической и правовой культуры эпохи империи Чингизидов, оценить эффективность их использования, степень распространенности.

---

[1] В частности, ряд терминов, имеющих древнетюркское происхождение, анализирует применительно к реалиям Золотой Орды Г. А. Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов 1973].

Автор этих строк искренне благодарен С. Г. Кляшторному, который обратил его внимание на значимость сведений неюридического характера для изучения проблем истории государственности и права кочевых народов Евразии — в условиях практически полного отсутствия необходимых юридических источников. А также и за его советы учитывать особенности происхождения того или иного источника, позицию его автора, специфику употребления тех или иных терминов. Все эти советы со временем легли в основу метода, который автор условно назвал «историческое правоведение» и в настоящее время активно применяет в своих исследованиях по истории государственности и права тюрко-монгольских народов Средних веков и Нового времени, а также и в преподавательском процессе — в рамках курсов по истории отечественного и зарубежного государства и права.

Библиография

1. Вернадский 1999: *Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999. С. 112–148.

2. Гурлянд 1904: *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904.

3. Кляшторный 1979: *Кляшторный С. Г.* О собственности на землю в тюркском каганате // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке (Бартольдовские чтения 1975 г.). М., 1979. С. 97–101.

4. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни // Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980. С. 158–161.

5. Кляшторный 1984: *Кляшторный С. Г.* Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Востоковедение. Вып. 9. 1984. С. 143–153.

6. Кляшторный 1985: *Кляшторный С. Г.* Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 159–168.

7. Кляшторный 2005: *Кляшторный С. Г.* Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. С. 23–31.

8. Кляшторный, Султанов 2009: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.

9. Федоров-Давыдов 1973: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

10. Golden 2001: *Peter B. Golden.* The Terminology of Slavery and Servitude in Medieval Turkic // Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel. Ed. by D. DeWeese. Bloomington, 2001. P. 27–56.

11. Klyashtornyi 2004: *Sergey G. Klyashtornyi.* Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia: The Legal Documents and Practical Regulation // Central Asian Law: An Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke. Lawrence, 2004. P. 13–39.

Roman Yu. Pochekaev

THE ROLE OF THE WORKS OF S. G. KLYASHTORNY IN THE STUDY OF THE STATE AND LAW OF THE TURKIC PEOPLES OF EURASIA

Abstract: *Many works of S. G. Klyashtorny are devoted to different aspects of the state and law of the Turkic peoples of Eurasia including sources (runic, epigraphic and even literary heritage), specific features of the state, social and political structure of the ancient Turkic states, legal regulation of land and property relations, and the status of specific social groups. Although the works of S. G. Klyashtorny are devoted mainly to the history of ancient Turks, many of his constructions and conclusions are very helpful to understand the specific features of the political and legal development of the later Turkic-Mongol states including the empire of Chinggis Khan and the states of his successors. No wonder that many specialists in the history of Turks and Mongols widely use the works of S. G. Klyashtorny in their research.*

Keywords: *Sergey G. Klyashtorny, ancient Turks, state organization of Eurasian nomads, traditional law, legal sources.*

А. С. Сараев

ДИСКУССИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАННИХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ И ВКЛАД В НЕЕ С. Г. КЛЯШТОРНОГО

Аннотация: *Происхождение тюркоязычных народов раннего средневековья — важная тема научных трудов С. Г. Кляшторного. Взгляды, которых он придерживался, укладываются в рамки моноцентрической концепции. Ее сторонники полагают, что некогда существовал тюркский «протоэтнос» — огуры; их миграции положили начало тюркоязычным народам как Восточной Европы (булгары и хазары), так и Центральной Азии (уйгуры и прочие племена группы теле). Потомками последних С. Г. Кляшторный считал огузов Средней Азии и кыпчаков/половцев. Однако немалое число исследователей придерживались иной концепции (полицентрической), согласно которой западные и восточные тюркоязычные народы не имели прямой генетической связи. Более того, ее сторонники подвергали сомнению правомерность самогó ключевого термина «огур».*

Ключевые слова: *Кляшторный, Радлов, Мункачи, Бернштам, огуро-огузская проблема.*

В кочевниковедении существует несколько подходов к изучению этнической истории евразийских степей I–VI вв. — периода, заложившего фундамент всей последующей истории тюркоязычных народов. Подходы эти — их можно условно назвать моно- и полицентрическими — мало согласуются друг с другом, представляя как бы параллельные истории одного и того же пространства в одно и то же время.

Выдающаяся роль в реконструкции ранней политической и этнической истории древних тюркоязычных народов принадлежит Сергею Григорьевичу Кляшторному. В то же время он был наиболее ярким и последовательным представителем одного из указанных подходов — моноцентрического. С. Г. Кляшторный не только разрабатывал частные вопросы истории и культуры кочевников, но и обобщил их в целостную схему этнополитической и этнокультурной истории Евразии.

В рамках обозначенного периода ключевой проблемой этнической истории кочевников Евразии может быть названа «огуро/огузская» проблема. Таковой ее считал сам С. Г. Кляшторный[1]. Необходимо подчеркнуть,

---

[1] Основываемся как на личном сообщении, так и на том факте, что в последнем отредактированном С. Г. Кляшторным «Тюркологическом сборнике» помещено сразу две статьи, посвященных напрямую проблеме «огурских» народов [Комар 2013; Семенов 2013].

что, если бы в созданной им схеме не осталось нерешенных вопросов, С. Г. Кляшторный не возвращался бы в каждой новой статье или монографии к изучению этапов этнической истории евразийских кочевников, раз за разом что-то уточняя и даже пересматривая. Это, а также наличие иных схем этногенеза тюрко-монгольских кочевников Евразии, заставляет рассмотреть данную проблему на более широком историографическом фоне.

Краткий обзор историографии проблемы

Даже просто перечислить имена авторов, затрагивавших в своих исследованиях вопросы древнетюркского этногенеза, значило бы заменить статью обширной библиографией, которая, к тому же, наверняка будет неполной. Поэтому, чтобы не запутаться в «толковательных дебрях», как назвал П. Б. Голден многочисленные концепции этнической истории Великой степи [Golden 2006, p. 26], постараемся наметить только основные вехи.

Родоначальником научного изучения прошлого кочевников Великой степи по единодушному мнению исследователей был французский академик XVIII в. Дегинь [Иностранцев 1926, с. 6], оставивший многотомное сочинение по истории «татар», в число которых включил все кочевые народы Евразии — от хуннов до современных ему ногаев. Дегинь предположил, что пришедшие после 462 г. на смену гуннам в восточноевропейские степи сарагуры, уроги, оногуры были ветвью уйгуров, вытесненных из района Турфана жужанями. Поселившись на берегах Иртыша, они занимались добычей соболей и, так кочуя за объектом своей охоты, через некоторое время добрались до Волги, где вступили в контакт с римлянами [Deguignes 1756, p. 316–317].

Как остроумно в свое время выразился А. Н. Бернштам: «Дегиня повторяли и повторяют до наших дней» [Бернштам 1951, с. 7]. И действительно, хотя представления ученых XVIII–XIX вв. об этноязыковом родстве были далеки от современных, уже с первых работ европейских авторов берут начало три группы версий происхождения кочевников Великой степи: угорская или «финская» [Klaproth 1826, p. 262–263; Европеус 1868, с. 66–67], тюркская (Дегинь), монгольская (Бичурин) [Иностранцев 1926, с. 30–31; Бичурин 1950, с. XXXVIII–XXXIX].

В конце XIX в. комплексное обоснование тюркоязычности протоболгарских племен дал В. В. Радлов. Эти племена, по его мнению, являлись частью гуннского объединения, после распада которого выступили под собственными именами [Радлов 1893, с. 107–111]. Вторую часть названий племен Радлов признал искажением от «уйгур».

Почти одновременно с В. В. Радловым венгерский лингвист Б. Мункачи предложил свой вариант реконструкции. Название одного из племен —

«оногур» — он расшифровывал как множественное число от «огор/угур/огур», т. е. «уйгур» [Munkácsi 1896, S. 7–10, 89–92; Артамонов 1937, с. 114]. Однако именно форме «огур» Мункачи придавал особое значение: «Имя *угор*, *огур* [курсив авторский — А. С.] … представляет древнее собирательное обозначение западных тюркских племен, в противоположность с жившими восточнее… *огузами*, которые также называли себя вообще именем *тюрк*» [Ашмарин 2000 (1902), с. 118]. Вокруг одного этого слова («огур») за короткое время сложилась обширная библиография [Moravcsik 1958, S. 65–67].

В дальнейшем высказанные Радловым и Мункачи взгляды об «огуро-огузском» происхождении тюркоязычных народов I–VI вв. развивались в трудах И. Маркварта [Marquart 1903, S. 45–46], Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 1926, с. 195], А. Н. Бернштама, Д. М. Данлопа [Dunlop 1954, p. 36–40], Дж. Гамильтона, Н. А. Баскакова [Баскаков 1960, с. 107, 186–187], А. Рона-Таша [Róna-Tas 1999, p. 210–213, 255], Г. В. Хауссига [Хауссиг 1977, с. 71], С. Г. Кляшторного [Кляшторный 2010, с. 164], П. Б. Голдена [Golden 1980, p. 30], Ю. Р. Джафарова [Джафаров 1980, с. 159–161]. Если попытаться найти общий момент в концепциях перечисленных авторов, то получится следующее: некогда (до V в. н. э.) в Центральной Азии существовала единая группа племен («племенной суперсоюз теле-огуров» по С. Г. Кляшторному [Кляшторный 1987, с. 60, 61; Кляшторный 2003, с. 496; Кляшторный 2009, с. 62]; «конфедерация племен, арочным сводом растянувшаяся сквозь Евразию» по П. Б. Голдену [Голден 2005, с. 32]), которая дала несколько волн миграций: 1) на Запад — вместе с гуннами (В. В. Радлов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Г. Хауссиг, Ю. Р. Джафаров) или вскоре после падения их империи (С. Г. Кляшторный, А. Рона-Таш), но до замещения в тюркских языках конечного *р* на *з* — огурские племена; 2) на Восток — в связи с процессами образования и распада тюркских каганатов в VI–VII вв. — уйгуры; 3) на Запад — огузские племена Средней и Передней Азии в IX–XI вв. (согласно концепции С. Г. Кляшторного, и кыпчаки [Кляшторный 1986; Кляшторный 2007]).

В результате получается, что подавляющее большинство тюркских народов имеет общее происхождение. В этом и заключается сущность моноцентрического подхода.

Немалое количество исследователей, однако, придерживалось иных подходов по вопросу этногенеза кочевников Великой степи. Они настаивали на полицентрическом происхождении тюркоязычных народов. Это значит, что предки многих ныне тюркоязычных народов прежде принадлежали к иным языковым группам или семьям, а тюркский язык усвоили, будучи

покорены гуннами или древними тюрками, или по крайней мере войдя в их орбиту влияния. Свести все мнения сторонников полицентричности к какому-то одному не представляется возможным. Можно только заметить, что многие авторы этой условной группы являлись сторонниками угорской (как вариант — иранской) принадлежности протоболгар.

У истоков этой концепции, как было показано выше, стояли немецкий лингвист Ю. Клапрот и финский этнограф Д. Е. Европеус. Впоследствии у нее нашлось немало сторонников среди отечественных ученых (следует назвать имена С. П. Толстова [Толстов 1948, с. 245–246], А. П. Смирнова [Смирнов 1951, с. 10–11, 22; Смирнов, Корнилов 1971, с. 483–484], М. И. Артамонова [Артамонов 1937, с. 112–114; Артамонов 1962, с. 66–68, 76–78], Л. Н. Гумилева [Гумилев 1965, с. 132–133], Я. А. и Г. С. Федоровых [Федоров Я., Федоров Г., 1978, с. 49–54], А. В. Гадло [Гадло 1979, с. 59, 99–100, 175–176; Гадло 2004, с. 134], А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990, с. 72], Б. И. Вайнберг [Вайнберг 1999, с. 258–259, 290, 294–296, 304–306], А. К. Салмина [Салмин 2011]).

Согласно еще одной группе взглядов, слово «огуз», хотя и исконно тюркское, первоначально обозначало просто «племя», «союз племен» и не несло этноопределяющей нагрузки. Одним из первых подобное мнение высказал еще Маркварт, как известно, не слишком заботившийся о непротиворечивости одних своих гипотез другим [Бартольд 1968, с. 313]. Однако наибольшую ясность в эту проблему внес Садри Максудов — между прочим, единственный пантюркист среди всех упомянутых авторов («махровый расист» — по определению А. Х. Рафикова [Рафиков 1952, с. 128]). Он четко разделил проблему на две части: 1) соотношение слов огур/огуз; 2) их значение.

С. Максудов первым определил, что слова «огур» и «огуз» значат всего лишь «племена»: «…слова «огур» и «огуз» не являются этнонимами народов, в названия которых они входили как составная часть. Они есть не что иное, как названия структурных частей этих народов. <…> Тюркская история не знает тюрков-огузов, в ней имели место только «огузы» тюрков» [Максуди 2002 (1947), с. 317–318]. Все теории миграций, основанные на одном созвучии племенных названий Максудов считал надуманными, формулируя свое к ним отношение предельно четко: «Мы не можем допустить низведения тюркологической науки до примитивной, построенной только на принципе внешней аналогии слов «племенологии»» [Максуди 2002 (1947), с. 384].

Опираясь на выводы А. Н. Кононова («огуз» происходит от «ог» — род и «уз» — аффикс множественного числа [Кононов 1958, с. 84]), Л. Н. Гумилев пришел к близкому с Максудовым мнению (о работе последнего он вряд

ли мог знать), но сделал еще один шаг вперед. Он определил конкретно-исторические условия возникновения термина «огуз» и обозначаемого им явления: «огузы» появились не раньше создания первого тюркского каганата, поскольку напрямую связаны с его внутренней структурой [Гумилев 1967, с. 61–62]. Эта гипотеза основывается еще и на том, что самые ранние упоминания «огузов» зафиксированы только в орхонских текстах. Значит, по мнению Л. Н. Гумилева, само слово, обозначая совершенно новое явление, появилось не раньше середины VI в., причем сразу в форме «огуз», т. е. не имело «архаического» предшественника — «огур».

Одновременно с Гумилевым против отождествления понятий теле и огуз выступил Л. П. Потапов. Также опираясь на выводы А. Н. Кононова, он считал «огуз» лишь социальным термином, а невозможность заимствования слова «теле» у китайцев обосновывал наличием на Алтае целого ряда племен, содержащих в своем названии этот корень [Потапов 1966, с. 233–234][1]. Это мнение восходит к Н. А. Аристову, еще в конце XIX в. писавшему: «Существование в Алтае р. Тöле… показывает скорее, что имя теле было настоящим именем гаогюйцев, а дили или чилэ — китайскими его извращениями» [Аристов 1897, с. 19].

Наконец, крупнейший советский специалист по огузской теме С. Г. Агаджанов большей частью дистанцировался от дискуссий о соотношении понятий «огуз», «токуз-огуз» и «уйгур», считая вопрос крайне запутанным [Агаджанов 1969, с. 5]. Тем не менее, западных огузов он рассматривал как народ смешанного происхождения, причем образовавшийся из разных компонентов уже на территории Средней, а не Центральной Азии [Агаджанов 1969, с. 127–128].

Таким образом, в рамках полицентрических концепций западные («огурские») и восточные («огузские») тюркоязычные народы рассматривались как вполне независимые ветви, не имеющие прямой генетической связи. Тюркизацию племен Восточной Европы сторонники этого подхода связывали с гуннами, а не с «огурами», реальность которых ими подвергалась сомнению, а кроме того родство восточных и западных огузов.

Концепция С. Г. Кляшторного и нерешенные вопросы

Из рассмотренных авторов наибольшее влияние на концепцию С. Г. Кляшторного оказали А. Н. Бернштам и Дж. Гамильтон.

Хотя на работы А. Н. Бернштама по огуро/огузской проблеме С. Г. Кляшторный не ссылался (возможно, опасаясь упреков в марризме, которого

[1] Годом раньше на этот же факт ссылался Гумилев [Гумилев 1965, с. 132].

придерживался Бернштам), тем нее менее, посвятил ему одну из своих ключевых монографий [Кляшторный, Савинов 2005, с. 1]. Основная идея А. Н. Бернштама развивала линию моноцентрических концепций, заложенную еще В. В. Радловым и Б. Мункачи: «Гаогюй — это транскрипция этнонима уйгур. Племена гаогюй претерпели целый ряд ударов со стороны центральноазиатских держав и в силу этого оказались рассеянными по большой территории. Так, в конце V в. племена гаогюй оказались разбитыми на две части, причем одна часть… была вытеснена в степи Казахстана, другая оказалась отброшенной в Центральную Азию. Западно-гаогюйские племена появились в Восточной Европе, где они известны историкам раннего средневековья под именем угров с различными атрибутивными префиксами (он, ут, сары, кут). <...> Первоначальный этноним уйгур также испытал модификацию. Термин уйгур, точнее гур или угур (так как “уй” здесь также атрибутивный префикс), в силу закона тюркской фонетики утерял свою ротацирующую форму и принял “зекающее” окончание. Древнему “гур” соответствует более поздняя форма “гуз”» [Бернштам 1947а, с. 155][1].

За исключением отрицания угров как нетюркоязычного этноса в приведенной цитате нетрудно обнаружить много сходного с концепцией С. Г. Кляшторного.

Главное заимствование С. Г. Кляшторного из концепции Дж. Гамильтона — этимология «теле» из монгольского **tegreg* («обод, колесо», «телега, тележник») [Кляшторный, Савинов 2005, с. 59]. Из этой реконструкции следует, что «теле» — не самоназвание, а прозвище, заимствованное китайцами у монголоязычных жуань-жуаней, поскольку дословно соответствует китайскому «гаогюй» («высокие телеги»). Значит, у теле было еще и собственное (тюркское) название, поиск которого закономерно привел к анализу тюркских рунических текстов. По мнению С. Г. Кляшторного, на месте «теле» там везде упоминаются «огузы», а значит, это и было их самоназванием.

К последовательному изложению древней истории Великой степи С. Г. Кляшторный обратился не сразу. В лекции «Гуннская держава на Востоке» коллективной «Истории Древнего мира» С. Г. Кляшторный впервые изложил свой взгляд на вопрос о миграции хуннов на Запад [Кляшторный

---

[1] Впрочем, влияние марризма на концепцию А. Н. Бернштама нельзя недооценивать. В другой работе того же года он писал: «На рубеже V–VI вв. заканчивается развитие гурских племен, т. е. древнего пласта уйгурских племен, который был протоогузским пластом, сохранившимся пережиточно в чувашском языковом островке и, представляющем, по мнению Н. Я. Марра, пример яфетических переживаний в тюркской группе племен и народов» [Бернштам 1947б, с. 68].

1989, с. 252]. В этой и во всех последующих работах С. Г. Кляшторный факт миграции хуннов признавал, считая ее (вопреки А. Н. Бернштаму) единовременным актом, произошедшим на рубеже I и II вв. н. э.; и именно с гуннами он первоначально связывал появление тюркского языка (в форме архаичных диалектов) на западе Великой степи.

Самой ранней работой С. Г. Кляшторного, посвященной огузской теме, является статья в энциклопедии [Кляшторный 1967, с. 467–468], положительно оцененная обычно строгим по отношению к коллегам А. Г. Малявкиным [Малявкин 1983, с. 170, 275]. В этой статье сложение токуз-огузской конфедерации отнесено ко времени первого тюркского каганата, а утверждение синонимичности названий «токуз-огуз» и «уйгур» — ко времени уйгурских княжеств в Восточном Туркестане (IX–XIII вв.); осторожно, в рамках краткого обзора гипотез, высказана мысль о возможном едином происхождении токуз-огузов и среднеазиатских огузов (гузов).

В дальнейшем аспекты истории теле и токуз-огузов разрабатывались С. Г. Кляшторным в статьях, в которых публиковались и анализировались рунические надписи эпохи Уйгурского каганата [Кляшторный 1980; Кляшторный 1983; Кляшторный 1987]. Наконец, различные вопросы истории древнетюркских племен и народностей были суммированы в главах ряда коллективных монографий (1980–1990-е гг.), а затем в обобщающих монографиях, написанных в соавторстве с Т. И. Султановым и Д. Г. Савиновым (1992–2010 гг.).

Совершенно естественно, что за более чем три десятилетия исследований взгляды С. Г. Кляшторного менялись. И хотя ему удалось свести их в единую схему, но даже в ее рамках они продолжали меняться в каждом новом издании обобщающих монографий (см. ниже таблицу). Однако моноцентрическая природа концепции оставалась неизменной. В результате огуро/огузской атрибуции большинства тюркоязычных народов I–VI вв. в схеме фактически не осталось места ни гуннам, что еще можно понять, если встать на позицию авторов (среди которых и поздний С. Г. Кляшторный), отрицающих «алтаеязычность» гуннов, ни собственно тюркам. Древние тюрки (тюрки-тугю, тюркюты) в число огузов не включались ни одним источником. Напротив, в рунических надписях (надпись Бильге-кагана, строка 29) огузы объявлены частью тюрок [Гумилев 1967, с. 6, 24–25; Кормушин 2011, с. 8–11]. Точно так же к группе племен теле не принадлежали и прочие тюркоязычные этносы раннего средневековья: печенеги, карлуки, тюргеши, кыргызы. Вопрос об их происхождении остается открытым, но в рамках моноцентрической концепции он не решаем, если только не признать перечисленные народы также телескими, что было бы совсем не оправданным допущением.

С. Г. Кляшторный, так детально исследовавший политическую историю тюркских народов, прекрасно это понимал, почему и включил в ряд своих поздних монографий раздел под названием «Общая концепция этнической истории древнетюркских племен», который, однако, дает лишь абрис концепции на основе анализа вариантов генеалогической легенды древних тюрок и некоторых данных археологии.

Возможно, именно на стыке двух подходов — моно- и полицентрического — удастся выйти из круга противоречий, наличествующего внутри каждого из них.

В заключение сформулируем несколько принципиальных вопросов, решение которых не было достигнуто изолированно в рамках каждого из подходов.

Во-первых, очевидность термина «огур» действительно под вопросом. Он выведен только на основе интерпретации этнонимов протоболгарских племен, но ни в одном источнике в чистом виде не встречается. У Приска названы уроги, у Феофилакта Симокатты и Земарха огоры и угуры, но нигде нет «огуров». Важно и то, что в качестве второй части этнонимов протоболгарских племен надежно выделяется не «огур», а «гур», на что обращали исследователи, придерживающиеся самых разных взглядов: А. Н. Бернштам [Бернштам 1947а, с. 155], Л. Н. Гумилев [Гумилев 1965, с. 131, 133], О. Мэнчен-Хелфен [Maenchen-Helfen 1973, p. 441], К. Менгес [Менгес 1979, с. 40], И. П. Засецкая [История татар 2002, с. 152], Н. З. Гаджиева [Языки мира 1996, с. 21].

Форма «огур» была, как уже говорилось, реконструирована как более архаичный аналог «огуз». При этом не было обращено внимания на то, что во всех формах с «огуз» (токуз-огуз, уч-огуз, секиз-огуз) *о* никогда не исчезает[1], тогда как ни в одном из более чем десятка вариантов этнонимов с «-гур» *о* не встречается. Поэтому признать *о* просто выпавшим нельзя, учитывая, что в предложенной А. Н. Кононовым этимологии корнем является *ог*, а не *гуз*[2].

Во-вторых, считать «огуз» первоначально самостоятельным этнонимом также неправильно. Просто «огузов» в древности не было, а были либо токуз-, уч-, секиз-огузы, либо — уйгуры, сиры, эдизы, курыканы, бугу, байырку и другие. Даже не вдаваясь в дискуссию о соотношении понятий

---

[1] Только в X в., когда любые «огуры» были уже в прошлом, в мусульманских источниках появляются просто «гузз'ы» [Бартольд 1968, с. 524], а в византийских — «узы».

[2] В устном сообщении нам (29.10.2013) С. Г. Кляшторный также высказался в пользу данной этимологии, назвав первоначальным значением слова «огуз» — «союз родственников».

«уйгур» и «токуз-огуз» (синонимы ли это, или уйгуры были лишь частью токуз-огузов), следует заметить, что перечислить первых и вторых в одном ряду при любом подходе невозможно. Так, по Л. Н. Гумилеву, уйгуры — это и есть току-огузы, т. е. уйгуры сами состояли из девяти племен [Гумилев 1967, с. 274]. По С. Г. Кляшторному, уйгуры были лишь одним из девяти огузов, т. е. без них (например, в момент восстания против уйгуров) получалось бы восемь огузов — секиз-огуз. Таким образом, из обоих подходов следует, что «огуз» было наименованием некоей составной единицы — племени или рода — и всегда употреблялось наряду с собственно этнонимами[1].

Что касается доказательства заимствования китайцами у жужаней слова «теле», реконструированного как «tegreg», то у Б. Я. Владимирцова можно найти другой вариант этого же монгольского слова — «tergen» («телега»). Если последний вариант правильнее, то его, вероятно, было бы сложнее восстановить из слова «теле», которое, таким образом, может вполне рассматриваться как собственное тюркское, на чем настаивал еще Н. А. Аристов.

В-третьих, видимо, в признании угорскими этимологий протоболгарских племен присутствовало изначальное заблуждение. Само название «угры» имеет не угорское, а славянское происхождение и было введено только в XIX в. как технический термин для характеристики данной группы языков [Егоров 2009, с. 143–145] (но ведь и «огуры» были точно так же технически введены). Вторая часть протоболгарских этнонимов, таким образом, никак не может быть связана с уграми. Поэтому следует признать правомерными тюркские этимологии названий «гурских» племен [История татар 2002, с. 181–182], хотя достоверность их в отличие от прозрачных числовых обозначений огузов («токуз», «уч», «секиз») и не столь очевидна. Первые части «гурских» этнонимов (сары-, он-, кутур-/кутри-, утур-/ути-) упоминаются в источниках в нескольких вариантах и по-разному расшифровываются исследователями.

Сбрасывать со счетов типологическое (но не этимологическое) сходство протоболгарских и уйгуро-огузских этнонимов было бы опрометчиво. Логичнее, однако, предположить не прямое происхождение обеих групп племен из единого этнического массива, а некое общее хуннское наследие.

Таким образом, огромная историография и наличие взаимоисключающих концепций показывают, что точка в споре между моно- и полицентрическими концепциями будет поставлена еще не скоро.

---

[1] А. Г. Малявкин, например, насчитал около пятидесяти названий племен, ассоциируемых китайскими источниками с конфедерацией теле [Малявкин 1983, с. 171].

Приложение

Ниже представлены разночтения по одним и тем же вопросам в работах С. Г. Кляшторного, показывающие эволюцию его взглядов, а в ряде случаев и не устраненные противоречия. Поскольку таблица составлена исключительно из цитат, все они даны без кавычек.

Проблемы	Развитие взглядов и разночтения
Язык гуннов	1. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя… можно предположить, что их основную массу составляли и там и тут прототюркские племена, язык которых был предком современного чувашского. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, …ираноязычных племен [Кляшторный 1989, с. 252]. 2. Хотя сами гунны не относились к числу «алтайских» этносов, внутри гуннской конфедерации преобладали племена, говорившие, по-видимому, на древнейших тюркских языках. <…> К настоящему времени… выявилось различие между «неалтайской»… принадлежностью ранних гуннов… и… позднегуннским сообществом, где преобладали «алтайские» этнические группы [История татар 2002, с. 123, 223; Кляшторный, Султанов 2004, с. 54, 91; Кляшторный, Савинов 2005, с. 43, 86; Кляшторный 2010, с. 138–139, 199]. 3. Самым знаменательным в сообщениях о Юэбань является упоминание об одинаковости языка населения этого государства, потомков «северных» гуннов, с языком гаогюйцев, т. е. с языком древних тюркских племен [История татар 2002, с. 140; Кляшторный, Султанов 2004, с. 78; Кляшторный, Савинов 2005, с. 37–38; Кляшторный 2010, с. 136]. 4. Во внутренние районы Китая началось переселение южных гуннов (преимущественно тюркские племена), сяньбийцев (прамонгольские племена), ди и цянов (тангуто-тибетские племена), цзе (одно из племен «малых юэчжей») [Кляшторный, Савинов 2005, с. 48; Кляшторный 2010, с. 146; ср. Кляшторный 1964, с. 106–107].
Самоназвание племен теле	1. В III–IV вв. уйгуры входили в объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название гаоцзюй (букв.: «высокие телеги»). В V в. в китайских источниках появляется новое название этого союза — теле (тегрег — «тележники») [История татар 2002, с. 243; Кляшторный, Султанов 2004, с. 89; Кляшторный, Савинов 2005, с. 111].

Проблемы	**Развитие взглядов и разночтения**
Самоназвание племен теле (*окончание*)	2. …многолюдные племена, которых китайцы именовали гаоцзюй, т. е. «высокие телеги», а монголоязычные жужане… называли их тегрег «тележники» (в китайской транскрипции теле). Сами себя они называли огурами/огузами [История татар 2002, с. 221–222; Кляшторный, Султанов 2004, с. 89; Кляшторный, Савинов 2005, с. 83; Кляшторный 2010, с. 194]. 3. Кто же были гаоцзюй, «высокие телеги», названные китайскими историографами не собственным именем…? К началу VII в. прозвище гаоцзюй в китайских хрониках было вытеснено другим прозвищем, теле… …слово теле является китайской транскрипцией древнемонгольского слова *tegreg, вошедшего и в тюркские языки, с первоначальным значением «обод, колесо», а также «телега, тележник». <…> Другие названия, дили, чиле и тиле, …это лишь иные варианты передачи слова теле/*tegreg [Кляшторный, Савинов 2005, с. 59; Кляшторный 2010, с. 162–163]. 4. …племенной союз, возглавляемый уйгурами, сам себя именовал токуз-огуз… И теперь позволительно сделать вывод — племенной союз гаоцзюй/теле имел самоназвание. Этим самоназванием оказалось имя огуз, происходившее… из имени героя-эпонима Огуз-кагана. Более архаичной формой имени огуз является слово огур. В такой форме оно сохранилось в особой группе древнетюркских языков, наследником которой является современный чувашский [Кляшторный, Савинов 2005, с. 60; Кляшторный 2010, с. 164–165]. 5. Скорее всего, название «тележники», очевидно очень древнее, не было их самоназванием и пришло в китайский литературный обиход из языка соседних с теле племен. <…> И вот, обратившись к тюркским руническим памятникам VIII в., мы наконец выясняем самоназвание теле и их центральноазиатской племенной группировки: в текстах они названы токуз огузами — «девятью огузами». Теперь возвращаясь к западным источникам… мы обнаруживаем там фонетически более архаичную форму того же имени — огур [Кляшторный 2005, с. 260–261; Кляшторный 2010, с. 174–175]. 6. Этими соседями <жуань-жуаней> были племена гаоцзюй (уйгуров). Их китайское название переводится как «высокие телеги». Гаоцзюй были лишь частью огромного племенного массива…, именовавшегося… теле. Слово это… является транскрипцией китайскими иероглифами тюрко-монгольского термина тегрег — «телега, тележник». Очевидно, оно попало к китайцам от тех соседей теле, которые сами не входили в эту степную конфедерацию… Позднее, в VI–VII вв., когда появились письменные тексты на тюркском языке, создатели этих текстов впервые письменно зафиксировали самоназвание тех племен… Этим самоназванием оказалось имя огуз… [История татар 2002, с. 182; Кляшторный, Султанов 2004, с. 147; ср. Кляшторный 1983, с. 86].

Проблемы	Развитие взглядов и разночтения
Значение огур/огуз	1. Племенной союз токуз-о[гуз] (букв. — девять О[гузов]), упоминаемый под этим названием в орхоно-енисейских надписях VIII в. Возник в нач[але] VII в. в составе Тюркского каганата; преобладающее положение в союзе занимали уйгуры… [Кляшторный 1967]. 2. В V в. в китайских источниках появляется новое название племенного союза, куда входили и уйгурские племена, — теле (тегрег — «тележники»). Их самоназвание было огузы (диалектальная форма — огуры). Значительная группа этих племен мигрировала на запад, в степи Юго-Восточной Европы и на Северный Кавказ, но большая часть осталась в Центральной Азии. В 605 г. … уйгурский вождь …увел часть племен в Северную Монголию, где они создали обособленную группу огузов, получившую в китайских источниках название «девять племен». В орхонских надписях они известны как токуз-огузы…, буквально — «девять огузов» [История Востока 1995, с. 155; ср. Восточный Туркестан 1992, с. 43; Кляшторный, Савинов, с. 111–112]. 3. Ведущее объединение империи состояло из двенадцати тюркских племен, возглавляемых династическим родом Ашина. Следующей по политической значимости была племенная группа токуз-огузов, т. е. «девять огузов» [племен] [History…, 1996, p. 336]. 4. Те племена теле, которые согласно смутной китайской информации, ушли в V в., к Западному морю, появились в Прикаспии и Причерноморье под своим собственным общим названием огур, но разделенные на многие племенные союзы… Произошел, казалось бы, окончательный раскол «тележников» на западную группу огурских племен…, и восточную группу огузских племен, где архаичная языковая норма огур сохранилась лишь в этнониме уйгур [Кляшторный 2005, с. 261; Кляшторный 2010, с. 175; ср. Кляшторный 1983, с. 86]. 5. Этим самоназванием <теле> оказалось имя огуз, происходившее… из имени героя-эпонима Огуз-кагана. Более архаичной формой имени огуз является слово огур [История татар 2002, с. 183; Кляшторный, Султанов 2004, с. 147; Кляшторный, Савинов 2005, с. 60; Кляшторный 2010, с. 164–165]. 6. Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени кывчак и его семантика… Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», …мифический предок уйгуров, дарует своим ближним бекам имена, ставшие по легенде эпонимами огузских племен [Кляшторный 1986, с. 161; История татар 2002, с. 338. Кляшторный, Султанов 2004, с. 129; Кляшторный, Савинов 2005, с. 133; Кляшторный 2010, с. 238].

Проблемы	**Развитие взглядов и разночтения**
Кыпчаки = половцы?	1. Окончилась история сиров. Началась история кипчаков, одного из племен Кимакского каганата [Кляшторный 1986, с. 162].
	2. Окончилась история сиров. Началась история кипчаков. Вначале одного из племен Кимакского каганата, а впоследствии — главенствующего племенного союза в огромном объединении кочевых племен Великой Степи [История татар 2002, с. 338; Кляшторный, Султанов 2004, с. 129; Кляшторный, Савинов 2005, с. 134; Кляшторный 2010, с. 238].
	2.1. …прямых предков казахского народа [Кляшторный, Султанов 1992, с. 127].
	3. Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле… продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен — шары и басмылами. …обе группировки продвинулись далее на запад… Контакт с кыпчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы: куны-команы и шары-половцы. <…> Такова возможная реконструкция азиатского контекста половецкой истории, и, как мне представляется, этот контекст мало связан с историей сиров-кыпчаков [История татар 2002, с. 346; Кляшторный, Султанов 2004, с. 138; Кляшторный, Савинов 2005, с. 142].
	3.1. …мало связан с историей собственно кыпчаков, именовавшихся до середины XIII в. (скорее всего, опечатка — А. С.) сирами [Кляшторный 2007, с. 114].
	4. Четыре основные (т. е. не происходящие одна от другой — А. С.) древнетюркские группировки племен: тюрки, кыргызы, кыпчаки и теле (огузы) [История татар 2002, с. 224; Кляшторный, Султанов 2004, с. 92; Кляшторный, Савинов 2005, с. 87; Кляшторный 2010, с. 198–199].
	5. Монгольское нашествие… вовлекло в водоворот политических… потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые… составляли основное население степи — от Великой Китайской стены до Дуная [История татар 2002, с. 14; Кляшторный, Султанов 2004, с. 9].

Список сокращений

ТС — Тюркологический сборник
СТ — Советская тюркология

Библиография

1. Агаджанов 1969: *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

2. Аристов 1897: *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. СПб., 1897.

3. Артамонов 1937: *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

4. Артамонов 1962: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

5. Ашмарин 2000 (1902): *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваши. Изд. 2-е, репринт. Чебоксары, 2000; Изд 1-е — Казань, 1902.

6. Бартольд 1968: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. М., 1968.

7. Баскаков 1960: *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960.

8. Бернштам 1947а: *Бернштам А. Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография, 1947. № VI–VII, с. 148–158.

9. Бернштам 1947б: *Бернштам А. Н.* Проблемы истории Восточного Туркестана // Вестник древней истории, 1947. № 2, с. 52–71.

10. Бернштам 1951: *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

11. Бичурин 1950: *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950.

12. Вайнберг 1999: *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. М., 1999.

13. Восточный Туркестан 1992: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.

14. Гадло 1979: *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.

15. Гадло 2004: *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004.

16. Голден 2005: *Голден П. Б.* Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). М.–Иерусалим, 2005. С. 27–68.

17. Грумм-Гржимайло 1926: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.

18. Гумилев 1965: *Гумилев Л. Н.* Соседи хазар // Страны и народы Востока. Вып. IV. М., 1965. С. 127–142.

19. Гумилев 1967: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.

20. Джафаров 1980: *Джафаров Ю. Р.* Оногуры византийских авторов и хайландуры Елишэ // Византийский временник. Т. 41. 1980. С. 153–162.

21. Европеус 1868: *Европеус Д.* К вопросу о народах, обитавших в нынешней России до поселения в ней славян // Журнал Министерства народного просвещения. № 7. 1868. С. 56–81.

22. Егоров 2009: *Егоров Н. И.* К проблеме этноязыковой идентификации центральноазиатских огуров (ухуань) // Научная и духовно-миссионерская деятельность Н. Я. Бичурина: история и современное значение. Чебоксары, 2009. С. 118–161.

23. Иностранцев 1926: *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны. Л., 1926.

24. История Востока 1995: История Востока. Т. 2.: Восток в средние века. М., 1995.

25. История татар 2002: История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. I. Казань, 2002.

26. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

27. Кляшторный 1967: *Кляшторный С. Г.* Огузы // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. Нахижон– Пергам. М., 1967.

28. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись // СТ. № 3, 1980. С. 82–85.

29. Кляшторный 1983: *Кляшторный С. Г.* Тэсинская стела // СТ. № 6, 1983. С. 73–90.

30. Кляшторный 1986: *Кляшторный С. Г.* Кипчаки в рунических памятниках // ТС. Л., 1986, С. 153–164.

31. Кляшторный 1987: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // СТ. № 3, 1987. С. 58–62.

32. Кляшторный 1989: *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на Востоке // История Древнего мира. Кн. 3. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1989. С. 243–254.

33. Кляшторный, Султанов 1992: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

34. Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

35. Кляшторный 2005: *Кляшторный С. Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). М.–Иерусалим, 2005. С. 259–265.

36. Кляшторный 2007: *Кляшторный С. Г.* Кипчаки, команы, половцы // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2007. С. 109–114.

37. Кляшторный 2009: *Кляшторный С. Г.* Имперская традиция в древнетюркской цивилизации // Научный Татарстан. № 1, 2009. С. 59–63.

38. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.

39. Кляшторный, Савинов 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

40. Кляшторный, Султанов 2004: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2004.

41. Комар, 2013: *Комар А. В.* Хазарская дилемма: тюрки или теле // ТС. 2011–2012. М., 2013. С. 171–203.

42. Кононов 1958: *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. М.–Л., 1958.

43. Кормушин 2011: *Кормушин И. В.* Заметки о соотносительных терминах «народ türk» и «язык türk» в древнетюркских текстах // Российская тюркология. № 2. 2011. С. 8–11.

44. Максуди 2002 (1947): *Максуди С. А.* Тюркская история и право. Казань, 2002; Изд. 1-е (на тур. яз.). Стамбул, 1947.

45. Малявкин 1983: *Малявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.

46. Менгес 1979: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979.

47. Новосельцев 1990: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

48. Потапов 1966: *Потапов Л. П.* Этноним теле и алтайцы // ТС. М., 1966. С. 233–240.

49. Радлов 1893: *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.

50. Рафиков 1952: *Рафиков А. Х.* [Рец. на:] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов // Вопросы истории. № 5, 1952. С. 126–131.

51. Салмин 2011: *Салмин А. К.* Угорская страница в истории предков чувашей // Сибирский сборник–3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 218–227.

52. Семенов 2013: *Семенов И. Г.* Основные этапы миграций огурских племен в Юго-Восточную Европу // ТС. 2011–2012. М., 2013. С. 333–351.

53. Смирнов 1951: *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951.

54. Смирнов, Корнилов 1971: *Смирнов А. П., Корнилов Г. Е.* [Рец. на:] Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Поволжья… // История и культура Чувашской АССР: сб. статей ЧНИИ. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 481–517.

55. Толстов 1948: *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948.

56. Федоров Я., Федоров Г. 1978: *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.

57. Хауссиг 1977: *Хауссиг Г. В.* К вопросу о происхождении гуннов // Византийский временник. Т. 38. 1977. С. 59–71.

58. Языки мира 1996: Языки мира: Тюркские языки. М., 1996.

59. Deguignes 1756: *Deguignes.* Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tatares occidentaux… T. I, seconde partie. Paris, 1756.

60. Dunlop 1954: *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

61. Golden 1980: *Golden P. B.* Khazar Studies Vol. 1. Budapest, 1980.

62. Golden 2006: *Golden P. B.* Cumanica V: Basmils and Qipchaqs // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Bd. 15. 2006/07. P. 13–42.

63. Grousset 2001 (1939): *Grousset R.* L'Empire des steppes. 6e éd. Paris, 2001; 1e éd. Paris, 1939.

64. Klaproth 1826: *Klaproth J.* Tableaux historiques de l'Asie. Paris, Londres, Stuttgart, 1826.

65. History…, 1996: History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750. Paris, 1996.

66. Maenchen-Helfen 1973: *Maenchen-Helfen O.* The World of the Huns. Los Angeles, 1973.

67. Marquart 1903: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

68. Moravcsik 1958: *Moravcsik Dy.* Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin, 1958.

69. Munkácsi 1896: *Munkácsi B.* Ursprung des Volksnamens ‚Ugor' // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. V. 1896, S. 7–10, 89–92.

70. Róna-Tas 1999: *Róna-Tas A*. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. Budapest, 1999.

Andrey S. Saraev

THE CONTROVERSY ON THE ORIGIN OF THE EARLY TURKIC–SPEAKING PEOPLES AND S. G. KLYASHTORNY'S CONTRIBUTION TO IT

Abstract: *The origin of the Turkic-speaking peoples of the early Middle Ages is an important topic of S. G. Klyashtorny's works. He supported the monocentric concept, the followers of which believe that once there existed a «proto ethnos» of nearly all Turkic peoples named «ogurs». Those ogurs who migrated toward the west became Bulgarians and Khazars. The eastern ogurs under the name of «oguz» formed different Uyghur tribes. Klyashtorny also considered the Middle East Oguz and Qipčaqs/Polovtsians as the descendants of the last. However, a considerable number of researchers follow the other concept — polycentric. This concept regards Western and Eastern Turkic peoples as two different branches without any direct genetic link. Moreover, for the followers of the polycentric concept the validity of the key term «ogur» is in question.*

Keywords: *Klyashtorny, Radloff, Munkácsi, Bernshtam, Maksudi, Ogur/Oguz problem.*

В. В. Тишин

РАБОТЫ С. Г. КЛЯШТОРНОГО И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI–VIII ВВ.

Аннотация: *В статье рассматриваются некоторые вопросы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв. и древнетюркской эпохи VI–IX вв. в целом, нашедшие отражение в работах Сергея Григорьевича Кляшторного. Особое внимание уделено трансформации взглядов советского/российского исследователя на особенности процессов социогенеза и политогенеза у древних кочевников Центральной Азии.*

Ключевые слова: *Сергей Григорьевич Кляшторный, древние тюрки, Тюркский каганат, социальная история, историография, памятники древнетюркской рунической письменности, номадизм*

Многолетняя научная деятельность Сергея Григорьевича Кляшторного, крупнейшего исследователя памятников древнетюркской рунической письменности, охватила различные сферы жизни древних тюрков VI–X вв. Не стала исключением и социальная проблематика в работах российского тюрколога. В ряде своих работ он проследил особенности социально-политической организации и социальной структуры Тюркского каганата и древнетюркских политических образований вообще. Хотя к ней ученый специально обратился лишь раз, в нескольких статьях середины — второй половины 80-х гг. XX в., отдельные замечания социологического характера высказывались им и в более ранних работах.

В рамках данной статьи едва ли есть возможность дать полный обзор исследований С. Г. Кляшторного, касающийся социальной проблематики истории древних тюрков VI–X вв., что, к тому же, отчасти уже было сделано П. К. Дашковским [Васютин, Дашковский 2009, с. 237–239, 248–257], поэтому мы остановимся на наиболее значимых, по нашему мнению, моментах.

Приступая к источниковедческим изысканиям над памятниками древнетюркской рунической письменности в 50-е гг. XX в., ученый в понимании социальных явлений и процессов в древнетюркской истории следовал курсу, заданному работами, прежде всего, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, С. В. Киселева и Л. П. Потапова, подводя итоги которым С. Г. Кляшторный позже писал: «Советские… <…> исследователи сумели убедительно показать, что история тюркского и уйгурского каганатов — это прежде всего история перерастания военно-демократического и примитивно-рабовладельческого укладов в систему раннефеодальных отношений; что эти процессы происходили в неразрывной связи с социально-экономическим

развитием оседло-земледельческих центров Средней Азии и Китая; что и в степи, и в оазисах шла ожесточенная классовая борьба» [Кляшторный 1964, с. 13. Ср.: Кляшторный, Ромодин 1970, с. 154], «при этом каждое из вновь возникавших государств не повторяло в деталях путь своих предшественников, а как бы использовало их социальный опыт, следствием чего было постепенное, хотя и неравномерное развитие классовых обществ» [Итс, Кляшторный 1965, с. 159].

В своих работах, начиная с 60-х гг. XX в. С. Г. Кляшторный придерживался точки зрения о раннефеодальном характере древнетюркского общества, не изменяя его в целом и впоследствии. Толкуя социальные процессы в рамках марксистской парадигмы (расширение территории Тюркского каганата, борьба за Шелковый путь как источник обогащения верхушки, последовавшая перестройка общества, социальные противоречия и т. д.) [Кляшторный 1964, с. 21, 116–119; Кляшторный 2003а, с. 94, 162–163; Кляшторный 1973, с. 255], он, по-видимому, во многом следовал традиционной линии советской историографии [См.: Толстов 1938, с. 18–22; Толстов 1948, с. 265–268; История СССР 1939, с. 90, 96; Бернштам 1946]. Интересно, что С. Г. Кляшторный категорически выступал против трактовки древнетюркского общества как военно-демократического [Итс, Кляшторный 1965, с. 160]. Тем не менее, интерпретации социальных процессов в этом духе сохранялись и в последующих работах ученого [Кляшторный, Колесников 1988, с. 27–28; Восточный Туркестан 1992, с. 126; Кляшторный, Султанов 1992, с. 86; Кляшторный, Султанов 2000, с. 83–84; Кляшторный, Савинов 2005, с. 90–91; Кляшторный 2003а, с. 94, 429–430][1]. Отчасти искусственность некоторых таких суждений отмечалась оппонентами, ориентировавшимися на другие методологические установки [см., напр.: Кляшторный 1964, с. 26–27; Кляшторный 2003а, с. 99–101; Юдин 2001, с. 285, 286].

В дальнейшем, однако, С. Г. Кляшторный прямо поставил проблему реконструкции по древнетюркским руническим памятникам социального строя Тюркского каганата [Кляшторный 1980, с. 322], охарактеризованного им как «раннесредневековое государство», говоря о важности его

[1] П. К. Дашковским все приведенные взгляды С. Г. Кляшторного отнесены к периоду середины 1990-х — начала 2000-х гг. [Васютин, Дашковский 2009, с. 248–249], но, поскольку им рассматривается лишь второе издание монографии о памятниках древнетюркской рунической письменности [Кляшторный 2003а] и, к тому же, в ряду современных исследований, не вызывает удивления заключение, что во взглядах С. Г. Кляшторного «еще прослеживается влияние классового подхода» [Васютин, Дашковский 2009, с. 248, 249].

исследования не только как «этапа развития местной цивилизации, но и как типичной структуры “кочевой империи”» [Кляшторный 1980, с. 324].

Вместе с тем уже в начале 70-х гг. XX в. С. Г. Кляшторный приступил к специальному изучению социальных отношений древних тюрков VI–IX вв. Он быстро оценил важность работ ленинградского археолога А. Д. Грача [Грач 1966] для понимания специфики социальных процессов у кочевников Центральной Азии, тесно и непосредственно связанных с процессами этногенетическими, хотя тогда он еще не смог отойти от традиционных марксистских установок [Кляшторный 1973, с. 255].

Примечательно, что С. Г. Кляшторный всегда оставался в рамках основного предмета своих исследований — памятников древнетюркской рунической письменности — и все свои выводы основывал, прежде всего, на их данных, а не абстрактных марксистских постулатах.

Так, при рассмотрении земельных отношений в Тюркском каганате С. Г. Кляшторный, хотя и писал в традиционном для эпохи духе о праве знати распоряжаться пастбищными территориями, тем не менее осторожно высказался, что «вряд ли возможен сейчас более определенный ответ на вопрос, являлось ли это право реализацией феодальной (патриархально-феодальной) собственности на землю или было лишь эмбриональной формой феодальных отношений в многоукладном раннеклассовом обществе» [Кляшторный 1979а, с. 101]. Он, однако, показал, что, судя по руническим текстам, у древнетюркских кочевников было хорошо развито понятие племенной территории («собственной земли»), ограниченной как географически, так и политически, ведь земли покоренных народов, включенных в тюркский эль, имели иной политический статус [Кляшторный 1979а, с. 98–99]. «Посетительские» надписи Монголии, типа Хэнтэйской, С. Г. Кляшторный был склонен рассматривать как своеобразные письменные юридические «документы», фиксирующие преимущественное право пользованием окрестными пастбищами в периоды весенних и зимних перекочевок [Кляшторный 1978, с. 158; Кляшторный 2003, с. 277], притом что письмо, которым они сделаны, не носило элитарного характера и использовалось представителями различных социальных групп древнетюркского общества [Кляшторный 1979б, с. 597–598].

В дальнейшем в ряде своих публикаций, хотя и сохраняя тезис о раннеклассовом характере древнетюркских государственных образований VI–X вв., С. Г. Кляшторный отмечал такую их особенность как сохранение архаичной социальной структуры. В ряде статей, вышедших в 80-е гг. XX в. С. Г. Кляшторный представил опыт исследования социальной организации и социальной структуры Тюркского каганата [Васютин, Дашковский 2009, с. 237–238]. Отмечая тесное сочетание в основе устройства Тюркского кага-

ната военно-административной и родоплеменной организации, отраженной в трехстороннем противостоянии кагана, бегов и народа (*бодун*), С. Г. Кляшторный продолжал разработку выводов А. Н. Бернштама [Бернштам 1946, с. 110, 111, 130–136, 137, 139, 146, 182]. С. Г. Кляшторный отмечал, что зафиксированные в памятниках древнетюркской письменности оппозиции кагана и бегов с одной стороны, и всех их, как знати, простому народу, с другой, «не стали в архаичных государствах древнетюркской эпохи зрелыми классовыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры» [Кляшторный 1983, с. 30–31; Кляшторный 1984, с. 145–147; Кляшторный 1986, с. 320–321; Кляшторный, Султанов 1992, с. 140–141; Кляшторный, Султанов 2000, с. 141, 142; Кляшторный, Савинов 2005, с. 151–152; Kljaštornyj 2000, p. 153–155, 172; см. также: Кляшторный 2003а, с. 471].

С. Г. Кляшторный подробно рассмотрел функции кагана, установив, что среди прочих главной из них было именно «собирание» и «устроение» народа на подвластной кагану земле, т. е. создание политической организации, системы подчинения [Кляшторный 2004[1], с. 101; Кляшторный 2003а, с. 243–244; Кляшторный 1979а, с. 99–100, 100–101. Ср.: Кляшторный 2003б, с. 119]. Каган мог считаться верховным собственником земли, но владения определялись им при поддержке знати [Кляшторный 1979а, с. 100].

В то же время С. Г. Кляшторный выделял высокую горизонтальную и социальную мобильность в древнетюркском обществе, где основную массу составляло свободное население — общинники *эры* [Васютин, Дашковский, 2009, с. 238]. Несомненно, будучи знаком с работами Л. Базена, первым обратившего внимание на возможность существования возрастных групп в древнетюркских обществах [Bazin 1974, p. 129], С. Г. Кляшторный сумел развить предположения французского коллеги.

В работах С. Г. Кляшторного нашел место и наиболее тщательный анализ проблем эксплуатации и форм социальной зависимости в древнетюркских обществах, об этом уже писалось [Тишин 2014, с. 98, 102, прим. 8]. Отметим лишь в очередной раз тот факт, что С. Г. Кляшторный четко показал, что как личные, так и коллективные формы социальной зависимости у древних тюрков были определены самим характером кочевого хозяйства и воспринимались в сознании кочевников одинаково, при этом личная зависимость не выходила за пределы т. н. домашнего рабства, где использовался, в основном, труд женщин.

---

[1] Первое издание статьи в 1977 г.

Именно выводы С. Г. Кляшторного могут справедливо считаться отправной точкой для всех последующих исследований в российской историографии.

В конце 80-х гг. XX в. на основе более ранних разработок С. Г. Кляшторный представил свою «общую концепцию этнической истории древнетюркских племен», где изложил свое видение ранних этапов тюркского этно- и глоттогенеза в общем контексте социально-политической истории Центральной Азии. Он попытался показать общую картину, как в течение длительного исторического периода неустойчивые племенные группировки, имевшие надэтническую основу, создавали эфемерные объединения под властью одного из них, создававшей своеобразную династию, но не выпадавшей из системы племенных единиц [Кляшторный, Султанов 1992, с. 80–85; Кляшторный, Султанов 2000, с. 78–82; Кляшторный, Савинов 2005, с. 85–89; Kljaštornyj 2000, p. 146–149]. Однако, именно попытка выделить здесь определенные этапы с характеризующими признаками их социально-политической организации позволяют видеть сохранение во взглядах влияния формационного подхода [Васютин, Дашковский, 2009, с. 249].

С одним из таких этапов — «этапом архаичных империй», соответствующим, согласно С. Г. Кляшторному, раннему средневековью — связан древнетюркский период истории Центральной Азии (VI–X вв.), начинающийся именно с момента создания Тюркского каганата, в котором нашли воплощение единые для всех кочевников Центральной Азии элементы политической культуры [Кляшторный 2003б, с. 119]. По мнению С. Г. Кляшторного, «тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы» [Восточный Туркестан 1992, с. 131; Кляшторный, Султанов 1993, с. 88; Кляшторный, Султанов 2000, с. 85–86; Кляшторный, Савинов 2005, с. 92; Кляшторный 2003а, с. 434].

В свое понимание *империи* С. Г. Кляшторный вкладывал следующее значение: «*полиэтнические образования*, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи», при этом при их создании «завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом». Завоевание происходило в два этапа: вначале идет объединение степных племен под властью одной династии и одного племени, после чего эти силы направляются на то, чтобы поставить в зависимость от себя «области и государства с более сложным устройством и более многообразной

хозяйственной деятельностью», что приводит к установлению даннической зависимости или иных форм политического подчинения. «Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи» [Васильев, Горелик, Кляшторный 1993, с. 33 сл.; Кляшторный, Савинов 2005, с. 9–10; Кляшторный 2003б, с. 122].

С расширением методологической базы С. Г. Кляшторный сформулировал также собственный взгляд на механизмы политогенеза у кочевников Центральной Азии. Попытки коллег усмотреть во взглядах С. Г. Кляшторного мнение о внешнем факторе развития государственности [Васютин, Дашковский, 2009 с. 255] требуют некоторых оговорок.

В ряде работ советского периода склоняясь к пониманию уровня социально-политического развития кочевнических обществ как раннеклассового, в разделе для сводной работы «История древнего мира», посвященном хуннской державе, С. Г. Кляшторный охарактеризовал политическое образование хуннов как «примитивное государство» [История древнего мира 1989, с. 246]. В публикации 1993 г. С. Г. Кляшторный прямо указал, что разделяет выводы Е. И. Кычанова о раннегосударственном характере кочевнических политических объединений [Кляшторный 1993, с. 140, прим. 1]. На лекции, прочитанной 24 марта 1998 г. в Казани, С. Г. Кляшторный выступил с мнением о внешних факторах формирования государства у кочевников на примере хуннов [Ахсанов 1999, с. 25–26], а в монографии 2005 г. он, в целом оставаясь на прежних позициях, опять же на примере хуннов отказался от самостоятельного решения проблемы общественного строя и движущих сил развития государственности у кочевников, приведя две полярные точки зрения (Т. Дж. Барфилда и Е. И. Кычанова) [Кляшторный, Савинов 2005, с. 29–30]. Однако в статье 2003 г., характеризуя объединение хуннов, он писал: «Последним, хотя бы предельно схематично, как относительно простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной социальной антропологии термином “вождество”, трансформировались в то состояние, которое мы обозначаем термином “раннее государство”, а применительно к обозначенным месту и времени — термином “архаичная империя”, объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств» [Кляшторный 2003б, с. 115]. Уже в публикации 2009 г. ученый отметил важную роль в сложении кочевнической государственности внутренних факторов, таких как возрастающая абсолютизация ханской власти, основанная на идеологии о божественных функциях кагана, развитии военизированной структуры административной и политической организации кочевнических объединений [Кляшторный 2009].

На пленарном заседании Ежегодной научной сессии ИВР РАН «Письменное наследие востока как основа классического востоковедения. К 195-летию (1818–2013) Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН» 04.12.2013 С. Г. Кляшторный, вновь повторив свои взгляды в докладе «Становление тюркской государственности и миграционные процессы в степной Евразии», отметил, что в этот период («этап архаичных империй») в отношениях кочевых империй и оседло-земледельческих государств основную роль играли именно основанные на силе кочевнических политических образований вымогательские и даннические отношения, нежели мирные отношения пограничной торговли и обмена. В последовавшем обсуждении доклада, отвечая на наш вопрос, когда мы попросили ученого конкретизировать свою позицию, С. Г. Кляшторный особенно подчеркнул формулировку «на определенном этапе». Это была наша последняя встреча.

Всю жизнь посвятив изучению памятников древнетюркской рунической письменности, уникального источника, созданного кочевническим народом и не имеющего аналогов в истории Степи, С. Г. Кляшторный пришел к мнению о возможности говорить об особой «древнетюркской цивилизации» с присущими ей признаками материальной и духовной культуры (прежде всего, собственная письменность), а также формами социальной и политической организации [Кляшторный 1987; Кляшторный 2003а, с. 490–496; Kljaštornyj 2000, p. 160–170]. И именно исходя из этих соображений сегодня видится наиболее продуктивным строить методологию исследования социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.

Библиография:

1. Ахсанов 1999: *Ахсанов К. Г.* Проблема становления государственности тюрок-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 1999.

2. Бернштам 1946: *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946.

3. Васильев, Горелик, Кляшторный 1993: *Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г.* Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды: Мат-лы научн. конф. Казань, 1993. С. 33–44.

4. Васютин, Дашковский 2009: *Васютин С. А., Дашковский П. К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009.

5. Восточный Туркестан 1992: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.

6. Грач 1966: *Грач А. Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 188–193.

7. История древнего мира 1989: История древнего мира. Изд. 3-е, испр. и доп. Кн. III. Упадок древних обществ. М., 1989.

8. История СССР 1939: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. III–IV. История СССР в период крушения рабовладельческого строя и возникновения феодализма. М.; Л., 1939.

9. Итс, Кляшторный 1965: *Итс Р. Ф., Кляшторный С. Г.* [Рец. на] «История Тувы». М. «Наука». 1964. Тираж 8 000. Т. I. 401 стр. Цена 1 руб. 67 коп.; Т. II. 455 стр. Цена 1 руб. 76 коп. // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 159–163.

10. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

11. Кляшторный 1973: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П. М. Мелиоранского. М., 1973. С. 254–264.

12. Кляшторный 1978: *Кляшторный С. Г.* Наскальные рунические надписи Монголии (Тэс, Гурвалжин-Ула, Хангита-хат, Хэнтэй) // Тюркологический сборник. 1975. Памяти С. Е. Малова. М., 1978. С. 151–158.

13. Кляшторный 1979а: *Кляшторный С. Г.* О собственности на землю в тюркском каганате // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдовские чтения 1975 г. М., 1979. С. 97–101.

14. Кляшторный 1979б: *Кляшторный С. Г.* Эпиграфические работы в Монголии // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 597–598.

15. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Современные проблемы исследования памятников древнетюркской письменности // Проблемы современной тюркологии: Мат-лы II Всесоюзн. Тюркол. конф. 27–29 сентября 1976. Алма-Ата, 1980. С. 318–324.

16. Кляшторный 1983: *Кляшторный С. Г.* Социальные категории древнетюркского общества в памятниках рунической письменности Киргизии // Культура и искусство Киргизии: тез. докл. Всесоюзн. науч. конф. 3–6 июня 1983 г. Вып. 2. Л., 1983. С. 30–31.

17. Кляшторный 1984: *Кляшторный С. Г.* Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Востоковедение. 9. Филологические исследования. Ученые записки ЛГУ. № 412. Сер. востоковедческих наук. 1984. Вып. 25. С. 143–153.

18. Кляшторный 1986: *Кляшторный С. Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.) // Рабство в странах Востока в Средние века. М., 1986. С. 312–339.

19. Кляшторный 1987: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // Советская тюркология. 1987. № 3. С. 58–62

20. Кляшторный 1993: *Кляшторный С. Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 139–147.

21. Кляшторный 2003а: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

22. Кляшторный 2003б: *Кляшторный С. Г.* Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызстанской государственности. Документы, исследования, материалы. Бишкек, 2003. С. 115–125.

23. Кляшторный 2004: *Кляшторный С. Г.* Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 100–103.

24. Кляшторный 2009: *Кляшторный С. Г.* Имперская традиция в древнетюркской цивилизации // Научный Татарстан. 2009. № 1. С. 59–63.

25. Кляшторный, Колесников 1988: *Кляшторный С. Г., Колесников А. А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1988.

26. Кляшторный, Ромодин 1970: *Кляшторный С. Г., Ромодин В. А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970. С. 148–162.

27. Кляшторный, Султанов 1992: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

28. Кляшторный, Султанов 2000: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

29. Кляшторный, Савинов 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

30. Тишин 2014: *Тишин В. В.* К проблеме форм эксплуатации и социальной зависимости в древнетюркской среде VI–XI вв.: историографический аспект // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 93–107.

31. Толстов 1938: *Толстов С. П.* Тирания Абруя (Из истории классовой борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI в. н. э.) // Исторические записки. 1938. Вып. III. С. 3–53.

32. Толстов 1948: *Толстов С. П.* Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

33. Юдин 2001: *Юдин В. П.* Рецензия на «Древнетюркские рунические памятники…» С. Г. Кляшторного // *Юдин В. П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 271–285.

34. Bazin 1974: *Bazin L.* Les calendriers turcs anciens et medievaux. Lille, 1974.

35. Kljaštornyj 2000: *Kljaštornyj S. G.* Les Points Litigieux dans l'Histoire des Turcs Anciens // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period. Berlin, 2000. P. 146–176.

Vladimir V. Tishin

THE WORKS OF S. G. KLYASHTORNY AND SOME QUESTIONS OF THE SOCIAL HISTORY OF THE TÜRK QAGHANATE OF 6TH–8TH CENTURIES

Abstract: *The article deals with the attempt to overview the research of some problems of the social history of the Türk Qaghanate of 6th–8th centuries and the Ancient Türkic period (6th–9th centuries) on the whole discussed in works of Sergey Grigoryevich Klyashtornyi. Particular attention is paid to the transformation of the Soviet/Russian researcher's views on the features of the sociogenetic and politogenetic processes of the early nomads of Inner Asia.*

Keywords: *Sergey Grigoryevich Klyashtorny, Early Türks, Türk Qaghanate, social history, historiography, monuments of Old Türkic runic writing, nomadism*

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

И. Ф. Попова

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ: ЖИЗНЬ В НАУКЕ

Сергей Григорьевич Кляшторный, выдающийся российский ученый-востоковед, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, почетный профессор многих зарубежных университетов. Работая в Российской Академии наук, он всю свою жизнь отдал российской науке и до конца жизни продолжал заниматься любимым делом. Пройдя путь от научно-технического сотрудника до заведующего Сектором, он проработал в этой должности 30 лет. С. Г. Кляшторный внес неоценимый вклад в изучение истории и культуры тюркских народов Центральной Азии. В течение девятнадцати лет был главой российско-монгольских экспедиционных научных отрядов в Монголии. За выдающиеся научные заслуги получил ряд наград, в том числе правительственные от иностранных государств. Награжден Золотой медалью Международной алтаистической конференции, являлся почетным доктором Института истории Монголии.

Его труды являются эталоном российского классического востоковедения.

С каждым годом его уход будет ощутимей, так как образовалась лакуна в изучении тюркской истории, языка, культуры. С именем С. Г. Кляшторного связано полвека ленинградского востоковедения, с его талантом ушла целая эпоха изучения тюрок. Большого ученого отличала бесконечная эрудиция и глубина осознания внутренних связей событий и лиц. Он был знаток, умудренный опытом и жизнью, не только большой ученый, но и прекрасный человек.

А. В. Витол

«КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ» ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ С. Г. КЛЯШТОРНОГО В 1950–1964 ГГ.

Почему из многолетней научной биографии С. Г. Кляшторного мы выбрали указанные годы? Дело в том, что Сергей Григорьевич в 1950 г. окончил Восточный факультет ЛГУ, а затем, после преодоления ряда препятствий, стал работать в Ленинградском филиале ИВ (научный сотрудник с 1958 г.). Обратим особое внимание на 1963 год: весной Сергей Григорьевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнетюркские рунические памятни-

ки как источник для истории Средней Азии». В автореферате он указывал, что статьи по теме диссертации начали публиковаться ещё с 1951 г. Всего по теме исследования было опубликовано 8 статей, что создавало серьезное основание для успешного завершения «защитного» процесса.

В этом же, 1963 г. Сергей Григорьевич начал свою деятельность в качестве заведующего Кабинетом тюркологии и монголистики (в дальнейшем — Сектор). О многолетней работе Сергея Григорьевича на этом посту сегодня много говорят и дают высокую оценку его усилиям по поддержанию и развитию отечественной тюркологии и монголистики (недаром день смерти Сергея Григорьевича называют «трагическим событием» для тюркологии).

Диссертация Сергея Григорьевича в следующем, 1964 г. была существенно дополнена монографией, носившей то же название, что автореферат. Без преувеличения можно сказать, что она стала настольной книгой для отечественных ученых разных исторических, филологических и других специальностей. Такие книги называют «Библией» с добавлением названия научного направления.

В указанные годы Сергей Григорьевич предпринял колоссальные усилия для научной разработки одного из наименее исследованных разделов всемирной истории. Если внимание европейской историографии порой исчерпывалось несколькими «катастрофическими вторжениями в страны Передней Азии, Восточной и Центральной Европы», то по мере накапливания (с конца XVII — начала XVIII в.) сообщений о рунообразных надписях в верховьях р. Орхон (т. е. в Северной Монголии), а затем и в других регионах, позволило осознать, что роль народов, населяющих глубинные области Азиатского материка, была более велика и многообразна, чем представлялось ранее.

В 1892–1903 гг. в столице Российской империи было осуществлено издание фундаментальных трудов, обобщивших результаты исследования орхоно-енисейской письменности. После некоторого снижения интереса к изучению орхоно-енисейской письменности в середине первого десятилетия XX в., в 1930–1950 гг. наступил новый подъем, связанный с обобщающими трудами С. Е. Малова, опубликованными в 1951–1959 гг.

А дальше с неизбежностью следует говорить о трудах С. Г. Кляшторного. Четыре главы его диссертации — «Эпоха рунических памятников», «Древнетюркские рунические памятники», «Согдийцы и тюрки», «Восточно-тюркский каганат и Средняя Азия» — определили магистральные направления исследований на долгие годы, послужили ориентиром для его учеников и последователей.

И. К. Загидуллин

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ И КОНЦЕПЦИЯ СЕМИТОМНОЙ «ИСТОРИИ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»

Перемены в политической жизни России последних двух десятилетий выразились в трансформации сложившихся точек зрения и стереотипов на многие вопросы тюрко-татарской истории. Одна из главных причин формирования «нового взгляда» на средневековую тюрко-татарскую историю была обусловлена общественно-политическим фактором. После падения коммунистического режима исчезли идеологические «клише», не позволявшие ранее объективно излагать научную информацию. Появление на политической карте мира после распада СССР новых государственных образований тюркских народов активизировало деятельность историков этих стран по определению места своих народов в мировом сообществе.

Школой в изучении средневековой истории татар и основой переосмысления исторического прошлого татарского народа стал проект по написанию фундаментальной семитомной «Истории татар с древнейших времен».

Важно отметить, что последние обобщающие работы по истории татарской республики были написаны в 1950–1960-е гг. За последние полвека шла разработка отдельных тем, сюжетов в условиях запрета изучения целых исторических эпох. Из обобщающих работ по «Истории ТАССР» практически выпадали древнетюркский и золотоордынский периоды; изложение истории Волжской Булгарии и Казанского ханства строилось на классовом подходе и изолированно от соседних тюркских народов и тюрко-татарских государственных образований.

Поэтому новым явлением в освещении и осмыслении древней истории современных татар стал первый том «Народы степной Евразии в древности» (Казань, 2002), научным руководителем которого был приглашен известный ученый-востоковед, зав. Сектором тюркологии и монголистики тогдашнего Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН С. Г. Кляшторный. С целью обсуждения узловых научных проблем тома и координации деятельности участников проекта отделом средневековой истории были проведены: всероссийский семинар «Место Поволжья и Приуралья в истории степей Евразии (1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э.)» (2000 г.) и всероссийская конференция «Древнетюркский мир: история и традиции» (2001 г.).

В данном коллективном труде впервые древняя и средневековая история татар предстала как часть истории Евразии и стала восприниматься

как история евразийского масштаба, что самым существенным образом повлияло на векторы направлений последующих археологических изысканий казанских историков, способствовало географическому расширению научных контактов, переходу археологических раскопок из Татарстана в соседние регионы. Первый том «Истории татар с древнейших времен» подготовил научную основу учредительного съезда Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей в Казани (2007 г.) и современных международных проектов Института истории им. Ш. Марджани: «Идель-Алтай: истоки мировых цивилизаций» и «Булгарский форум».

А. А. Колесников

О ВКЛАДЕ С. Г. КЛЯШТОРНОГО В ВОЗРОЖДЕНИЕ ВОЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Зарождение и становление военного востоковедения в России приходится на вторую половину XIX в. Славная когорта генералов и офицеров Генерального штаба Российской Империи, получившая востоковедное образование в Санкт-Петербурге, Ташкенте, Тифлисе, Омске и Владивостоке, своими географическими, этнографическими и археологическими открытиями внесла существенный вклад в изучение стран Азии и Африки. К сожалению, завеса секретности, окутавшая деятельность русской военной разведки в конце XIX — начале XX вв., и особенно в советский период, не позволила открыто говорить о специфической для России отрасли — военном востоковедении.

Примечательно, что стараниями ряда отечественных востоковедов и, в первую очередь С. Г. Кляшторного, еще в середине 70-х годов прошлого столетия было обращено внимание высоких государственных инстанций на необходимость изучения богатейшего наследия русских военных исследователей Ближнего Востока и Азии. С. Г. Кляшторному принадлежит несомненная заслуга в публикации целой серии аналитических материалов русской военной разведки, касающихся Турции, Афганистана, Кашгарии, Японии. Именно по его инициативе офицерами Генштаба СССР была проделана серьезная научная работа по составлению биобиблиографического словаря отечественных военных востоковедов, выявлению и публикации архивных материалов миссий и экспедиций русских военных по Центральной Азии. Велика роль С. Г. Кляшторного и как воспитателя современного поколения военных востоковедов. С его легкой руки на этом возрожденном им научном направлении появилось уже два доктора и три кандидата наук,

а в Военном университете МО РФ проходят ежегодные «Снесаревские чтения» и вручается премия имени выдающегося военного востоковеда генерала А. Е. Снесарева.

Б. Кумеков

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ТЮРКОЛОГА, ДРУГА И УЧИТЕЛЯ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КЛЯШТОРНОГО

Благодаря энциклопедическим знаниям, аналитическому уму, великолепной научной интуиции, большому потенциалу методических приемов, неизменной благожелательности и такту Сергей Григорьевич создавал вокруг себя удивительно светлую атмосферу, в которой легко дышалось и вдохновенно работалось коллегам, друзьям и ученикам. Своими капитальными трудами Сергей Григорьевич оставил заметный след в мировой тюркологии.

Безукоризненность репутации, высокие нравственные качества, научная мудрость снискали ему всеобщую любовь и уважение. В память Сергея Григорьевича я склоняю голову.

В. В. Трепавлов

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЧАЛА XXI ВЕКА И «ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК»

В 2001 г. возобновилась публикация «Тюркологического сборника», издававшегося в 1966–1989 гг. под руководством академика А. Н. Кононова. Инициатором возрождения сборника был С. Г. Кляшторный. Первоначально задуманный как ежегодник, с 2007 г. ТС стал выходить один раз в два года. В отличие от «кононовских» выпусков, в новой версии сборника были мало представлены материалы по филологии и лингвистике, и практически отсутствовала археология. Разве что наиболее близкая С. Г. Кляшторному тема древнетюркской руники была отражена почти в каждой книге ТС. Основное внимание при подборе авторов и определении тематики статей уделялось проблемам истории и культуры тюркских народов — главным образом эпохи средневековья. Уже с первых выпусков сборник стал превращаться в престижное издание, чему способствовали, с одной стороны, память о ТС Кононова, с другой стороны — репутация главного редактора. В научной периодике появлялись благожелательные рецензии на очередные выпуски ТС, он был включен в т. н. «ВАКовский список» и РИНЦ.

С. Г. Кляшторный и редколлегия тщательно отбирали тексты, формируя портфель очередных выпусков, около половины предлагавшихся статей приходилось отсеивать — из желания удерживать высокий научный уровень, изначально заданный сборнику ленинградской школой востоковедов. Просьбы о публикации поступали из различных научных центров России ближнего и дальнего зарубежья. Однако в силу различных организационных и финансовых сложностей получилось так, что 1/3 авторов оказалась москвичами, 1/3 петербуржцами, и только оставшаяся треть пришлась на нестоличных коллег. После ухода из жизни С. Г. Кляшторного в сентябре 2014 г. необходимо постараться продолжать издание ТС как одного из наиболее значимых периодических изданий в российском востоковедении.

Д. М. Насилов

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КЛЯШТОРНЫЙ И РОССИЙСКАЯ ТЮРКСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

В 60-е гг. прошлого века Санкт-Петербург являлся одним из ведущих в стране центров тюркологических исследований. Именно в эти годы начинал свою активную научную деятельность в ЛО ИВАН С. Г. Кляшторный как историк древнетюркского времени. Интерес среди научной общественности к этому историческому периоду сочетался также с развивающимися в ЛО ИЯ и в ЛО ИВАН, а также на кафедре тюркской филологии ЛГУ исследованиями языка древнейших тюркоязычных памятников письменности. С. Г. Кляшторный с присущим ему энтузиазмом также включился в этот знаменательный для российской тюркской филологии процесс. Именно в эти годы стали созываться Всесоюзные тюркологические конференции, начал издаваться журнал «Советская тюркология», готовился к изданию «Древнетюркский словарь», писалась история изучения тюркских языков в России, разрабатывались основы сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, шло изучение языка староанатолийских и средневековых азиатских текстов. Вдохновителем многих фундаментальных проектов того времени был акад. А. Н. Кононов, научно-организационные устремления которого со временем перенял на себя С. Г. Кляшторный. Заслуги последнего в развитии отечественной тюркской филологии следует оценить по достоинству.

В. З. Церенов

ВСПОМИНАЯ С. Г. КЛЯШТОРНОГО

Два дня назад я ехал степью. Стояло красное предзакатное солнце. Я попросил водителя свернуть с дороги и остановиться у небольшого пригорка.

Мы разложили костер. Я смотрел на огонь и думал о Сергее Григорьевиче Кляшторном. Последний раз мы с ним встретились тоже здесь, в Казахстане.

Кляшторный жил в Петербурге, а сердце его было в степи, которую он воспел как колыбель и наследницу великой культуры и государственных цивилизаций.

От великих вещей остаются слова языка, писал Иосиф Бродский. Сергей Григорьевич Кляшторный возвращал миру слова и жар сердец древних народов, воссоздавая наше прошлое и обозначая вместе с тем контуры нашего же настоящего и будущего. Его работы стали одной из основ современной евразийской мысли об историческом единстве судеб русского и степных народов континента, мысли, которая вновь овладевают умами и сердцами многих. И это хорошо, как значилось в книге «Ырк битиг», блестяще им прочитанной.

Как исследователь Кляшторный отличался редкой последовательностью и являл собой пример нравственного служения избранному делу. Так, он понимал, что любой перевод неадекватен оригиналу, и потому не раз возвращался к прочитанному им памятнику.

Душа его сейчас пребывает в великом странствовании. Мы же еще не раз нежно и благодарно вспомним его. С ним мы были сильнее. Имя Кляшторного будет жить долго, потому что проблемы культурного наследия и взаимодействия народов, нашедшие столь глубокое отражение в его трудах, будут волновать людей всегда.

Болтугай — да будет так!

Мангыстау — Элиста.

СТАТЬИ

Т. К. Абдиев

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЕНИСЕЙСКИХ НАДПИСЕЙ И СОВРЕМЕННОГО КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *Енисейские надписи являются общим историческим наследием всех тюркских языков. Они являются ценнейшим источником для всех тюркских языков, в том числе и для киргизского языка. Данные памятники, за исключением отдельных работ, до сих пор не исследованы на должном уровне в киргизском языкознании, хотя ряд исследователей отмечали сходство языка памятников и современного киргизского языка. Здесь мы сравниваем словарный состав енисейских надписей и современного киргизского языка.*

Ключевые слова: *енисейские надписи, современный киргизский язык, тюркские языки*

Еще С. Е. Малов в 1952 г. в своей книге «Енисейская письменность тюрков» отметил: «Вслед за крупными авторитетами — акад. В. В. Радловым и проф. В. Томсеном — я не имею никаких причин не считать эти енисейские памятники принадлежащими киргизам» [Малов 1952, с. 4]. Далее он с определенным разочарованием пишет о том, что киргизские филологи слишком пессимистически относятся к данной проблеме: «В 1943 г. я был во Фрунзе и в Институте языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР во время беседы об этих памятниках я был очень удивлен, что встретил возражения со стороны многих сотрудников Института в отношении своих высказываний о принадлежности енисейских памятников киргизам. Оказывается, в этом вопросе мои противники слишком доверяли проф. К. К. Юдахину и доц. И. А. Батманову, ссылаясь на их печатные высказывания по этому вопросу. Мне хотелось бы думать, что эти два почтенных ученых — И. А. Батманов и К. К. Юдахин — отнюдь не являются противниками мнения Томсена и Радлова» [Малов 1952, с. 4–5].

Вместе с тем С. Е. Малов весьма объективно оценил сходство и взаимосвязь языка енисейских письменных памятников и современного киргизского языка:

«Было бы ошибочным считать, что современный киргизский язык и язык памятников V в. имеют сходство.

С другой стороны, нельзя утверждать, что эти языки качественно отличны друг от друга.

В чем состоит их сходство?

В том, что у них один и тот же грамматический строй и основной словарный фонд.

В чем состоит их различие?

Во-первых, в том, что словарный состав языка памятников V в. не имел того богатства, разнообразия и отшлифовки, как если бы мы взяли современный киргизский язык.

Во-вторых, в том, что язык енисейских памятников V в. был нестройным и слаборазвитым, ввиду слабого еще развития грамматики, грамматического строя» [Малов 1952, с. 8].

Мы считаем, что Енисейские надписи являются общим историческим наследием всех тюркских языков и далеки от мысли «приватизировать» их, что, к сожалению, в последнее время иногда наблюдается в отдельных работах. Здесь важно другое: данные памятники, за исключением немногочисленных работ, до сих пор не исследованы на должном уровне в киргизском языкознании. А ведь они являются ценнейшим источником для всех тюркских языков, в том числе и для киргизского языка. Здесь мы постараемся сравнить словарный состав енисейских надписей и современного киргизского языка.

В работе И. А. Батманова, вышедшей в 1959 г. под названием «Язык енисейских памятников древнетюркской письменности», приведен общий список слов енисейских надписей [Батманов 1959, с. 52–59]. По нашим подсчетам, из 251 слов 90 (36%) употребляется без семантических и фонетических изменений в современном киргизском языке. У 73 слов (29%) наблюдаются некоторые закономерные семантические и фонетические изменения. У 16 слов (5%) семантика другая, а 74 слова (30%) не употребляются в современном киргизском языке. Таким образом, словарный состав енисейских памятников на 70% совпадает с современным киргизским языком. Но следует отметить, в вышеуказанной работе следующие слова приведены как многозначные, а не как омонимы:

арт 1) быть в излишке, множиться, 2) задняя сторона;

ат 1) имя, 2) стрелять, 3) конь;

бат 1) быстро, 2) погружаться, садиться;

көк 1) голубой, 2) небо;

жүз 1) сто, 2) лицо [Батманов 1959, с. 52–59].

С учетом этих данных количество вышеуказанных общих слов возрастает. Кроме того, в данной работе такие слова, как *эбле* (*үйлө*) «женить», *үлкөн* «большой» отмечены как не существующие в современном киргизском языке, тогда как они включены в словарях [Юдахин 1965].

В недавно вышедшей работе Н. Усеева данное соотношение с учетом новых надписей достигает 77% [Усеев 2011, с. 330]. Кроме того, в данной работе имеются тексты 150 енисейских рунических надписей, чтение которых сопоставлено на основе опубликованных работ, и они также переведены на киргизский язык.

К сожалению, данная книга опубликована малым тиражом, вследствие чего с ней мог ознакомиться только узкий круг специалистов. В то же время очевидно, что данная работа было бы очень полезной для киргизского языкознания, филологии, истории, этнографии.

Следует отметить, в работе имеются некоторые оплошности в толковании значений слов. Например, автор отмечает, что слово *агыл*, которое в надписях имеет значение «скотный двор», в современном киргизском языке означает аул, деревня [Усеев 2011, с. 330]. Вместе с тем данное слово в том же значении, что в енисейских надписях, до сих пор употребляется в некоторых говорах киргизского языка. Например, оно следующим образом отмечено в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина вместе с иллюстративным материалом: «агыл *южн.* скотный двор, помещение для скота (коровник, конюшня) агылда туруп дегдеген, ат кимдики дедирген фольк. (даже) стоя в конюшне, конь, горячась, вызывает зависть (букв. заставляет говорить: «чей это конь?») [Юдахин 1965, с. 21].

Это относится и к слову *адаш*. Н. Усеев отмечает, что данное слово в результате фонетических изменений стало *аяш* и, если в енисейских надписях оно обозначало друзей, то в современном киргизском языке означает жену друга или друга мужа [Усеев 2011, с. 330–331]. Вместе с тем следует сказать, что исконное значение данного слова до сих пор существует в киргизском языке. Например, в толковом словаре киргизского языка указаны следующие значения: «адаш 1. друг; 2. знакомый; 3. аты уйкаш, ысымы бирдей» [КТС 2011, с. 33]. По мнению большинства тюркологов, этимология данного слова восходит к *ат* + *лаш* = *атташ*, т. е. одноименный [ЭСТЯ 1974, с. 203–204].

В словаре К. К. Юдахина данное слово отмечено как диалектизм, относящийся к северному диалекту киргизского языка: «адаш *сев.* почтительное обращение к незнакомому мужчине (гл. обр. с Синьцзяном)» [Юдахин 1965, с. 22]. Тот факт, что семантика данного слова в киргизском языке расширилась, можно заметить из иллюстративного материала словаря: «аяш жолу бир башка, адаш жолу бир башка погов. одно дело аяш, другое — адаш (первому обязаны помогать, заботиться о нем, а со вторым ограничиваются «шапочным знакомством»)» [Юдахин 1965, с. 88].

По мнению Н. Усеева, слово *арук*, имеющее значение «чистый», в киргизском языке сохранилось со значением «тощий» [Усеев 2011, с. 331]. Нам это кажется ошибочным, поскольку данное слово существует в несколько видоизмененной форме и имеет следующее значение: «1. чистый; 2. миловидный, красивый» [Юдахин 1965, с. 71]. Имеются также производные формы: *аруула* «очищать», *аруулан* «очищаться». Кроме того, в последние годы женское имя Арууке стало особенно популярным среди киргизов [Жапаров 2004, с. 212].

Что касается слова *арык*, оно восходит к глаголу ары «уставать, утомляться» и образовано с помощью аффикса *–к*: *ары + к* [Сейдакматов 1988, с. 30–31].

Этимологизация таких слов требует тщательного изучения. Например, слово *боо*, которое восходит к енисейскому *баг*, в современном киргизском языке означает: 1. веревка, завязка, шнурок; 2. сноп. А исконное значение «род, племя» встречается только в составе устойчивого словосочетания *токсон боолуу өзүбек* «девяностоплеменный узбекский народ». Приведем пример из исторического романа Т. Касымбекова «Сломанный меч»:

— Жо-о, мен сарт эмесмин, — деди сыпай, — мен коңуратмын, токсон боолуу өзүбектин бир боосу... — Ал жанагы түркчө сүйлөп кеткен эки перстин өлүгүн көрсөттү. — Тигине сарт... [Касымбеков 1998, с. 251].

— Нет, я не сарт, — сказал сипай, — я из племени конурат, одного из племен девяностоплеменного узбекского народа… — Затем он указал на — Вон сарт…[1]

Следует отметить, что данное значение не встречается в словарях современного киргизского языка.

В енисейских надписях встречается слово агыр, что означает «драгоценный». Хотя данное слово отсутствует в современном киргизском языке, его можно встретить в эпосе «Манас» в несколько видоизмененной форме агар:

Агар алтын, ак күмүш,
Манас үчүн чачтырып [Жусуп Мамай 2004, с. 430].
Драгоценное золото, белое серебро,
Заставляя рассыпать за Манаса.

Данное слово привел в составе устойчивого словосочетания и К. К. Юдахин: «агар I: агар алтын, ак күмүш или агар алтын, ак дилде *фольк*. ценности (напр. золото, серебро)» [Юдахин 1965, с. 20].

Кроме того, существует определенный пласт слов, сохранившийся только в диалектах, говорах или в составе фразеологизмов современного

[1] Здесь и далее перевод на русский язык Т. К. Абдиева.

киргизского языка. К сожалению, они часто остаются вне поле зрения исследователей. Например, слово *элик* «рука» (в современном киргизском языке данное слово имеет значение «косуля») сохранилось в составе фразеологизма *элик сүтүн берүү*, которое переведено как «кормила грудью не родная мать (букв. молоко давала косуля) [Юдахин 1965, с. 949]. Если мы учитываем исконное значение слова элик, тайное становится явным: *элик сүтүн берүү* — «кормить рукой» (букв. дать молоко рукой). Другой вариант данного фразеологизма еще раз подтверждает эту мысль: *эмчек сүтүн бербесе да*, *элик сүтүн берүү*, то есть, кормить не грудью, а кормить рукой. Данное слово сохранилось и в другой видоизмененной форме: *эли* «ширина пальца (мера длины)» [Юдахин 1965, с. 949]. Как видим, изменение есть и в семантическом плане.

Точно так же сохранилось слово *эпчи* «женщина», часто встречающееся в енисейских надписях. Хотя данное слово в современном киргизском языке отсутствует, его можно встретить в составе словосочетания *эпчи жак*, что означает женскую часть юрты, где обычно расположена кухня.

В енисейских надписях встречается словосочетание *секиз адаглыг барым*, что означает «мое богатство с восьмю ногами». В современном киргизском языке существуют пословицы «Мал аягы сегиз» (т. е. у скота восемь ног), «Семиздин аягы сегиз» (т. е. у жирного (скота) восемь ног), означающие подвижность скота. Такая гиперболизация наблюдается и в ногайской пословице: «Яманнынь аягы сегиз, бири тиймесе. бири тиер» (т. е. у плохого восемь ног, если одна [нога] не попадет, другая [обязательно попадет]). Таким образом, можно предположить, что словосочетание *секиз адаглыг барым* означает «мой скот».

Как показывает всё вышесказанное, енисейские памятники являются важным источником для изучения истории современного киргизского языка и требуют разностороннего исследования.

Библиография

1. Батманов 1959: *Батманов И. А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

2. Жапаров 2004: *Жапаров Ш.* Адам аттары — эл байлыгы. Бишкек, 2004.

3. Жусуп Мамай 2004: *Жусуп Мамай.* Манас. Бишкек, 2004.

4. Касымбеков 1998: *Касымбеков Т.* Сынган кылыч. Бишкек, 1998.

5. КТС 2011: Кыргыз тилинин сөздүгү. Бишкек, 2011.

6. Малов 1952: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.–Л., 1952.

7. Сейдакматов 1988: *Сейдакматов К.* Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе, 1988.

8. Усеев 2011: *Усеев Н*. Енисей жазма эстеликтери I: лексикасы жана текстер. Бишкек, 2011.

9. ЭСТЯ 1974: *Севортян Э. В*. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

10. Юдахин 1965: *Юдахин К. К*. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Taalaibek K. Abdiev

REGARDING THE LINKS BETWEEN THE YENISEI INSCRIPTIONS AND THE MODERN KYRGYZ LANGUAGE

Abstract. *The Yenisei inscriptions are the common historical heritage of the Turkic languages. It is a valuable source for all Turkic languages, including the Kyrgyz language. These monuments, except for certain works, have not yet been investigated at the appropriate level in Kyrgyz linguistics, although some researchers have noted the similarity of the language of these monuments and the modern Kyrgyz language. Here the vocabulary of the Yenisei inscriptions and the modern Kyrgyz language are compared.*

Keywords: *Yenisei inscriptions, modern Kyrgyz language, Turkic languages*

Н. Б. Бадмацыренова

ВРЕМЕННОЙ ПОРЯДОК И ФОРМЫ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. *Временной порядок, как и всякая категория, имеет свои средства выражения. Центральное место среди данных средств в монгольском языке занимают формы изъявительного наклонения. Рассматривая роль глагольных средств выражения в представлении временного порядка, нужно помнить, что эти языковые средства выступают в сочетании и во взаимодействии с порядком слов, обстоятельствами и последовательностью других, чаще нефинитных глагольных форм, что касается, как правило, полипредикативных конструкций. Таким образом, выявление специфики временного порядка очень важно с точки зрения более точной и детальной характеристики темпорального комплекса в целом.*

Ключевые слова: *временной порядок, изъявительное наклонение, монгольский язык, смена ситуаций, статичность.*

Категория временного порядка в комплексе с категориями темпоральности, таксиса, аспектуальности, временной локализованности отражают идею времени в языке. По определению Александра Владимировича Бондарко, временной порядок представляет собой «отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление «времени в событиях», т. е. представление временной оси, репрезентируемое событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов (на другой день, через пять минут и т. п.)» [Бондарко 1996, с. 167]. Данный термин принадлежит Гансу Рейхенбаху, который в своей работе «Философия пространства и времени» трактует временной порядок как порядок событий во времени [Рейхенбах 1985, с. 156–170]. Этому термину ранее предшествовали термины «ось времени», «линия времени», для которых характерна сукцессивность, в то время как понятие времени имеет широкий охват и включает в себя симультанность наряду с сукцессивностью. Исследуемое явление с точки зрения языка интерпретируется как динамичность смены ситуаций, возникновения новых ситуаций; статичность «длительностей» («данных ситуаций»); обозначения интервалов между действиями и т. д. Временной порядок в тексте структурно состоит из различных комбинаций динамичности/статичности, последовательности и одновременности.

Ср.: *Зуны сайхан шөнө байх бөгөөд* [ДС 1], *харанхуй өрөөнд өөрөө өөртэйгээ ярин суулаа* [ДС 2]. «Была прекрасная летняя ночь [ДС 1], [он] сидел в темноте и говорил сам с собой» [ДС 2]. Здесь во второй синтагме, представляющей ДС 2, мы видим симультанность по отношению к ДС 1;

сочетание ДС 1 и ДС 2 образует более широкую «данную ситуацию» и обусловливает выражение в тексте семантики статичности.

Ср.: *Хүү нь босоод* [ВНС 1] *аавыгаа харуут гүйж ирээд* [ВНС 2] *хүзүүгээр нь тас тэврээд* [ВНС 3] *уйлчихлаа* [Цэндийн Доржготов. Эзгүй хээрийн өнчин суварга]. «Его сын встал [ВНС 1], и, как только увидел отца, подбежал к нему [ВНС 2], крепко-накрепко обнял его за шею [ВНС 3] и заплакал». На данном примере, где статичность сменяется динамичностью, сочетание элементов ВНС 1, ВНС 2, ВНС 3 передает смену ситуаций, находящихся в отношении сукцессивности; таким образом, в данном высказывании представлена структура временного порядка, выступающая в варианте «статичность (ДС 1 = симульт. ДС 2) динамичность (ВНС 1 + сукцессивн. ВНС 2 + сукцессивн. ВНС 3)».

В речи рассматриваемая категория в основном отражается в живых рассказах о событиях прошлого, в их так называемой «естественной последовательности», а также в текстах исторического и художественного повествования в модальном плане реальности, передаваемом формами изъявительного наклонения. Наряду с этим существует возможность представления временного порядка в настоящем и будущем времени, а также порядка действий предполагаемых (выраженных формами сослагательного наклонения) и предписываемых исполнителю (в императиве).

Ср.: а) *Захиа бичээд, хариу авлаа.* «Написал письмо, получил ответ» б) *Захиа бичнэ.* «Пишет / напишет письмо»*;* в) *Захиа бичэхсэн.* «Написал бы письмо»*;* г) *Захиа бичээрэй* «Напиши письмо» и т. п.

Когда мы говорим о выражении временного порядка в настоящем и будущем времени в монгольском языке, нужно помнить о том, что существует единая форма с показателями *–на* (*-нэ, -но, -нө*), обладающая двумя абсолютными значениями: настоящего и окказионально будущего времени. Согласно исследованиям Зои Васильевны Шеверниной, будущее время не имеет своего особого грамматического выражения [Шевернина 1958, с. 83]. Дифференциация настоящего и будущего времен достигается не грамматическими, а синтаксическими средствами, коими и являются обстоятельства времени.

Ср.: *Би оюутан. Маргааш өглөө нэг хичээлд төгсөлтийн шалгалт өгнө.* «Я студент. Завтра утром на одном уроке буду держать итоговый экзамен».

Вообще же форма на *–на* (*-нэ, -но, -нө*) является общей формой выражения объективной данности, наличия действия, другими словами своего рода универсальной формой выражения действий настоящего времени в его широком понятии.

Можно говорить о своеобразной иерархии способов (типов, разновидностей) представления временного порядка. На наиболее высокой ступени этой иерархии находится «основная линия повествования», создаваемая глагольными формами и их окружением, в частности, обстоятельствами времени. Как уже говорилось, в выражении семантики временного порядка могут участвовать обстоятельства. Следует выделить особый тип «обстоятельств временного порядка»: *маргааш өглөө* «на следующий день», *хэдэн сарын дараа* «несколько месяцев спустя»; *дараа* «затем, потом» и т. п., участвующие в оформлении временного порядка в настояще-будущем времени.

Возникает вопрос: ограничивается ли понятие временного порядка лишь синтагматически связанными ситуациями в полипредикативных конструкциях, или же оно включает и автономные ситуации? Этот вопрос может решаться по-разному. Одно из возможных решений заключается в более узком истолковании рассматриваемого понятия: временной порядок реализуется лишь в тех или иных сочетаниях наступивших (при СВ) и данных (НСВ) ситуаций в различных вариантах синтагматических связей предикатов, что мы наблюдаем в русском языке. Другое решение предполагает более широкое истолкование данного понятия, охватывающее и автономное, изолированное представление определенного предиката.

Мы отдаем предпочтение последнему решению. И изолированное «возникновение новой ситуации», так же как и изолированная «данная ситуация», представляет собой временной порядок. В данном случае он репрезентируется в высказывании одним из его элементов. Например: *Өчигдөр бид захиа авлаа* «Вчера мы письмо получили». Комплекс «предел-возникновение новой ситуации» отнесен к определенному моменту (точке) на оси времени. Эта точка находится не вне временной оси, а на ней. «Момент включения» репрезентирует временной порядок в его элементе (звене), избранном в данном высказывании.

Таким образом, временной порядок, как и всякая категория, имеет свои средства выражения. Центральное место среди данных средств в монгольском языке занимают формы изъявительного наклонения. Рассматривая роль форм изъявительного наклонения в представлении временного порядка, нужно помнить, что эти языковые средства выступают в сочетании и во взаимодействии с обстоятельствами и последовательностью других, чаще нефинитных глагольных форм, что касается, как правило, полипредикативных конструкций. Таким образом, выявление специфики временного порядка очень важно с точки зрения более точной и детальной характеристики темпорального комплекса в целом.

Список сокращений

ВНС — возникновение новой ситуации
ДС — данная ситуация
НСВ — несовершенный вид
СВ — совершенный вид
Симульт. — симультанность
Сукцессивн. — сукцессивность

Библиография

1. Бондарко 1996: *Бондарко А. В.* Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб. 1996. С. 6–21.

2. Рейхенбах 1985: *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени. Перевод с английского. М., 1985.

3. Доржготов 1975: *Доржготов Ц.* Эзгүй хээрийн өнчин суварга. Улан-Батор, 1975.

4. Шевернина 1958: *Шевернина З. В.* Аналитические глагольные формы в современном монгольском языке // Филология и история монгольских народов. М. 1958. С. 82–100.

Nadezhda B. Badmatsyrenova

TEMPORAL ORDER AND FORMS OF THE INDICATIVE MOOD IN THE MONGOLIAN LANGUAGE

Abstract. *The temporal order, as well as every grammatical category, has its own means of expression. The form of the indicative mood occupies a central position among such means in the Mongolian language. When considering the role of verbal means of expression in the presentation of the temporal order it is necessary to remember that these are the linguistic tools in combination and in conjunction with the order of the words, the circumstances and the sequence of the other, often non-finite verb forms that regard, as a rule, polypredicative designs. Thus, identifying the specifics of the temporal order is very important in terms of more accurate and detailed temporal characteristics of the complex as a whole.*

Keywords: *temporal order, indicative mood, the Mongolian language, changing situations, static.*

А. А. Бурыкин

АЛТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И СМЕЖНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. *Предмет статьи составляет так называемая алтайская теория, конктретно — теория генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков в ее связи со смежными дисциплинами: этнографией и археологией. Автор отмечает новейшие достижения в области алтаистики как области языкознания, пишет, что ареальные проблемы взаимодействия алтайских языков не связаны с вопросом об их родстве, показывает, что критика алтайской теории, инициированная в недавние годы археологами, неубедительна, а названия дома в алтайских языках подтверждают алтайскую теорию с лингвистической точки зрения.*

Ключевые слова: *алтайские языки, генетическое родство, ареальная лингвистика, ареальные связи, языковые контакты, археология, антропология, фольклор, этнография*

Алтайская теория как теория генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также корейского и японского языков — безусловно, достояние лингвистики. Однако здесь мы встречаемся с вечными трудностями определения и разграничения объекта и предмета исследования — предметом исследования лингвистов оказываются алтайские языки, составляющие единую семью, включающую несколько групп, а объектом исследования — народы постулируемой, конструируемой или выявляемой алтайской семьи. Вне лингвистики алтайская теория выступает в качестве теории общего происхождения тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, а также корейцев и японцев. Разумеется, такие проблемы, как этногенез, глоттогенез, этническая и языковая история семей и групп языков и народов связаны с разными научными дисциплинами и их направлениями. Именно интердисциплинарная дискуссионность самой алтайской теории, в частности, ее отрицание в некоторых этнографических трудах (например, [Викторова 1980], со ссылками на частные мнения лингвистов), и наконец представление ее мнимого полного опровержения в недавних работах археологов [Кызласов 2008, 2009, 2011] вызывает необходимость рассмотреть наиболее важные объемы данных и аргументы в пользу алтайской теории, построения против алтайской теории, а также данные, не являющиеся доказательными.

Алтаистика, антиалиатстика и контралтаистика. Противопоставление сторонников и противников алтайской теории как теории генетического родства алтайских языков и общего происхождения алтайских народов на самом деле не является антиномией стороников и проитивников алтайской теории. Алтаистика по крайней мере в лингвистике — теория генетического родства алтайских языков. Отрицание же этой теории имеет два лица. **Антиалтаистика** отрицает существование алтайской семьи из трех или пяти языковых групп в определенном хронологическом диапазоне, не отказывая при этом в существовании родственным связям этих языков на более глубоком уровне, чаще всего — ностратическом, в этом случае члены алтайской семьи входят в ностратическую макросемью на равных правах с индоевропейскими, уральскими и другими. Такие взгляды на алтайскую проблему актуализировались нечасто, отчасти вследствие ограниченной популярности самого ностратического языкознания в конце XX — начале XXI вв. **Контралтаистика,** понимание которой извне оформилось в 1990-е — 2000-е годы, хотя сам термин появился позже — это огульное отрицание генетического родства алтайских языков, сопровождающееся в статическом аспекте отсутствием каких-либо постулатов и гипотез о сепаратном родстве всех пяти групп алтайских языков, а в динамическом аспекте — мораторием по умолчанию на сравнительно-исторические исследования в области генетических связей алтайских языков между собой. Наиболее яркие представители контралтаистики, оставившие в каких-либо видах обоснования своей позиции — Г. Дерфер, А. М. Щербак, Б. И. Татаринцев. В их трудах можно найти лексические материалы по ареальным связям языков (которых никто из ортодоксальных алтаистов никогда не отрицал, начиная с Б. Я. Владимирцова), попытки сепартаных реконструкций (прежде всего, тюркской), суженные до шаблонов подходы к этимологическим решениям, конъюнктурные решения в сфере критериев определения заимствований и установления их направления. Характерно, что контралтаистическая позиция названных лингвистов за 60 лет своего существования вообще ничего не дала для решения проблем тюркского и монгольского глоттогенеза и дала минимум небесспорных в трактовке фактов для изучения ареальных связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Стоит отметить и то, что контралтаисты не оставили в науке прямых учеников, которые отстаивали бы те же позиции, что и названные ученые, и попытались бы дать свой ответ на вопрос о тюркском и монгольском глоттогенезе. Появление подобных взглядов вне индоевропеистики в конце 1950-х годов, когда пережитки марровского «нового учения о языке» были моментально отброшены индоевропейским

языкознанием, но не были преодолены в изучении языков других семей, в целом понятно и извинительно, но по поводу их живучести мы можем только недоумевать.

Алтаистика и сравнительно-историческое языкознание. Генетическое родство алтайских языков на сегодняшний день является доказанным и не имеет альтернатив в описании родственных связей отдельных групп алтайских языков, несмотря на разную степень изученности истории отдельных групп языков и варианты реконструкций. Итогом изучения проблемы родственных связей алтайских языков явилось составление этимологического словаря алтайских языков [EDAL 2003], чему предшествовал выход в свет фундаментальной монографии, частной проблемой которой был вопрос о генетической принадлежности японского языка к алтайской семье, а общей — детальное обоснование генетического родства языков, называемых алтайскими [Старостин 1991]. Доказательства генетического родства алтайских языков, как и вообще в сравнительно-историческом языкознании в приложении к любой языковой семье, в работах сторонников генетического родства алтайских языков (алтаистов) представляют систематические соответствия в фонетике (вне явных заимствований), морфологии и лексике. Собственно говоря, даже в незавершенном виде в работах Г. Рамстедта и Н. Поппе алтайская теория выступала как теория генезиса языков, названных алтайскими, во-первых, с достаточно мощным объяснительным потенциалом, во-вторых, без отчетливой альтернативы.

Понятно, что алтаистика как постулат о генетическом родстве алтайских языков предполагает выявление и изучение проявлений генетического родства, и прежде всего — общих черт в антропологии и разных сферах культуры народов, относимых к алтайской семье, а также — хотя бы потенциально — изучение процессов территориальной дифференциации предков современных алтайских народов и становления их материальной культуры по данным археологических памятников.

Алтаистика и ареальная лингвистика. Хорошо известно, что в лингвистике, в особенности внутри того направления, которое изучает разнообразные лексические заимствования в отдельных языках алтайской семьи и отдельных группах языков (в основном, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках) распространено мнение, согласно которому алтайская общность сформировалась не за счет разделения единого праязыка, а за счет контактирования генетически неродственных языков, образовавших языковой союз со значительным фондом общей лексики, сходных элементов в морфологии и общих черт в синтаксисе.

В лингвистике теория алтайской семьи языков как контактного конвергентного союза изначально неродственных языков существует как некая альтернатива идее генетического родства алтайских языков. Подобная постановка вопроса не совсем корректна, во-первых, контактировать и взаимодействовать друг с другом могут и родственные языки, во-вторых, даже сторонники генетического родства алтайских языков признают факты взаимных заимствований в языках, включаемых в алтайскую общность [Грунтов 2007]. Во-первых, невозможно отрицать наличие многочисленных взаимных заимствований в монгольских и тюркских языках, монгольских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках, монголизмов и тунгусо-маньчжуризмов в якутском языке, монгольских элементов в корейском. Во-вторых, заимствования, к которым относятся не только совпадающие или сходно звучащие слова, но и слова, в которых проявляются незакономерные внутри- или межгрупповые соответствия типа маньчжурского *айсин* «золото» в сравнении с тюркским *altïn* или монгольским *altan*, представляют огромный интерес для лингвистов-компаративистов, так как дают возможность проверять правильность групповых реконструкций и общеалтайской реконструкции, а также составлять представления о тех ныне исчезнувших алтайских языках, от которых остались только лексические заимствования в соседних группах алтайских языков или языках, не относящихся к алтайской семье. Ценным опытом изучения ранней истории тюркских языков по материалам заимствований из этих языков в языки других семей является монография А. В. Дыбо [Дыбо 2007].

Создание альтернативной, ареальной теории материальных и структурных связей алтайских языков необоснованно приписывается В. Л. Котвичу [Котвич 1962]. Внимательное изучение его труда показывает, что он, занимаясь сравнением алтайских языков, в первую очередь тюркских и монгольских, пытался написать ортодоксальную сравнительно-историческую грамматику алтайских языков, которая должна была стать первой в ряду такого рода работ после известной грамматики Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1929], но вышла в свет после смерти автора почти одновременно с также посмертно публиковавшимися работами Г. Рамстедта. Основной недостаток работы В. Котвича заключался в том, что он, пытаясь построить описание материала по принципу «от простого к сложному», явно не без влияния идей «Нового учения о языке», значительно затронувших неиндоевропейское сравнительное языкознание, посчитал тюркские языки наиболее архаичными в алтайской семье, что не подтвердилось впоследствии. Еще один недостаток труда В. Л. Котвича усматривается в том, что сравнения

в области морфологии осуществляются им на основе формальных сходств вне исторического (как историко-фонетического, так и морфологического) анализа. Третья проблема, исключительно сложная и с трудом поддающаяся изучению — это комплекс материала по тюрко-монгольским параллелям, собранный еще Б. Я. Владимирцовым [Владимирцов 1911] и кочующий с тех пор из работы в работу, из статьи в статью, из монографии в монографию без необходимого анализа, который учитывал бы все возможные представления как о монголо-тюркских фонетических соответствиях на уровне генетического родства — хотя бы и в разных их пониманиях, — так и характеристики фонетических субституций в тюрко-монгольских параллелях, представляющих собой результаты разновременных контактов. Здесь понятен и прогнозируем предварительный итог поисков: монголо-тюркские соответствия, представляющие результаты эволюции праалтайской системы фонем, должны быть в основном однозначными (за исключением тех случаев, когда одна фонема в одной и той же группе языков имеет по два или более рефлекса (например, общетюркский *j-, имеющий разные источники: *d-, *3-, *l-, *n-, *n'- и *j- и разные рефлексы в тюркских языках – j-, 3-, ж-, д'-, ч-, с-, h-), в то время как корреспонденции в заимствованиях, относящихся к разным периодам эволюции тюркских языков, могут соответствовать тому диапазону рассеивания рефлексов гласных и согласных, какой характерен для известных нам тюркских языков, или даже выходить за его пределы, если мы имеем дело с фактами исчезнувших тюркских языков[1].

Детальное изучение объема и характера явных взаимных заимствований в отдельных группах алтайских языков [Рассадин 2007, Татаринцев 1976, Новгородов 2009 и некоторые другие работы, их обзор см.: Рассадин 2004] дает нам картину, хорошо знакомую по тем ситуациям, где при языковых контактах отмечаются массовые заимствования культурной лексики — с той лишь оговоркой, что иногда фонетическая структура слов в двух или нескольких группах языков не позволяет однозначно решить вопрос о заимствованном характере слова и определить направление заимствования.

---

[1] Так, можно с известной долей фантазии считать, что севернотунгусский глагол со значением «писать» — эвенк. *дуку-*, эвен *дук-* — представляет собой старый тюркизм (ср. тюрк. *jaz-* «писать»), заимствованный из такого языка, который имел согласный *д-* на месте начального *j-*, рефлекс *у-* на месте - *а-*, как в некоторых примерах в чувашском языке, и субститут *к* на месте *з* или *с*, изменившихся внутри слова в *h*, как в якутском языке. Весь вопрос будет заключаться в том, подтвердится ли другими примерами контактирование тунгусо-маньчжурских языков с тюркским языком такого типа, обладавшим перечисленными выше признаками.

Из-за этого крайне запутанным оказывается вопрос о названиях домашних животных в алтайских языках и лексики, связанной со скотоводством, где мы встречаем большое количество слов, мало изменяющихся вследствие своей фонемной структуры. Так, предположения о заимствованном характере названий лошади из монгольских в тунгусо-маньчжурские языки и в корейский язык остаются гадательными, а обнаружение якутского диалектного *буур* «лошадь, конь», отождествляемого с монгольским *morin* на общеалтайском уровне, как и обоснование системных соответствий между монг. *akta* (*morin*) и тюрк. *at* при регулярном выпадении преконсонантного согласного в общеалтайских сочетаниях согласных и высокочастотном отпадении конечного (исторически краткого?) гласного исключает возможность заимствования этих слов даже из монгольских языков в тюркские, не говоря о полной невозможности проникновения в монгольские языки из тюркских языков. То же — и такие же соотношения фонетической структуры слов — мы видим в паре монг. *elžigen* «осел» и тюрк *ešäk* «осел», где невозможно обосновать ни одно из двух возможных направлений заимствования.[1] На фоне таких примеров другие названия домашних животных (названия овцы, верблюда, козы) уже не выглядят явными заимствованиями. Заимствованный характер монг. *takiya* «курица» при тюрк. *taquq* «курица» — вероятный источник монгольского слова — доказывается не сходством слов, а наличием корейского *так/талк* «курица», где сохранение преконсонатного *л* в производных формах и в написании слова корейской графикой *талк* указывает на то, что древний архетип его, сохранившийся в корейском как форма корня, не представлен в монгольских языках, в которых это слово сходно с тюркским и, вероятно, заимствовано. Ответ

---

[1] Подобные монголо-тюркские соответствия, позволяющие отождествлять «непохожие» слова, отсутствуют в работах С. А. Старостина и в EDAL, они выявлены автором данной работы [Бурыкин 2014]. Критики алтайской теории допускают постоянно одну и ту же ошибку: вместо выявления недочетов и указаний на неполноту в работах отдельных авторов они стремятся к отрицанию самой алтайской теории. Какие-либо различия в вариантах реконструкции праязыковой системы — штатная, вполне логичная ситуация в любой области сравнительно-исторического изучения языков, начиная с индоевропеистики, где разные авторы выделяют от двух (А. Мейе, А. Н. Савченко) до четырех (О. Семереньи) серий согласных, и упрекать лингвистов в неединомыслии в таких случаях некорректно. Между тем давно ясно, что алтайская теория не имеет альтернативы хотя бы потому, что сепаратные родственные связи тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (а равно корейского и японского) за пределами данной общности не выявлены и не выявляются вообще.

на вопрос некоторых этнографов, могли ли монгольские языки иметь тюркскую основу, может быть положительным только в следующем преломлении: монгольские языки могли иметь тюркскую основу только в том случае, если пратюркское языковое состояние было полностью идентично общемонгольскому, что означало бы отношения чрезвычайно близкого родства между этими языками.

Изучение общей картины взаимных заимствований в тюркских и финно-угорских языках, чему посвящено немало специальных работ [Федотов 1990, Насипов 2009а, 2009б, 2010; Тараканов 1985, 1993; Бутылов 2006] и влияния финно-угорских и тюркских языков на русские говоры в контактных зонах [Сывороткин 2005 и др.], как и в случаях с фактами позднего взаимодействия отдельных тюркских и монгольских языков, показывает, что картины явных заимствований между финно-угорскими и тюркскими языками не соответствуют материалу, отражающему генетическое родство алтайских языков. Несоответствия в этой области охватывают все стороны языка — они проявляются в составе лексики, характере морфологических сходств и в системах фонетических соответствий. В лексических заимствованиях фонетические соответствия, во-первых, являются тривиальными, вследствие чего заимствованные слова всегда похожи между собой, и, во-вторых, выводимые системы соответствий на материале заимствований, почти никогда не составляют полной сети корреспонденций фонем — в массиве заимствований почти невозможно собрать соответствия всех без исключения гласных и согласных фонем в репрезентативном количестве не менее трех примеров. Однако эти материалы в целом соотносятся с фактами явных межгрупповых заимствований между отдельными группами алтайских языков и еще выразительнее — между отдельными языками, принадлежащими к разным группам алтайских языков (конкретными тюркскими и конкретными монгольскими языками, якутским и эвенкийским и т. д.).

Алтаистика и фольклор. Мы считаем возможным говорить о роли данных фольклора для исследований в области алтайской теории по следующими причинам: то, что касается бытования заимствованных сюжетов и мотивов, например, в сказках, полностью соответствует тому, что мы видим при изучении позднейших заимствований в лексике отдельных групп алтайских языков. Это касается и иррадиации тюркских сюжетов и мотивов за пределы тюркской общности — к финно-угорским народам, южнославянским народам на Балканах, народам Кавказа, народам Северо-Востока Азии (тут хорошим примером являются сказки о небылицах), и связей в области сюжетов и мотивов между тюркской и монгольской, монгольской и тунгусо-маньчжурской фольклорными традициями. Эпосы тюркских, мон-

гольских и тунгусо-маньчжурских народов сильно отличаются друг от друга в стадиальном отношении по большой архаичности севернотунгусского (эвенкийского и эвенского) эпоса, и высокой степени развития тюркского эпоса (например, «Манас»), при том, что между эпическими традициями тюркских и монгольских народов, как известно, существуют взаимные связи, известно и влияние тюрко-монгольского эпоса и якутских олонхо на эпос тунгусских народов. Существенно одно положение — фольклорные данные не свидетельствуют ни в пользу генетического родства языков и народов, ни против него, и соответственно они не могут использоваться при доказательстве или опровержении каких-либо этногенетических, и тем более глоттогенетических гипотез.

Алтаистика и этнография. Этнографические сходства, равно как и различия, не дают ответа на вопрос об изначальном родстве народов или отсутствии родства между ними. Общность хозяйственно-культурного типа доказательством родства не служит. Отдельные совпадения в материальной культуре (одежда, жилище, утварь, транспортные средства) могут как свидетельствовать о родстве и восходить к глубокой древности, так и отражать позднейшие контакты между отдельными этносами или субэтносами, принадлежащими к разным группам одной семьи. Сходства этнографического материала не дают ответа на вопрос о его истории. Методы палеолингвистической или этнолингвистической реконструкции в компаративистике еще не слишком хорошо разработаны, тем более это относится к алтаистике.

Алтаистика и антропология. На основе анализа антропологических данных установлено, что антропологические типы всех народов, говорящих на языках алтайской семьи, имеют значительную степень дисперсии [Алексеев, Гохман 1984]. В этом случае данные антропологии, как и данные этнографии, в принципе не могут свидетельствовать ни в пользу родства алтайских народов, ни против него.

Алтаистика и новейшие исследования популяционной генетики. В последние годы появляется множество исторических и археологических работ, содержащих ссылки на данные популяционной генетики, в частности, на характер митохондриальной ДНК, среди народов Якутии и сопредельных территорий. Эти методики, предложенные С. А. Федоровой и имеющие странную логику внутри биологического сектора науки и творчества автора [см. Федорова 1995; Федорова 2008], дают в целом знакомые и ожидаемые результаты [Федорова 2009] — в частности, южное происхождение якутов не нуждалось в антропологических доказательствах. Теория идентификации субстрата в Средней и Восточной Сибири с носителями культур прибай-

кальского неолита, важнейшая для верификации прибайкальской теории этногенеза тунгусов [Рычков 2004], не нашла подтверждения.

Экстраполяция методов и данных популяционной генетики на проблемы алтайской общности, приводящая, по мысли некоторых авторов, к опровержению теории родства алтайских языков с привлечением непонятных измышлений вместо методов лингвистической компаративистики [Байтасов 2014] не выдерживает критики ни по методам, ни по результатам. Давно известно, что типологическое сходство в фонетике и морфологии не является критерием родства, а различия в фонетике и морфологии не показывают отсутствия родства (ср. санскрит и современный английский языки). Кроме этого, популяционная генетика и ранний этногенез вообще не могут коррелировать по характеристикам с языками и языковыми группами как продуктами глоттогенеза, где по большому счету не учитывается ни переход носителей каких-то генов на другой язык, ни смена их этнической идентичности, ни дифференцированный культурогенез, ни какие-либо иные факторы дифференциации единых популяций. На генетических характеристиках популяции или этноса не отражаются ни двуязычие, ни многоязычие. Кроме того, популяционная генетика может изучать лишь последствия миграций и этнических смешений, не изменяющих лингвистической таксономии, но относительная изоляция территориальных групп, приводящая к образованию диалектов и позднее — языков, то есть тот процесс, который является ведущим для глоттогенеза, никак не отражается на генных изменениях или отражается на них в минимальной степени.

Алтаистика и археология. То, что хронологическая стратификация и этническая идентификация археологических культур могут быть тем источником, который будет содействовать решению этногенетических и этноисторических проблем, в целом известно. Однако археологический материал в сравнительно-историческом плане — и, что важно, в плане использования его в интердисциплинарных исследованиях — имеет ряд особенностей, создающих непреодолимые трудности при согласовании данных отдельных археологических памятников и археологических культур с этнографическими и тем более с лингвистическими данными. Прежде всего, археологические культуры не несут никаких сведений о языке, на котором или на которых говорили их носители. На найденной археологами коровьей кости не будет написано, как называли на своем языке корову те, кто ее съел. Археологические культуры Сибири и Центральной Азии дают нам сведения о хозяйственно-культурном типе их носителей, но не об этнической принадлежности их носителей даже на уровне группы этносов, и чем больше их древность, тем более гадательными остаются предположе-

ния археологов и этнографов об их этнической принадлежности на уровне предков современных этносов.

Проблема «Алтаистика и археология» в последнее время приобрела особо значимый характер в связи с появлением монографии И. Л. Кызласова с аналогичным названием [Кызласов 2011]. Основываясь на анализе типов жилищ в культурах Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока, И. Л. Кызласов приходит к выводу об отсутствии родства между отдельными группами языков алтайской семьи. Если руководствоваться такими аргументами, то получится, что британский и американский варианты английского языка друг другу не родственны (ведь в Лондоне небоскребов нет), но в американском английском по наличию небоскребов в Нью-Йорке можно искать родство с японским и китайскими языками одновременно… Названия тех жилищ, которыми занимается И. Л. Кызласов, на языках народов, которые их строили, на стенах этих жилищ не начертаны, и они явно не зависят от конструкции самих жилищ. Кроме этого, если верить лингвистическим выкладкам А. М. Щербака, памяти которого посвятил свою книгу И. Л. Кызласов, то нам придется признать древних тюрок пришельцами с неба, ибо их родственные связи среди «земных» этносов А. М. Щербаком так и не были установлены — и в чем же тогда заключен смысл названной работы И. Л. Кызласова, понять будет трудно.

Остановимся на проблемах теории, на которых основывается согласование археологических и историко-лингвистических данных. И. Л. Кызласов пишет, что у московских алтаистов (тех, кого А. М. Щербак любил называть ортодоксальными алтаистами) «… материалы языкознания оказались здесь подчинены давним, но сомнительным построениям ряда историков о тюркоязычности ордосских гуннов и их неведомых предков» [Кызласов 2008, с. 92]. Далее он продолжает «Показанная всем вышеизложенным глубоко зашедшая зависимость филологов от построений исторической науки, подчас довольно зыбких, весьма и весьма огорчительна: для специалистов иных гуманитарных дисциплин особенно ценны заключения, полученные при сравнительно-историческом анализе собственно лингвистического материала, недоступного для полноценной обработки в прочих областях знания. С другой стороны, совершенно понятно и то, что языковедам-алтаистам до сих пор не на что опереться, кроме представлений историков, сложившихся на основании письменных источников — развитие археологии еще недавно не позволяло получить необходимые данные» [Кызласов 2008, с. 98]. Данные утверждения в какой-то мере могут быть и верными, но гуннская проблема, волнующая умы историков и археологов, для алтаистов-компаративистов представляет собой малозначимый эпизод, значимый только в области ал-

тайской палеоэтнолингвистики — и не более того. Язык гуннов не известен, и он не может использоваться в сравнительно-исторических исследованиях как средство объяснения каких-то процессов или фактов. Что же касается исторических связей тюркских и монгольских народов за последние два или полтора тысячеления, то они, сколько бы тут материалов ни привлекали археологи и историки, работающие с письменными текстами, не будут иметь никакого значения для решения алтайской проблемы — точно так же, как российско-германские отношения в XX в. не имеют ни малейшего касательства к индоевропейскому языкознанию.

Как бы в завершение дискуссионных рассуждений И. Л. Кызласов отмечает: «Археология встает на сторону тех языковедов, которые улавливают в близости языков процессы давнего и длительного воздействия изначально разнородных культур» [Кызласов 2009, с. 110 и сл.], см. также: [Кызласов 2011, с. 205–209]. Тут уместен вопрос: а где и когда данные археологии свидетельствовали бы в пользу генетического родства языков — носителей тех или иных культур? Располагает ли археология таким метаязыком, который в глобальном культурогенезе в масштабах континента, культурной провинции или историко-этнографической области позволил бы выявлять гомогенные культуры в период неолита, энеолита и раннего металла и отличать их от продуктов иных культурогенетических центров, заведомо соотносящихся с этносами иных семей и групп? Если лингвисты различают два типа сходств в языках — сходства родственных языков и сходства за счет заимствований, то как это делают и как это будут делать археологи — в целом непонятно. Естественно, что, если археологи ограничиваются констатацией сходств контактного типа, и другое в их работах отсутствует, то им более созвучными оказываются теории ареального сходства языков, а не теории генетического родства. Проблема, как выясняется, заключается не в характере языкового и археологического материала, а исключительно в теории и методах археологии как частной научной дисциплины. Показательно, что С. Г. Кляшторный, всю жизнь занимавшийся историей тюркских и монгольских народов и археологией [Кляшторный 1964; 2006; 2010; Кляшторный, Савинов 2005], направленной на поиски предков тюрок и монголов, не только никогда не высказывался против ортодоксальной алтаистики, но с вниманием относится к разысканиям алтаистов.

Критика алтайской теории, представленная в работах И. Л. Кызласова, неубедительна по многим причинам. Во-первых, небесспорными выглядят идентификации археологических культур с этносами, во-вторых, не учитывается вариантность общеалтайской реконструкции в работах разных исследователей и ее общий, в том числе потенциальный прогресс,

в-третьих, тюркская реконструкция А. М. Щербака, как известно, также не оказывается единственной и с момента своего появления является далеко не общепринятой — не случайно с рубежа 1970-х — 1980-х гг. появляются новые сравнительно-исторические грамматики тюркских языков [Серебренников, Гаджиева 1979; Сравнительно-историческая грамматика 1984; 1988], отличающиеся от сочинений А. М. Щербака и содержанием, и богатством привлекаемого материала. Как и А. М. Щербак, не сказавший ничего о тюркском глоттогенезе, И. Л. Кызласов не смог ничего сказать о сепаратном этногенезе прототюрок вне алтайской семьи: бесперспективность поисков в этой сфере очевидна.

Рассмотрение слов со значением «дом» в тюркских языках дает следующие результаты:

В словаре Э. В. Севортяна [Севортян 1974, том 1, с. 513–515] в одно гнездо с трудно понимаемым заголовком *θЙ*, осложняющим поиск статьи даже для квалифицированных читателей, включены три (!) исторически разных формы названия дома, восходящие к разным лексемам, но имеющие параллели в названиях жилища и его частей в большинстве алтайских языков:

1) тюрк. *eb* «дом» соответствует тунг.-маньчж. *элбэк* «чум, покрышка чума», что указывает на общеалтайскую форму *elbe-k;

2) тюрк. *ög* «дом» имеет параллель в монгольском *örügen* ‘комната’; возможно, форма **örügen* в данном случае и выступает в качестве праформы-архетипа, как множество архаичных монгольских форм внешне совпадает с общеалтайскими праформами или очень бюлизко к ним;

3) тюрк. **ju,* в производном *jurt* «дом, владение, земля, страна» соотносится с тунг.-маньч. *зу*: «дом», корейск. *чип* «дом», нивхск. амур. *тыф* «дом», сахалин. *таф* «дом» (< общенивх. **тип*), сюда же относится якут. *дьиэ* «дом», заимствованое из тюркских языков иного (неякутского) типа. Реконструкция праформы тут затруднена, но отождествление слов особых проблем не вызывает.

Таким образом, все три тюркские лексемы со значением «дом, жилище» обнаруживают в других группах алтайских языков параллели, не являющиеся следствием заимствований. Эти факты ставят под ожидаемое сомнение вопрос, можно ли разрешить алтайскую проблему методом анализа жилых построек. Изоглоссы контактного типа тут не выстраиваются: контактирование тюрок-огузов, занимающих запад заселенной тюрками территории, с тунгусо-маньчжурскими народами выглядит сомнительным.

Археологические данные о культурах Центральной Азии (Южная Сибирь, Монголия и сопредельные территории, Дальний Восток) как в силу особенностей самого археологического материала неолита, энеолита

и раннего металла, так и в силу специфики регионов как географических провинций и иситорико-этнографических областей, в принципе не могут дать решения вопроса о родстве и характере связей алтайских языков и народов. Десятки выявленных культур в хронологическом пространстве в 6–8 тысяч лет, на огромной территории, при динамике смены мнений в археологии и в связанной с ней исторической этнографии в принципе не позволят археологам ни найти консенсус между собой внутри корпорации, ни согласовать свои данные с данными других дисциплин. Решающая роль в освещении алтайской теории принадлежит лингвистам-компаративистам, оперирующим нетривиальными, неочевидными системными сходствами в языковом материале и лишь изредка обращающимся к лингвокультуре и палеолингвистическим реконструкциям, не имеющим решающей доказательности в обсуждении проблемы и служащим лишь украшением специальных исследований.

Библиорафия

1. Алексеев, Гохман 1984: *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984.

2. Байтасов 2014: *Байтасов Р. Р.* Тюркские языки: проблема родства с алтайскими, малайско-полинезийскими, индоевропейскими и некоторыми другими языками Евразии // Проблемы современной науки и образования. 2014. Вып. 4 (22) / 2014. http://cyberleninka.ru/article/n/tyurkskie-yazyki-problema-rodstva-s-altayskimi-malaysko-polineziyskimi-indoevropeyskimi-i-nekotorymi-drugimi-yazykami-evrazii.pdf

3. Бурыкин 2014: *Бурыкин А. А.* О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки // Вестник Угроведения № 4 (19) 2014. С. 21–30.

4. Бутылов 2006: *Бутылов Н. В.* Иноязычная лексика в мордовских языках. Автореф. дис. … докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2006.

5. Викторова 1980: *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. Л., 1980.

6. Владимирцов 1911: *Владимирцов Б. Я.* Турецкие элементы в монгольском языке // Записки восточного отделения Русского археологического общества. Т. 20, вып. 2–3. СПб., 1911. С. 153–184.

7. Владимирцов 1929: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.

8. Грунтов 2007: *Грунтов И. А.* Общее наследие и заимствования. Древнейшие тюрко-монгольские заимствования: обязательны ли радикальные решения? // Проблемы исторического развития лексики монгольских языков. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–26 сентября 2007 г.). СПб., 2007. С. 44–50.

9. Дыбо 2007: *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрок. М., 2007.

10. Кляшторный 1964*: Кляшторный* С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

11. Кляшторный 2006: *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. М., 2006.

12. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.

13. Кляшторный, Савинов 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

14. Котвич 1962: *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

15. Кызласов 2008: *Кызласов И. Л.* Новые поиски в алтаистике I. Разработки лингвистов-тюркологов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. Под ред. В. И. Соёнова, В. П. Ойношева. Горно-Алтайск, 2008. С. 88–102.

16. Кызласов 2009: *Кызласов И. Л.* Новые поиски в алтаистике II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии: сборник научных трудов. № 1–2 (13–14). Горно-Алтайск, 2009. С. 95–130.

17. Кызласов 201: *Кызласов И. Л.* Алтаистика и археология. М., 2011.

18. Насипов 2009а: *Насипов И. С.* Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань, 2009.

19. Насипов 2009б: *Насипов И. С.* Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке. Стерлитамак, 2009.

20. Насипов 2010: *Насипов И. С.* Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия. Автореф. дис. … докт. филол. наук. Казань, 2010.

21. Новгородов 2009: *Новгородов И. Н.* Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи. Автореф. дис. … докт. филол. наук. Казань, 2009

22. Рассадин 2004: *Рассадин В. И.* О характере тюрко-монгольских языковых отношений // Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов. Улан-Удэ, 2004. С. 132–149.

23. Рассадин 2007–2008: *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1–2. Элиста, 2007, 2008.

24. Рычков 2004: *Рычков С. Ю.* Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Прибайкалья эпохи неолита: Автореф. дис. … канд. биол. наук. М., 2004.

25. Серебренников, Гаджиева 1979: *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979. 2-е издание: М., 1986.

26. Старостин 1991: *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.

27. Севортян 1974: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

28. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.

29. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.

30. Сывороткин 2005: *Сывороткин М. М.* Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона: дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2005.

31. Тараканов 1985: *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты. Автореф. дис. докт. филол наук. Устинов, 1985.

32. Тараканов 1993: *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь). Ижевск, 1993.

33. Татаринцев 1976. *Татаринцев Б. И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976.

34. Федорова 1995: *Федорова С. А.* Белки, специфически связывающиеся с регуляторной областью гена триптофаноксигеназы крысы. Автореферат дис. ... канд. биол. наук . СПб., 1995.

35. Федорова 2008: *Федорова С. А.* Этногеномика коренных народов Республики Саха (Якутия). Автореф. дис. … докт. биол. наук. Якутск, 2008.

36. Федорова 2009: *Федорова С. А.* Якуты: генетические реконструкции в сравнении с историческими // Наука и техника в Якутии. № 2(17) 2009. С. 9–14.

37. Федотов 1990: *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.

38. EDAL 2003. Etymological Dictionary of the Altaic Languages, 3 Vols. / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak (Handbook of Oriental Studies / Handbuch der Orientalistik — Part 8: Uralic & Central Asian Studies, 8). Leiden. 2003.

Aleksey A. Burykin

THE ALTAIC THEORY FROM THE POINT OF VIEW OF COMPARATIVE–HISTORICAL LINGUISTICS, AREAL LINGUISTICS AND ADJACENT HUMANITARIAN DISCIPLINES

Abstract: *The subject of the article is the so-called Altaic theory, or to be exact —the theory of genetic relationship of Turkic, Mongolian, Tungus-Manchu, Korean and Japanese languages in its connection with related subjects: ethnography and archeology. The author marks the advanced achievements in the field of altaistics as linguistics science, writes that areal problems of interrelations of the Altaic languages are not connected with the question of their affinity or common origin, shows that the criticism of the Altaic theory initiated in the recent years by some archeologists is unpersuasive, and house names in the Altaic languages confirm the Altaic theory from the linguistic point of view.*

Keywords: *the Altaic languages, genetic affinity, areal linguistics, areal communications, language contacts, archeology, anthropology, folklore, ethnography*

Р. М. Валеев, О. Д. Василюк

ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. Е. КРЫМСКОГО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Аннотация. *Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью изучения истории развития тюркологии в современном мире. Это предполагает учёт достижений российских и европейских востоковедов рубежа XIX–XX вв. Цель статьи заключается в том, чтобы дать обзор тюркологическому наследию академика А. Е. Крымского и оценить его вклад в российское и украинское востоковедение. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является проблемно-тематический подход, а также сравнительно-исторический принцип. Основные результаты исследования заключаются в системном описании его трудов по тюркологии. Основное внимание уделено разнообразным материалам, написанным им во время работы в Лазаревском институте восточных языков и в Украинской академии наук. Выявлены научные направления его основных тюркологических штудий. Материалы статьи могут быть полезными для изучения истории мировой тюркологии, для преподавания языков, истории, литературы и культуры тюркских народов*

Ключевые слова: *Россия, Украина, Восток, тюркология, А. Е. Крымский, литература, история, язык*

Исследование тюркского социополитического, культурного и этнолингвистического пространства Евразии является давней и значимой традицией практических, академических и университетских центров России и Европы, в том числе Украины. Особо важную роль тюркское политическое и культурное наследие играло в истории и культуре народов России, Украины и современных тюркских государств. Известные государства и общества тюркского мира (Тюркские каганаты, Волжская Булгария, Улус Джучи, Османская империя и другие государства средневековья и нового времени), географические и историко-культурные регионы традиционного проживания тюркских народов Российской империи и в целом Евразии стали объектом и предметом исследования российских и европейских востоковедов-тюркологов XIX — нач. XX в. Исключительную роль в институционализации и профессионализации мировой тюркологии сыграл А. Е. Крымский (1871–1942) [Бартольд 1925].

В истории российской и украинской тюркологии А. Е. Крымский занимает особое место. Жизнь и биография российского и украинского арабиста, ираниста, тюрколога и слависта связаны с двумя периодами — московским, до осени 1918 г., и с киевским. Знаток арабо-мусульманских языков, он создал капитальные труды по истории арабов, персов, тюрок и других народов [Крачковский 1958].

А. П. Базиянц, выделяя особый исследовательский интерес московской школы востоковедов к современному Востоку, писал: «Наиболее ярким представителем этого направления, этой новой школы московского востоковедения на рубеже двух столетий был А. Е. Крымский» [Базиянц 1973, с. 122–123].

В московском Лазаревском институте восточных языков (1889–1892) он изучал арабскую филологию, арабскую литературу и ислам. Персидский язык и литература, турецкий язык и литература также были в центре его востоковедческого образования [Базиянц 1973]. Тюркским наследием А. Е. Крымский интересовался с детства. Его предок, татарский мулла, в конце XVII в. переселился из Бахчисарая в Белоруссию (Речь Посполитую). В 1871 г. Ефим Крымский как учитель был переведен из Литвы на Волынь, где и родился его сын Агафангел Крымский. В своих письмах А. Е. Крымский отмечал, что, сохранившиеся через несколько поколений характерные восточные черты лица и у отца, и у него, не давали ему забыть свои корни. Он считал тюркологию очень важной для себя [Гурницкий 1980; Епістолярна... 2005; Василюк 2006; Циганкова 2007].

Истоки тюркологической деятельности А. Е. Крымского связаны с «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона. Его первые тюркологические работы: «Кадын» (1894), «Кылыдж-Арслан I», «Кылыдж-Арслан II» (1896), «Магомет I» (1896) и другие были напечатаны в этом известном словаре. Для российских энциклопедий рубежа XIX–XX вв. было написано более 200 статей, из них около 70 были посвящены тюркологии [Василюк 2006].

Следующая особенность тюркологических исследований была связана с тем, что работы А. Е. Крымского начинались как пособия для студентов Лазаревского института восточных языков (1898–1918 гг.). Это «Грамматика турецкого языка», хранящаяся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Он не раз обращался к подготовленному тексту, все больше совершенствуя его (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25306, Грамматика турецкого языка, 255 л.). «Научно-практический курс турецкого языка» состоит из шести рукописных тетрадей на украинском языке (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25333, Научно-практический курс турецкого языка, 120 л.). В начале 1920-х гг. А. Е. Крымский готовил свой курс турецкого языка для преподавания украинским студентам. Эти рукописи интересны тем, что, излагая материал, он начал формировать украинскую научную терминологию (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25320, Практическая грамматика турецкого языка, 57 л.). Также можно обратить внимание на другие его интересные рукописные материалы по

тюркологии (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25299, Турецкий язык, 24 л.; д. 25336, Турецкие слова, 144 л.; д. 25338, Турецкий язык. Тетради для практических занятий, 28 л.).

Истоки его фундаментального исследования «История Турции и её литературы» также связаны с лекциями для студентов. Вначале Крымский издаёт вторую часть работы — «От расцвета до начала упадка» [Крымский 1910], а следом выходит первая часть — «От возникновения до начала рассвета» [Крымский 1916].

Крымский начинает изложение с определения, что турецкое (или тюркское) племя очень многочисленно и расселилось от гор Алтая (своей родины) и границ Китая — до славянских и греческих областей на Балканском полуострове. Крымский считает, что более всех продвинулись в сторону Европы те турки, которые двигались со своей исторической родины не на Урал-Волгу, Дон и Черноморские степи, а на среднеазиатскую реку Амур-Дарью, через неё в Персию (Иран) и далее в Малую Азию (Крымский 1916, с. 3–4, 8–10).

Основное внимание к оригинальным источникам — характерная черта работ А. Е. Крымского. В своих исследованиях он опирается как на восточные, так и на славянские и западноевропейские источники. В сборнике «Царьград» А. Е. Крымский размещает свой очерк «История Турции». Он отмечает, что, став союзником Германии, Турция рискует в случае поражения быть окончательно изгнанной из Европы [Крымский 1915].

После переезда в Киев в 1918 г. А. Е. Крымский принимал активное участие в создании Украинской академии наук. Современники отмечали, что именно благодаря его усилиям удалось сохранить и развить национальную академию.

Следует обратить внимание на новый этап его востоковедческих, в том числе тюркологических исследований.

В 1924 г. была опубликована «История Турции с 13 рисунками, взятыми по большей мере из старопечатных изданий XVI–XVIII вв.» на украинском языке. В 1926–1927 гг. издаются также на украинском языке работы — «Вступление к «Истории Турции», «История Турции и её писательства», «Из истории турецкого писательства XVI в.» и др.

В 1934–1935 гг. он готовился написать большую работу по истории новоосманской литературы до современности, с анализом причин упадка турецкой литературы [Циганкова 2007]. Полная рукопись не сохранилась. В ИР НБУ им. В. И. Вернадского текст «Новоосманская литература» представляет 12 листов машинописи на русском языке и 13 листов рукописного текста на украинском языке. А. Е. Крымский пишет, что в XIX в. в турецкой

литературе заметно европейское влияние. Он анализирует произведения Ахмеда Вефик-паши, Шинаси, Намыка Кемаль-бея, Абдульхака Хамида, Махмуда Экрема, Ахмеда Мидхата и других известных писателей (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25334, Новоосманская литература, 28 л.).

К концу 1930-х годов относятся публикации А. Е. Крымского, посвящённые литературам и языкам тюркоязычных народов СССР. Личный интерес тюрколога к этому направлению прослеживается в архивных фондах ИР НБУ им. В. И. Вернадского (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 26674) [Циганкова 2007].

Дадим краткий обзор некоторых архивных материалов. Работа «Башкирский язык и литература» написана в 1938 г. Он описывает произведения своих современников — А. Тагирова, Д. Давлетшина, Д. Юлтыева, М. Гафури и многих других писателей и поэтов Башкирии (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25563, Башкирский язык и литература, 26 л.).

Статья «Туркменская литература» хранится в двух архивных делах. Например, А. Е. Крымский анализирует творчество Махтум-кули и туркменских поэтов (Шейдаи, Караджоглан, Майруфи, Кемине). Тюрколог завершает свой анализ выводом о том, что, хотя русская администрация и создала в Ашхабаде и крае свои школы, но не создала основы для формирования новой туркменской литературы, и, возможно, новая власть поможет рождению новых поэтов и писателей (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25572, Туркменская литература, 14 л.).

Небольшая статья «Литература Туркестана» также написана в 1930-е годы. В ней А. Е. Крымский анализирует антологию «Маджма-и шуара», где были собраны различные произведения среднеазиатских авторов. Он отмечает, что под влиянием казанских татар и азербайджанцев в Туркестане возникает театр. В целом А. Е. Крымский анализирует творчество современных ему писателей и драматургов — Фитрата, Абдуллы Бадри, Чулпана, Гуляма Зафари, Гази Юнуса, Уйгура и др. Также украинский тюрколог особо отмечает появление исторических статей и монографий авторов, анализирует периодику советской Средней Азии (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25652, Литература Туркестана, 11 л.).

Рукописную статью «Азербайджанская литература» Агафангел Ефимович начинает с тезиса о том, что азербайджанская литература тесно переплетается с османской традицией. В центре его исследовательского внимания творчество «Фузули, Месихи, Кавси Тебризского, Касым-бека Закира, Вели Видади, Панаха Вакыфа» и других представителей современной азербайджанской литературы (ИР НБУ им. В. И Вернадского, ф. I, д. 25512, Азербайджанская литература, 21 л.).

В 1930 г. А. Е. Крымский публикует несколько своих статей: «Страницы из истории Крыма и крымских татар», «К истории нынешней 25% татарской людности в Крыму», «Литература крымских татар». Он стал одним из первых тюркологов в изучении крымско-татарской литературы. Статью он начинает с положения о том, что, хотя представители Крымского ханства и участвовали в создании литературы Золотой Орды, всё же эпоху крымскотатарской литературы следует начинать с эпохи Гиреев. Новую крымскотатарскую литературу он начинает с Исмаил-бея Гаспринского и тех, кто был авторами статей в журнале «Тарджиман».

К 1926 г. относится рукопись «История крымских эснафов (цехов)», хранящаяся в ИР НБУ им. В. И. Вернадского. В ней автор исследует экономическую жизнь на полуострове в XVI–XVIII вв., показывая бурный рост торговли и ремесла в городах Кафа, Бахчисарай, Карасубазар и в целом экономики Крыма [Кримський 2010а].

Огромный интерес представляют его статьи «Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании) [Кабала]» и «Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки», которые были напечатаны в юбилейных сборниках С. Ф. Ольденбурга (1934) и Н. Я. Марра (1938). Тюрколог подготовил труд «История кавказского Азербайджана, начиная эпохой клинописных времен и кончая эпохой иранских шахов Сефевидов». По утверждению Крымского рукопись была закончена (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д 22404, Автобіографія, 10 л.). К сожалению, сохранились лишь отдельные фрагменты, хранящиеся в ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Также сохранившийся текст «Истории албанцев или Кавказского Азербайджана» был подготовлен к публикации [Крымский 1934; Крымский 1938] (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. XXXVI, д. 14, 324 л.).

А. Е. Крымский также уделял внимание вопросам этнографии. Фольклору тюркских народов посвящены его небольшие опубликованные и рукописные работы. Этой теме посвящена ранняя работа А. Е. Крымского, неполный перевод книги У. А. Клоустона «Народные сказки и придумки. Их миграции и перемены». В интересной рукописной статье «Народная словесность [о тюркских племенах]» А. Е. Крымский исследует творчество азербайджанских ашиков и других народных певцов, фольклорные памятники тюркских народов (ИР НБУ им. В. И. Вернадского, ф. I, д. 25341, Народная словесность [о тюркских племенах], 30 л.).

Освещая историю российской и украинской тюркологии, и особенно тюркологическое наследие Агафангела Крымского, не перестаешь удивляться многообразию его интересов. Сегодня многие из его работ стали

библиографической редкостью. К великому сожалению, имя выдающегося востоковеда долгие годы было под запретом. В вышедшем к 100-летию выдающегося тюрколога в Киеве пятитомнике были напечатаны и его тюркологические труды. В 1996 г. опубликована «История Турции» на украинском языке по изданию 1924 г. В 2007–2010 гг. Институт востоковедения им. А. Е. Крымского издал два тома его основных тюркологических исследований [Кримський 2010а; Кримський 2010б; Кримський 2010в].

Исследование научного наследия Агафангела Ефимовича Крымского, неотъемлемой и важной частью которого является тюркология, продолжается. Важно в перспективе напечатать все его неизданные работы. На современном этапе развития мировой тюркологии его наследие имеет историко-научное, историографическое и культурное значение. Его творчество имеет огромное значение для развития политических и культурных связей народов России и Украины. Для авторов данной статьи в перспективе имеет особое значение поиск, подготовка и издание эпистолярного наследия А. Е. Крымского российским востоковедам XIX — начала XX вв. — В. Р. Розену, В. В. Бартольду, П. К. Коковцеву, Ф. Е. Коршу и другим известным деятелям отечественной науки и культуры (А А. Шахматов, В. П. Бузескул и др.).

Список сокращений

ИР НБУ им. В. И. Вернадского — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского

Библиография

1. Базиянц 1973: *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

2. Бартольд 1925: *Бартольд. В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции читанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. 2-е издание. Л., 1925.

3. Василюк 2006: *Василюк О. Д.* Агатангел Кримський та «Энциклопедический словарь» Брокгауза-Єфрона, Агатангел Кримський. Нариси життя і творчости. Киев, 2006. С. 435–442.

4. Гурницкий 1980: *Гурницкий К. И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980.

5. Епістолярна… 2005: Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890–1941 рр.). Т. II (1918–1941 рр.). Киев., 2005.

6. Крачковский 1958: *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. Избранные сочинения. Т. V. М.–Л., 1958.

7. Кримський 2010а: *Кримський А. Ю.* История крымских эснафов (цехов), Вибрані сходознавчі праці. Т. III. Киев, 2010. С. 335–346.

8. Кримський 2010б: *Кримський А.* Тюрки, їх мови і літератури, Вибрані сходознавчі праці Т. III. Киев, 2010. С. 205–267.

9. Кримський 2010в: *Кримський А.* Тюрки. Тюркские литературы. Тюркские языки, Вибрані сходознавчі праці. Т. III. Киев, 2010. С. 89–203.

10. Крымский 1910: *Крымский А.* История Турции и её литературы. От расцвета до начала упадка. М., 1910.

11. Крымский 1915: *Крымский А.* История Турции, Царьград. М., 1915. С. 3–34.

12. Крымский 1916: *Крымский А.* История Турции и её литературы (от возникновения до начала расцвета). М., 1916.

13. Крымский 1934: *Крымский А.* Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании) [Кабала]. Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932. М., 1934. С. 280–305.

14. Крымский 1938: *Крымский А.* Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки. Памяти академика Н. Я. Марра (1864–1934). М., 1938.С. 369–384.

15. Циганкова 2007: *Циганкова Е.* Сходознавчі установи в Україні. Радянський період. Киев, 2007.

Ramil' M. Valeev, Ol'ga Vasilyuk

THE TURKOLOGICAL LEGACY OF A. KRYMSKY AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Abstract: *The relevance of the research problem is due to the need to study the history of the development of Turkic studies in the modern world. This involves the consideration of the achievements of Russian and European orientalists of the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The purpose of this article is to give an overview of the turkological legacy of academician A. Krymsky and to assess its contribution to the Russian and Ukrainian Oriental studies. The leading approach to the study of this problem is the problem-thematic approach, as well as the comparative historical principle. The main result of the research is the systematic description of the scholar's works on Turkology. The article focuses on the variety of materials written during his work at the Lazarev Institute of Oriental languages and at the Ukrainian Academy of Sciences, and identifies the main research areas of his Turkological studies.*

Key words: *Russia, Ukraine, East, Turkic studies, A. Krymsky, literature, history, language*

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

ХОНЫ СЕВЕРО–ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА И НАЧАЛО ЗАРОЖДЕНИЯ ТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. *В статье обосновывается положение о том, что письменность тюрко-булгарского этноса hонов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана была наиболее ранней среди тюркских народов в условиях, когда первые собственно (восточно-) тюркоязычные рунические памятники относятся ко времени не ранее VI в. Сами hоны являются одним из компонентов, на основе которого в дальнейшем сложился кумыкский народ. В работе используется широкий круг как исторических, так и языковых источников.*

Ключевые слова: *hоны, кумыки, Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, происхождение тюркской письменности.*

Вопрос о начале зарождения тюркской письменной традиции еще не получил окончательного решения. Причем, как отмечал еще А. М. Щербак [Щербак 1971, с. 81], «наиболее ранние и более или менее достоверные сведения о тюркском письме, или точнее письме гуннов, среди которых несомненно были тюрки, относятся к VI в. Их приводит в своем сочинении Захарий Ритор». Вслед за ним А. Н. Кононов [Кононов 1980, с. 7], дословно цитируя высказывание составителя сирийской хроники (середина VI в. н. э.) «Захария Метиленского, или Захария Ритора о том, что «у гуннов лет двадцать тому назад или больше вышло писание на их языке», указывал: «Не исключено, что речь идет о тюркском письме или о письменности тюрков, входивших значительным компонентом в гуннский союз. Источником сведений составителя хроники были «сообщения лиц, побывавших в гуннских пределах…». Он же ссылается на мнение Н. В. Пигулевской, согласно которому «весьма вероятно, что и гуннское и тюркское письмо … было согдо-манихейское или согдийское».

Примерно в то же время В. Л. Гукасян [Гукасян 1981, с. 76, 84] указал на факт, до сих пор не привлекший должного внимания языковедов. Речь идет о том, что письменные источники раннего средневековья сообщают о существовании тюркской письменности, созданной в первой четверти VI в. н. э. аранским (то есть азербайджанским) епископом Кардостом для гуннов Северного Азербайджана и Юго-Восточного Дагестана (в другой части своей работы он называет его азербайджанцем).

В. Л. Гукасян обращает внимание и на другой немаловажный факт, отмеченный Н. В. Пигулевской [Пигулевская 1941, с.10–11]: «Хроника»

Захария Ритора, относящаяся к 60-м годам VI в., была компилятивной, и в ней повторялись сведения, изложенные в более ранней «Истории» Захария Ритора, охватывающей события 436–491 гг.

Вышеупомянутые и иные относящиеся сюда сведения до сих пор не принимаются во внимание тюркологами. В последнем случае речь идет и о недавних публикациях автора данной статьи, содержание которых так и не вызвало отклика у других специалистов по истории тюркской письменности [Гусейнов 2010а; Гусейнов 2010б].

Обычно полагают, что самые ранние датированные древнетюркские рунические памятники относятся к VIII в., по данным китайских хроник VI–VII вв., отмечается наличие письменности неизвестного происхождения у народа ху, под которым понимаются различные этносы (древние тюрки, теле или согдийцы), что связывается с событиями второй половины VI в. Известны и другие китайские свидетельства о письменности у тюрок в VI в., в частности, получение «Нирванасутры» из Северной Ци., переведенной на тюркский язык каганом Тобо (Таспаром) (572–581 гг.), которому посвящена известная Бугутская надпись 582 г. из Центральной Монголии. Неизвестно, была ли это транскрипция китайскими знаками, применялось ли руническое, согдийское или уже «уйгурское» письмо. О существовании у тюрок письменности к 60-м годам того же века говорят и византийские источники, в которых упоминаются доставленные согдийцем Маниахом письма кагана Истеми к императору Юстину II, а также письмо еще одного кагана к императору Маврикию, обычно относящееся к 589 г. [Кызласов 1998, с. 73–74].

Согласно другому мнению [Гузеев, Кляшторный 2009, с. 146, 158], возникновение древнетюркского рунического письма, автохтонного, как полагают, происхождения, относится приблизительно к середине VII в. н. э. До этого времени в первом Тюркском каганате в качестве языка канцелярии функционировали, как о том свидетельствует Бугутская надпись (см. выше), согдийский язык и согдийская письменность. Причем, по данным китайских династийных хроник, у тюрок в VI в. существовало две разновидности письма. Первая - похожая на письмо народности ху (т. е. согдийцев), и вторая — знаки на деревянных палочках (дощечках), употреблявшиеся для фискальных целей. В дальнейшем, в VIII–IX вв., заимствование курсивного согдийского письма и его приспособление к тюркскому языку с последующим использованием его как для деловых, так и религиозных текстов привели затем, в IX–X вв., к созданию т. н. древнеуйгурского письма.

В конечном счете, уже в 544 г. н. э., после семилетнего пребывания в «стране гуннов» участники миссии «Кардоста, епископа земли Аран», «об-

ласти Албании, находившейся под властью персидских царей», «выпустили там, — как сообщает сирийский автор Псевдо-Захария (или Захария Ритор) — писание на гуннском языке». Причем, по пути в «страну гуннов», «они не вошли в [Каспийские, Дербентские, как полагает Н. В. Пигулевская [1939, с. 113] ворота, но были проведены через горы… Когда они прибыли, они говорили с пленными, многих окрестили и обучали (некоторых) из гуннов» [Пигулевская 1941, с. 166]. В другой своей публикации Н. В. Пигулевская [Пигулевская 1939, с. 114] указывает: «Тогда же, очевидно, происходило усвоение пришельцами гуннского языка… Относительно языка перевода сомнений не возникает: это гуннский язык…» [Пигулевская 1939, с. 114].

Известна и поддерживаемая Ю. Р. Джафаровым [Джафаров 1993, с. 41] точка зрения М. И. Артамонова [Артамонов 1962, с. 93, прим. 76], согласно которой «Писание» было выпущено около 520 г., что позволяет предполагать еще более древнюю его датировку. Однако в самом вышеупомянутом первоисточнике, хронике жителя сирийского города Амида (г. Диярбакыр на юго-востоке нынешней Турции) Псевдо-Захарии, написанной, как и следовало ожидать, на западном (яковитском) варианте сирийского письма, гунны именуются *Hūnūyē* [см. Алемань 2003, с. 506]. В данном этнониме гласному звуку [ū] в соответствии с восточным (несторианским) чтением сирийского письма должен отвечать звук [ō], а также суффикс -ai и окончание -ā [Гранде 1972, с. 361, 362, 367], что позволяет предполагать исходное звучание *hōn-. Речь тем самым идет о hонах, которые еще до этого упоминаются на Северо-Восточном Кавказе и в нынешнем Дагестане армянскими авторами V в. Егише и Фавстосом Бузандом [Волкова 1973, с. 128] в связи с аналогичными по смыслу (попытка распространения христианства) событиями 30–40-х гг. IV в., что неправомерно интерпретируется [Гмыря 2009, с. 87–101] как один из эпизодов «интеграции» гуннских (hонских) племен, якобы «внедрившихся в район Северо-Западного Прикаспия в период со II–III по начало VI в.».

Эти события имели место до начала продвижения в 70-х гг. IV в. собственно (центральноазиатских) гуннов в Европу, которые именовались иначе, чем hон′ы — *hung-nu* [Тенишев 1997, с. 52] и соответственно по-гречески — *Húnnoi*, латински — *Chunni*, *Hunni* [Большая советская энциклопедия 1972, с. 450], что и легло в основу русской транслитерации гунн, посредством которой и обозначаются традиционно у Л. Б. Гмыри и других авторов hон′ы. Именно последних следует иметь в виду и в связи с упоминанием армянским историком Моисеем Хоренским нахождения в 30–40-х гг. IV в. в северных пограничных районах Кавказской Албании, куда была направлена веком позже миссия Кардоста, «владения гуннов» [Гмыря 2009, с. 106].

Не случайно И. Л. Кызласов [Кызласов 1998, с. 75], вполне обоснованно задаваясь вопросом, почему наиболее ранние свидетельства о письменности обнаруживаются в описаниях народа *türk*, выражает сомнение в тюркоязычности других этносов региона — жуань-жуаней (аваров) или гуннов. Причем в IV–XIII вв. Кавказская Албания локализуется по течению р. Куры у юго-западных пределов нынешнего Дагестана, но в условиях, когда юго-западный Прикаспий не входил в ее состав [Коряков 2006, карта 15]. Это позволяет предполагать проживание гуннов (hонов) в части Закавказья, прилегающей к юго-западному Дагестану, и в последующее, в период миссии Кардоста, время. Поэтому она не вошла в (Каспийские, Дербентские) ворота, но была проведена через горы, возможно, в северные пограничные, до реки Куры, районы Кавказской Албании. Обстановка в них, видимо, в силу этого носила достаточно напряженный характер, ибо по пути, как указывает Псевдо-Захария [Пигулевская 1939, с. 114–115] было «нельзя найти покойного местопребывания».

Не исключено, что письменность в «стране гуннов» появилась раньше вышеупомянутого времени, а также имевшего место в начале V в. (точнее, согласно армянским первоисточникам (Корюн, Хоренаци, Каганкатваци), в 420–422 гг. [Агванское письмо] создания армянским просветителем Месропом Маштоцем албанского алфавита [Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996, с. 145], если принять во внимание сведения латинского христианского писателя Евсевия Иеронима, относящиеся к рубежу IV–V вв.: «Отложил колчаны армянин, гунны изучают Псалтирь…» (этот христианский святой жил в Вифлееме с 386 г. до самой смерти там же в 420 г., и его сведения могут считаться достаточно надежными). Подобная возможность тем более вероятна, так как к 410 г. относят деятельность «епископа гуннов» Иунана, которая, вероятно, была не столь успешной, ибо, как указывает Мовсес Каланкатуаци, к 30-м гг. V в. язычество среди «варварских племен Восточного края» возрождается [Гмыря 2009, с. 108–109].

Вместе с тем чрезвычайно маловероятно, чтобы албанский язык был известен тем армянским священникам (см. выше), которые создали позднее, в 520–544-х гг., письменность для гуннов-hонов. Тем более, что алфавитная письменность кавказских албан была создана на одном из ответвлений греческой (или арамейской) графической основы, имеющей типологически общие особенности с древнеармянским и древнегрузинским письмом.

Среди гуннов-hонов наряду с распространением христианства должны были, в принципе, появиться и сопутствующие ему письменность и грамотность, необходимые для чтения богослужебных книг. Трудно предполагать, что в последнем случае (около 410 г.) использовалось армянское письмо, так

как только незадолго до этого, ок. 406 г., Месропом Маштоцем была изобретена собственно армянская письменность, а до этого времени в Армении была известно письмо арамейское в его пехлевийской разновидности [Лэнг 2007, с. 166; Основы 1979, с. 241; Большой энциклопедический словарь 1998, с. 491]. Возможно, именно на нем тогда и были созданы богослужебные книги для hонов на графической основе арамейского, но не албанского, как обычно полагают, языка.

Таким образом, если не принимать во внимание близкие к древнетюркской письменности надписи иссыкского и таласского письма V–III вв. до н. э., письменность hонов Восточного Кавказа была самой ранней среди тюркских народов, ибо первые собственно (восточно-) тюркоязычные рунические памятники относятся, как было показано в предшествующем изложении, ко времени не ранее VI в.

О вытеснении, надо полагать, основной массы хоногур на запад Северного Кавказа свидетельствуют данные «Нового списка Армянской географии» Анания Ширакаци (не ранее конца VII в.), согласно которым к северу от Кубани среди народов «тюрок и болгар, именующихся по названиям рек», упоминаются, наряду с Купи-Булгар (локализуются исследователями на Кубани), Дучи-Булкар и Чдар-Болкар, Огхондор-Блкар-пришельцы. Они считаются историками переместившиеся сюда оногурами (гуннугундурами). Первая (ог-) часть возводящегося таким образом к оногурам (гуннугундурам) этнонима Огхондор-Блкар-пришельцев, корень которого восходит к hонам Дагестана и Центрального Кавказа, упоминаемым еще раньше — в армянских источниках V в., может быть отождествлена не только с тюрк. *aq* «белый», «благородный», имеющим значение «южный» в тюркской географической номенклатуре (ср. вышеупомянутых вгндур-булгар, анлаутное в- в наименовании которых может быть объяснено особенностями армянской графики), но и с обще-, межтюрк. *āγ* — «подниматься (вверх)», т. е. «поднявшиеся вверх — в горы». Это может свидетельствовать о миграции hонов как на юго-запад Кавказа — вгндур(-булгары), так и на запад — к северу от Кубани, а затем на Балканы. Именно хоногуры и переместились к другим булгарским племенам северу от Кубани, где и получили наименование Огхондор-Блкар-пришельцы. Причем в отношении перемещения на Балканы следует принять во внимание сообщение Константина Багрянородного (913–959 гг.), согласно которому болгар на Балканах, пришедших сюда во главе с ханом Аспарухом, раньше называли оногундурами (ср. вышеупомянутых вгндур-булгар), а «имя их стало известным», когда они в конце правления Константина IV (668–685 гг.) переправились через Истр (Дунай). Иначе говоря, как отмечают исследователи, лишь тогда визан-

тийцы узнали, как этот народ именовал себя сам. Причем историческую взаимосвязь этнонимов огхондор/оногур (гуннугундур)/вгндур(-булгары) с вышеупомянутыми hонами поддерживается отмеченными выше закономерностями развития последнего этнонима [Гусейнов 2009].

Библиография

1. Агванское письмо**:** https://ru.wikipedia.org/wiki/Агванское_письмо (Последнее обращение 18.01.2016 г.).

2. Алемань 2003: *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых источниках. М., 2003.

3. Артамонов 1962: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

4. Большая советская энциклопедия 1970: Большая советская энциклопедия. Т. 2. М., 1970.

5. Большой энциклопедический словарь 1988: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998.

6. Волкова 1973: *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

7. Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996: *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана. Махачкала, 1996.

8. Гмыря 2009: *Гмыря Л. Б.* Религиозные представления населения прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. (По данным письменных источников). Махачкала, 2009.

9. Гранде 1972: *Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972.

10. Гукасян 1981: *Гукасян В. Л.* Об одной древнетюркской письменности // Советская тюркология. № 5. 1981. С. 76–84.

11. Гузеев 2009: *Гузеев В. Г., Кляшторный С. Г.* Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник. М., 2009.

12. Гусейнов 2009: *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Об области первоначального расселения протобулгар по историко-лингвистическим данным. К вопросу о древних взаимоотношениях славянских и тюркских языков Северо-Восточного Кавказа // «От античности к Возрождению». Материалы Восьмых Дзагуровских чтений. Сборник трудов кафедры истории стран Европы и Америки. Вып. VII. Махачкала, 2009. С. 31–34.

13. Гусейнов 2010а: *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Кавказ и древнейшая тюркская (булгарская) письменность// II международный конгресс кавказоведов (Кавказская цивилизация — история и современность). Тбилиси, 2010. С. 2–4.

14. Гусейнов 2010б: *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Первая тюркская (древнекумыкская) письменность в контексте лингвоэтногенеза кумыкского народа // Материалы Международной научной конференции «Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона». Т. I. Кызыл, 2010. С. 90–92.

15. Джафаров 1993: *Джафаров Ю. Р.* Гунны и Азербайджан. Баку, 1993.

16. Кононов 1980: *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л., 1980.

17. Коряков 2006: *Коряков Ю. Б.* Атлас кавказских языков. М., 2006.

18. Кызласов 2007: *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. № 2, 1998. С. 71–83.

19. Лэнг 2007: *Лэнг Д.* Армяне. Народ-созидатель. М., 2007.

20. Основы 1979: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

21. Пигулевская 1939: *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. № 1(6). М., 1939. С. 107–115.

22. Пигулевская 1941: *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941.

23. Тенишев 1997: *Тенишев Э. Р.* Гуннов язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 52–52.

24. Щербак 1971: *Щербак А. М.* О рунической письменности в юго-восточной Европе // Советская тюркология. № 4. 1971. С. 73–82.

Garun-Rashid A-K Guseinov

THE HONS OF NORTH–EASTERN CAUCASUS AND DAGHESTAN AND THE BEGINNING OF THE FORMATION OF THE TURKIC WRITING TRADITION

Abstract: *The article substantiates the proposition that the writing of the Turkish-Bulgarian ethnos Hons of Northeast Caucasus and Daghestan was the earliest among the Turkic peoples in the conditions when the first proper (Eastern) Turkic-speaking runic monuments date back to the VI century at the earliest. The Hon people themselves are one of the components on which later formed the Kumyk people of this area. In the article a wide range of both historical and linguistic sources is used.*

Keywords: *Hons, Kumyk, Northeast Caucasus and Daghestan, origin of the Turkic written language.*

Ю. И. Дробышев

КАРАКОРУМ И ВУЛКАН ХОРГО

Аннотация. *В статье высказывается гипотеза о происхождении названия столицы Монгольской империи — города Каракорум от имени ставки уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (747–759 гг.), находившейся посреди священной прародины уйгуров, близ потухшего вулкана Хорго.*

Ключевые слова: *Каракорум, уйгуры, Элетмиш Бильге-каган, вулкан Хорго, Тэрхинская стела, стела из Могон Шине-Усу.*

Среди загадок мировой истории, не имеющих однозначного истолкования, можно, пожалуй, поместить и вопрос о том, почему столица Монгольской империи — город Каракорум получила это имя. Настоящая статья не претендует послужить исчерпывающим ответом на поставленный вопрос. Ее назначение — предложить гипотезу и выдвинуть имеющуюся на данный момент аргументацию. В своих рассуждениях мы исходим из двух постулатов, основанных на анализе источников и массива исследовательской литературы: 1) приказ о постройке Каракорума отдал Чингис-хан около 1220 г., а фактически город начал застраиваться в 1235 г. хаганом Угэдэем; 2) место для закладки города и его имя были предложены уйгурскими советниками Угэдэя.

Тюркские слова «кара» и «корум», входящие в название средневековой монгольской столицы, полисемантичны, поэтому возможны различные толкования значения топонима Каракорум. Мы ограничиваемся рассмотрением только одного, наиболее употребительного значения каждого из них: «кара» — «черный», «корум» — «каменная осыпь»; следовательно, имя города можно перевести как «осыпь черных камней» [Древнетюркский словарь 1969, с. 460; Clauson 1972, с. 643–644, 660][1].

Относительно появления этого названия существует несколько версий, причем расхождения во взглядах начались уже в XIII–XIV вв. В форме Caracoron оно впервые зафиксировано в сообщении Плано Карпини, а его наиболее ранняя трактовка встречается в труде Джувейни, законченном в 1260 г.: «Мнение уйгуров таково, что начало их поколения и приумножения

---

[1] Тюркское слово «корум» вошло в русский язык, в том числе в научную литературу, для обозначения каменных осыпей в горах (иногда их называют «курумниками»). Здесь же можно вспомнить горную систему Каракорум в Центральной Азии на границе Индии, Пакистана и Китая, одну из высочайших в мире (средняя высота более 6 тысяч метров).

было на берегах реки Орхон, стекающей с горы, которую они называют Кара-Корум; город, построенный Каном (Угэдэем — Ю. Д.) в нынешнем веке, тоже зовется по имени этой горы» [Juvaini 1997, с. 54]. Как известно, Орхон берет начало в горах Хангая, следовательно, можно думать, что Хангай и Каракорум — монгольское и тюркское названия одной и той же горной системы, как мы и полагали ранее [Дробышев 2012, с. 19, 20]. Казалось бы, вполне можно удовлетвориться этим объяснением, но, во-первых, сообщение Джувейни требует проверки в свете других источников и, во-вторых, остается неясным, почему эти горы были названы именно так. Если мы придерживаемся вышеуказанного значения слова «каракорум», то возникают новые вопросы: где там находятся черные осыпи, достаточно большие, чтобы по ним дать название всей горной системе, и почему монгольский хаган и его свита приняли предложение уйгуров о наименовании своей столицы Каракорумом — словом из чужого языка?

Позже была высказана другая точка зрения. В «Юань ши» имеется утверждение, что Каракорум получил свое название в связи с тем, что к западу от него протекает речка Ха-ла хэ-линь (Qara Qorum) [*Мункуев* 1965, с. 125]. Это высказывание было убедительно опровергнуто П. Пелльо [Pelliot 1959, с. 166]. Однако оно могло быть не столько ошибочно прочитано, сколько неверно интерпретировано. Западнее Каракорума, действительно, имеется река, которая вполне могла так называться. Это современный Чулуут, или Каменная река, тоже стекающая с северного макросклона Хангая и впадающая в Идэр и, далее, в Селенгу. Местами река течет в глубоком, до 30–40 м, каньоне, проточенном в черных базальтах, и ее обрывистые берега представляют собой черные каменные осыпи. Современное название этой реки монгольское; какое имя она носила в древнетюркскую и уйгурскую эпохи, нам неизвестно, но можно предположить, что слово «каракорум» могло в нем присутствовать. Пожалуй, действительно серьезная неувязка, сильно снижающая ценность китайского сообщения, заключается в довольно большом расстоянии, разделяющем Каракорум и Чулуут, причем между ними, помимо Орхона, находятся еще реки Хануй и Тамир.

Оба варианта рассматриваются в последние годы большинством монгольских ученых как исходные для дальнейших изысканий, причем многие склоняются к мнению, что правильным вариантом написания должно быть не Хархорум, а Хар хүрэм. Слово «хүрэм» в современном монгольском языке означает «базальт, базальтовый», и этот факт служит основой нередко высказываемых предположений, что наличие в Хангае базальтов и было причиной назвать монгольскую столицу в XIII в. именно так [Жамсран 2003, х. 3–6]. Однако данное мнение следует признать ошибочным, посколь-

ку превращение тюркского «корум» в монгольское «хүрэм» невозможно, так как эти слова относятся к разным гармоническим рядам[1]. Кроме того, базальты выходят на поверхность достаточно далеко от Каракорума. Возвышающаяся западнее гора Малахитэ в этом отношении не выделяется среди других таких же гор; нет выдающихся черных осыпей на Эрдэни-уле и других окрестных горах.

Ближайшее место, вполне соответствующее понятию «*каракорум*», расположено в сомоне Тариат Архангайского аймака в трех километрах восточнее озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур. Это большое, площадью в несколько квадратных километров, зрелищное поле черной застывшей лавы с лиственничным редколесьем, распростершееся у подножия вулкана Хорго, склоны которого усеяны черными лавовыми обломками. Хотя извержение произошло тысячелетия назад, лавовое поле выглядит удивительно свежим. Лиственницы, растущие на застывшей лаве близ Хорго, были использованы специалистами для анализа изменений климата за последние 1 112 лет [Pederson et al. 2014, с. 1–5]. Это означает, что возраст некоторых деревьев здесь превышает десяток веков.

Сам вулканический конус невелик, он возвышается примерно на 130 м над окружающей местностью. К северу от него тянется хребет Тарбагатай, превышающий 2 500 м. Ширина главного кратера вулкана около 330 м, глубина порядка 70 м. На вершину по наиболее пологому и низкому юго-западному склону ведет тропа, в настоящее время частично благоустроенная (сделаны цементные ступени). Сюда поднимаются не только туристы, но и паломники, причем последние для совершения обрядов поклонения вулкану иногда спускаются в его кратер. С 1965 г. эта территория общей площадью 77 267 га объявлена заповедной и сейчас имеет статус национального парка. На северном берегу озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур созданы кемпинги. Само оно возникло в результате запруживания потоками лавы реки Хойт-Тэрхийн-гол. Позже река смогла пропилить в остывшем базальте новое русло.

По-видимому, первое описание Хорго, правда, весьма невнятное, сделал Д. А. Клеменц, который поднимался на этот вулкан в 1895 г. и промерял его шагами [Клеменц 1897, с. 157–159]. Впоследствии в этом районе работали советские, а затем и монгольские геологи. Из опубликованных материалов, наиболее полное описание Хорго и окружающей местности принадлежит Ю. О. Липовскому [Липовский 1987, с. 50–88].

Мифопоэтическое сознание кочевников породило легенду о происхождении этого вулкана. Интересно, что в увязке с генезисом вулкана рас-

---

[1] Консультация П. О. Рыкина (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург).

сказывается об озере, которое, согласно геологическим данным, возникло именно вследствие вулканической деятельности. Правда, в легенде эти события поменялись местами, и появление вулкана поставлено в зависимость от озера.

В одной долине был колодец, щедро дававший пресную воду. Люди пригоняли к нему свой скот на водопой. В этой долине жил пастух со своею женой. У них был сын — богатырь. Он встретил девушку, и между ними вспыхнула любовь. Однажды молодые люди так увлеклись друг другом, что забыли закрыть колодец и не сразу заметили, как вода из него растеклась и затопила все вокруг. Так образовалось озеро Тэрхийн-Цагаан-Нуур. Тогда юноша отломил вершину ближайшей горы и накрыл ею колодец. Вода перестала вытекать, а в озере из горной вершины получился остров, который существует и поныне. Но дух-хозяин горы разгневался и стал выбрасывать из недр огонь и расплавленные камни. Это и был вулкан Хорго. Чтобы успокоить гневного духа, мама юноши пошла к вулкану, совершила подношение и прочла молитву, после чего извержение прекратилось. С тех пор успокоившийся дух горы не тревожит людей[1].

К сожалению, время возникновения этой легенды вряд ли когда-либо удастся определить. Было бы очень соблазнительно предположить, что она была сложена непосредственными свидетелями извержения или их ближайшими потомками, и потом передавалась из уст в уста в течение многих веков, несмотря на смену этносов в долине и ее окрестностях, но подтверждений этому предположению пока не найдено. Согласно датировке, полученной в результате исследования донных отложений озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур, извержение произошло около семи тысяч лет назад [Севастьянов, Дорофеюк, Лийва 1989, с. 223–227; Девяткин 2004, с. 102–114], поэтому легенда может иметь довольно позднее происхождение.

Однако от Хорго до Каракорума порядка 200 км по прямой, а в горных условиях Хангая, где нет прямых дорог, путь насчитывает не менее 300 км. Это слишком большое расстояние, чтобы по имени этого природного феномена, каким бы впечатляющим он ни представлялся, называть город. Тем не менее, между вулканом и монгольской столицей могла существовать связь, для поиска которой обратимся к уйгурским руническим памятникам.

В Тэрхинской надписи дважды говорится об учреждении уйгурским Элетмиш Бильге-каганом (747–759 гг.) своей ставки и обнесении ее стенами

[1] Информант: Сандаг Хадбаатар, 1974 года рождения, кандидат географических наук, доцент Монгольского государственного университета образования, г. Улан-Батор.

«посредине Отюкена, к западу от священной вершины Сюнгюз Башкан» [Кляшторный 1980, с. 92, 94]. Учитывая, что стела с надписью обнаружена в местечке Долон-мод на территории современного сомона Тариат в двух километрах к югу от склонов хребта Тарбагатай и 12 км западнее озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур, а в самой надписи говорится о распоряжении кагана вырезать ее на камне там, где была учреждена его ставка, можно предположить местонахождение центра священной прародины уйгуров — Отюкена — именно здесь.

В пользу этого предположения говорит следующее наблюдение. Обращает на себя внимание чередование употребления Элетмиш Бильге-каганом определений «**там**» (*anta*) и «**здесь**» (*bunta*) в надписях на стелах по отношению к своим ставкам, а также к местонахождению «плоских» и «грузных» камней, на которых он повелел начертать свои «вечные письмена», и соотнесение этих объектов с центром Отюкена. В Тэрхинской надписи «**здесь**» — это местность к западу от озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур, близ священной горной вершины: «Я провел лето посредине Отюкена, к западу от священной вершины Сюнгюз Башкан. Я повелел поставить **здесь** (свою) ставку и возвести **здесь** стены. Свои вечные письмена и знаки **здесь** на плоском камне я повелел вырезать…» [Кляшторный 1980, с. 92; Tekin 1983, с. 50; Кляшторный 2010, с. 41]. В надписи из Могон Шине-Усу, найденной финской экспедицией Г. И. Рамстедта и С. Пяльси в 1909 г. на территории нынешнего сомона Сайхан Булганского аймака, в южной безлесной части долины Ургету [Рамстедт 1914, с. 34–49], об этом же самом месте сказано несколько иначе: «**там** я провел лето, **там** я велел устроить свой дворец, **там** я велел построить стены» и **там** же велел вырезать на камне свои «тысячелетние знаки» [Малов 1959, с. 40; Кляшторный 2010, с. 63]. Кроме того, эта надпись добавляет, что где-то в том месте сливаются реки Ябаш и Тукуш [Рамстедт 1914, с. 43; Малов 1959, с. 40; Кляшторный 2010, с. 63]. Вероятнее всего, это нынешние Хойт-Тэрхийн-Гол и Урд-Тэрхийн-Гол. За священную вершину можно принять потухший вулкан Хорго, находящийся к северо-востоку от Тэрхийн-Цагаан-Нуура и от каганской ставки. Его необычная внешность, с глубоким, частично заросшим лесом кратером, иногда наполняемым дождевой водой, по-видимому, должна была производить на кочевников достаточно сильное впечатление.

Долина Хойт-Тэрхийн-гола, которую можно принять как центр уйгурского Отюкена, относительно широкая, местами заболоченная, обильная водой и травой, прохладная летом и без мошки. Эта местность издавна привлекала охотников и скотоводов. Здесь обнаружены курганы двух-трехтысячелетней давности и наскальные рисунки, которым не менее пяти

тысяч лет [Кляшторный 2010, с. 28]. Почему же уйгуры не застроили ее и не сделали центром своей империи? Видимо, было, как минимум, две причины. Во-первых, долина недостаточно обширна, чтобы вместить большое народонаселение и, главное, стада скота. Во-вторых, несмотря на свою хорошую естественную защищенность от неожиданных нападений, она занимала не самое выгодное положение как административный центр. В то же время долина Орхона уже давно служила местонахождением ставок тюркских каганов и, возможно, более ранних кочевников. Естественнонаучные исследования подтверждают, что номады в течение, по крайней мере, трех тысяч лет выбирали долину Орхона, в частности, благодаря стабильности и благоприятности условий природной среды [Schwanghart, Schütt, Walther 2008, p. 995]. Природно-климатические условия орхонской долины подробно охарактеризованы в трудах Монголо-немецкой каракорумской экспедиции [Schwanghart, Möller, Schütt 2008, p. 28–44]. Следовательно, крайне маловероятно, чтобы уйгуры порекомендовали Угэдэю заложить столицу на берегах Тэрхийн-Цагаан-Нуура. Имперская традиция прочно закрепилась в долине Орхона.

Выше мы предположили, что недалеко от вулкана Хорго находилась центральная походная ставка Элетмиш Бильге-кагана, теперь можно пойти дальше и высказать догадку, что она-то и могла называться Каракорумом. Возможно, Элетмиш Бильге-каган вошел в народную память номадов как фактический создатель Второго Уйгурского каганата (744–840 гг.) и был для уйгуров личностью, сопоставимой с личностью Чингис-хана для монголов, поэтому название его орды передавалось из поколения в поколение, даже если сама она просуществовала недолго, уступив пальму первенства Орду-Балыку на Орхоне. Джувейни сообщает, что столица Монгольской империи тоже называлась Орду-Балык, хотя лучше известна под именем Каракорума [Juvaini 1997, с. 55–56]. То, что обе ставки — уйгурская и монгольская — имели одинаковое имя, неудивительно, так как название «Город-дворец» отвечало их высокому статусу, а легендарное название Каракорум могло оказаться актуальным в XIII в., когда потребовалось дать достойное имя столице победоносного монгольского государства.

Дополнительным фактором, подтверждающим, как нам кажется, «вулканическую» гипотезу, служит легенда о чудесном происхождении уйгурских каганов, изложенная Джувейни: «Между этими двумя деревьями возник большой холм, и свет опускался на него с неба; и день за днем холм становился больше. Увидев это странное зрелище, уйгурские племена исполнились изумления; и с почтением и смирением приблизились они к холму: они услышали сладкие и приятные звуки, подобные пению. И каждую ночь

свет освещал пространство на тридцать шагов вокруг этого холма, и точно так же, как беременная женщина в момент своего разрешения, открылась дверь, и внутри оказались пять отдельных комнат, похожих на шатры, в каждой из которых сидел мальчик…» [Juvaini 1997, с. 236].

Содержащиеся в этой легенде подробности можно попытаться интерпретировать как переосмысленные еще в глубокой древности воспоминания о вулканическом извержении. Упомянутый здесь холм, конечно, напоминает о «мировой горе», в которой или с помощью которой зарождается герой; вместе с тем, ежедневное увеличение этого холма похоже на закономерный рост вулканического конуса. Спускающийся свет мог на самом деле исходить из недр вулкана, но, согласно устойчивому мифологическому клише, зачатие героя происходит в результате нисхождения с неба света либо какого-то иного небесного явления. Впрочем, по утверждениям вулканологов, различные световые эффекты могут возникать в сейсмически активных зонах и без извержения, вследствие напряженности геомагнитного поля. Изумление свидетелей вулканической деятельности закономерно. На территории современной Монголии Хорго — самый молодой вулкан и, скорее всего, единственный, чье извержение могло наблюдаться древними насельниками этого региона. Можно спорить насчет «сладости» звуков, сопровождающих извержение, но, надо полагать, какие-то звуки должны были быть слышны. Любопытно отметить и такое совпадение: количество «комнат» с мальчиками равно количеству обнаруженных близ Хорго лавовых пещер, одна из которых, имеющая название «Ад желтой собаки», отличается особенно крупными размерами. Когда-то из этих пещер вытекала раскаленная лава. Кроме того, на территории сомона Тариат находится вулканическое образование, которое называют «Каменной юртой», представляющее собой, вероятно, большой лавовый пузырь. Наконец, даже обнаружение в пещере младенца (разумеется, спустя много времени после извержения) нельзя считать чем-то невероятным.

Отдельную сюжетную линию представляют сообщения о «расчленении» священной горы уйгуров.

В 924–925 гг. основатель киданьского государства Абаоцзи (907–926 гг.) снарядил экспедицию в степи против туюйхуней, дансянов и цзубу. В девятом месяце 924 г. он прошел через долину Орхона, где приказал стереть надпись на стеле в честь уйгурского Бильге-кагана и вместо нее высечь надпись по-киданьски, по-тюркски и по-китайски, чтобы увековечить свои славные деяния, а также распорядился совершить ритуальные действия: «[В день] *дин-сы* [приказал] зачерпнуть воды из Цзиньхэ (金河), взять камней с горы У-шань (烏山), приказал на носилках доставить их к Желтой

реке и горе Муешань, чтобы обозначить мысль, [что эти] гора и река [как бы] являются ко двору, [дабы выразить покорность] океану и Пику предков…» [Дмитриев 2011, с. 167–168].

Где именно находилась гора У-шань, то есть Черная гора, из текста не ясно, поэтому можно допустить ее локализацию не где-то на берегах Орхона близ бывшей уйгурской столицы, а в глубине Хангая. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не препятствуют предположению, что У-шань и Хорго — один и тот же природный объект, тем более что Хорго имеет черный цвет.

Можно ли понимать сообщение источника о взятии воды и камней буквально? По-видимому, да. Такое «явление ко двору» предметов с сакральных мест должно было означать присоединение сакральной силы уйгуров к силе киданей. В этом смысле, чем-то подобным занимались в этих же местах монголы в первой половине XIII в. По мнению Т. Олсена, они занялись в долине Орхона историческими и археологическими исследованиями, чтобы гарантировать правильное место расположения столицы, и намеревались присвоить спиритуальную силу Отюкена [Allsen 2009, p. 2][1].

К более ранней эпохе отсылает легенда о разрушении священной горы уйгуров коварными китайскими соглядатаями: «Танский посол вместе со специалистом по геомантии прибыл в это государство, [и тот] сказал: «Процветание и сила Хэлиня — из-за того, что есть эта гора. Удали или разрушь эту гору, чтобы ослабить их». Тогда [посол] заявил кагану следующее: «Поскольку был заключен брак, у [нас] есть просьба к кагану, согласится ли он? Камни Счастливой горы, в Вашем государстве негде применить их [с пользой], а в Тан — это вещь, которую редко видят». [И каган] согласился на это. Камни были столь велики, что их невозможно было сдвинуть, [тогда] танец приказал развести огонь и раскалить их, брызгать [на раскаленные камни] вином и уксусом, [так] раскололи камни на мелкие кусочки и унесли их на носилках. [После этого] птицы и звери в государстве горестно рыдали из-за этого, и через семь дней каган скончался. Начиная с этого времени в государстве было много бедствий и зловещих знамений, народу негде было спокойно жить, из тех, кто наследовал трон, многие сгинули» [Дмитриев 2011, с. 170].

Что здесь соответствует истине, так это заключение брака между уйгурским каганом и китайской принцессой. Всё остальное — миф. Каганат был уничтожен енисейскими кыргызами, а не танским Китаем, для которого уйгуры были союзником в борьбе с внешней и внутренней угрозой. Безус-

[1] См. также: [Atwood 2013, p. 315–343].

ловно, их услуги обходились Поднебесной дорого, но не настолько, чтобы рушить священные уйгурские горы.

Однако, как известно, мифы не возникают на пустом месте. Понятие об интегрирующей, покровительствующей роли родовой горы, о которой идет речь в цитированном пассаже из «Юань ши», относится к числу архетипических для Центральной Азии. Пока гора пребывает в целости, и на ней (или у ее подножия) члены рода совершают регулярные жертвоприношения, она гарантирует сохранение стабильности микрокосма родовой территории. Соответственно, ее осквернение чревато обрушением миропорядка. Именно это и изображено столь живописно в источнике.

Легенда оказалась очень живучей, обитатели орхонской долины хорошо помнили ее даже в конце XIX в. Монголы называли гору так же, как и уйгуры — Гора Счастья (по-монгольски Эрдэни-ула) и рассказывали, что здесь было закопано монгольское счастье, но китайцы разломали гору и увезли в Пекин. Вместе с горой в Китай ушло и монгольское счастье, поэтому китайцы стали богатыми, а монголы обеднели. Однако, в отличие от уйгурской легенды, монгольская имела оптимистичный финал. Одна старуха села на том месте, где была гора, и стала призывать благополучие — *талаху*, отчего степь там получила название Далалхаин-тала. Она оставила китайцам золото и серебро, а монголам возвратила счастье, состоявшее в плодородии скота [Радлов 1892, с. 91–92]. Ни о каких уйгурах нет и речи, зато основные идеи переданы точно.

В легенде говорится не просто о Счастливой горе (Кут-таг), а о лежащих на ней камнях, которые требовалось унести, чтобы ослабить каганат. Было ли это древнее центрально-азиатское святилище типа обо или какое-то каменное сооружение, мы не знаем. Заслуживает внимания упоминание термического воздействия на священные камни. При всей реалистичности этого момента, нельзя ли видеть здесь намек на какое-то геологическое событие?

Известно, что район Хангайских гор сейсмически активен. Хотя данных о землетрясении около 840 г., когда пал Уйгурский каганат, не обнаружено, не исключено, что оно могло произойти и вызвать обрушение части священной горы уйгуров. Уместно будет вспомнить о названии Сюнгюз рунических памятников, которое, возможно, произошло от древнетюркского *s*üŋü («копье»). Ни в долине Орхона, ни у берегов Тэрхийн-Цагаан-Нуура ныне не видно копьевидных гор. Имея в виду, что никакие китайцы на самом деле не хозяйничали на священных вершинах Уйгурского каганата, можно предположить разрушение святилища от естественных причин, причем само оно могло иметь копьевидные очертания. Когда лава при извержении

бывает очень вязкой, она порой застывает, не растекаясь, и формирует так называемый вулканический обелиск высотой в несколько десятков и даже сотен метров. Такие обелиски известны в США, Африке, Средиземном море. Не был ли уйгурский Сюнгюз таким обелиском? Справедливости ради нужно отметить, что осмотр кратера Хорго, произведенный нами летом 2014 г., не выявил признаков некогда существовавшего обелиска, но нет никаких оснований утверждать, что он должен был находиться обязательно близ Хорго.

Таким образом, мы полагаем, что в названии Каракорум с подачи уйгурских советников могло отразиться имя ставки уйгурского Элетмиш Бильге-кагана близ потухшего вулкана Хорго. Насколько данное предположение соответствует действительности, могут дать ответ лишь более углубленные изыскания на грани гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Библиография

1. Девяткин 2004: *Девяткин Е. В.* Геохронология кайнозойских базальтов Монголии и их связь со структурами новейшего этапа // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2004. Т 12. № 2. С. 102–114.

2. Дмитриев 2011: *Дмитриев С. В.* Каракорум, Отюкен и ранняя история уйгуров // Тюркологический сборник 2009–2010. М., 2011. С. 152–179.

3. Древнетюркский словарь 1969: Древнетюркский словарь. Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.

4. Дробышев 2012: *Дробышев Ю. И.* Средневековый Отюкен // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 5–22.

5. Жамсран 2003: *Жамсран Л.* «Хархорин» гэдэг нэрийн тухайд // Монгол түүх судлалын өгүүллүүд II. Улаанбаатар, 2003. Х. 3–6.

6. Клеменц 1897: *Клеменц Д. А.* Заметка о потухших вулканах в Хангае // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. XXVIII. Иркутск, 1897. С. 157–159.

7. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.

8. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.

9. Липовский 1987: *Липовский Ю. О.* В Хангай за огненным камнем. Л., 1987.

10. Малов 1959: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959.

11. Мункуев 1965: *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.

12. Радлов 1892: *Радлов В. В.* Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорскою Академиею Наук экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхона. Приложение V. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 году действительным членом Восточно-Сибирского

Отдела Императорского Географического Общества Н. М. Ядринцевым по поручению Отдела // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб., 1892. С. 51–113.

13. Рамстедт 1914: *Рамстедт Г. И.* Как был найден Селенгинский камень. Перевод надписи Селенгинского камня // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1914. С. 34–49.

14. Севастьянов, Дорофеюк, Лийва 1989: *Севастьянов Д. В., Дорофеюк Н. И., Лийва А. А.* Особенности возникновения и эволюции вулканогенного озера Тэрхийн-Цаган-Нур в Центральном Хангае (МНР) // Известия Всесоюзного географического общества. 1989. Вып. 3. С. 223–227.

15. Allsen 2009: *Allsen T.* A Note on Mongolian Ideology // The Early Mongols: Language, Culture and History. Bloomington, Indiana, 2009. P. 1–8.

16. Atwood 2013: *Atwood Ch. P.* The Uyghur Stone: Archaeological Revelations in Mongol Empire // The Steppe Lands and the World beyond them. Iasi, 2013. P. 315–343.

17. Clauson 1972: *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. London, 1972.

18. Juvaini 1997: *Juvaini, A.-M.*. The History of the World-Conqueror. Trans. by J. A. Boyle. Manchester, 1997.

19. Pederson et al. 2014: *Pederson N., Hessl* A. E., *Baatarbileg* N., *Anchukaitis* K. J., *Di Cosmo N.* Pluvials, Droughts, the Mongol Empire, and Modern Mongolia // PNAS Early Edition. 2014. Pp. 1–5. Адрес доступа: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1318677111 (дата обращения — 15.03.2015).

20. Pelliot 1959: *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris, 1959.

21. Schwanghart, Möller, Schütt 2008: *Schwanghart W., Möller B., Schütt B.* Environmental Characteristics of the Upper and Middle Orkhon Valley, Mongolia // Mongolian-German Qara Qorum-Expedition, FAAK (Forschungen zur Archäologie Aussereuropäischer Kulturen). Bonn, 2008. P. 28–44.

22. Schwanghart, Schütt, Walther 2008: *Schwanghart W., Schütt B., Walther M.* Holocene Climate Evolution of the Ugii Nuur Basin, Mongolia // Advanced in Atmospheric Sciences. 2008. Vol. 25. № 6. P. 986–998.

23. Tekin 1983: *Tekin T.* The Tariat (Terkhin) Inscription // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXXVII (1–3). 1983. P. 43–68.

Yuliy I. Drobyshev

KARAKORUM AND KHORGO VOLCANO

Abstract: *In the article a hypothesis is presented about the origin of the name of the Mongolian empire's capital — Karakorum. It is assumed that Karakorum might have been named after the headquarter of Uyghur Eletmish Bilge-khagan (747–759), which was located in the middle of sacred Uyghur ancestral homeland close to the extinct volcano Khorgo.*

Keywords: *Karakorum, Uyghurs, Eletmish Bilge-khagan, Khorgo volcano, Terkhin stele, stele from Mogon Shine-Usu.*

Ю. И. Елихина

КОЛЛЕКЦИЯ НАХОДОК ЭКСПЕДИЦИИ В. Л. КОТВИЧА ИЗ ГОРОДИЩА ХАРА–БАЛГАСУН, ХРАНЯЩАЯСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Аннотация. *В статье автор описывает коллекцию находок из Хара-Балгасуна. Эти находки хранятся в Отделе Востока государственного Эрмитажа, они не были описаны и опубликованы. Находки представляют собой подъемный материал, они являются результатом работы экспедиции В. Л. Котвича в августе 1912 г. Большая часть артефактов относится к уйгурскому времени, VIII–IX вв.*

Ключевые слова: *археология, находки, В. Л. Котвич, керамика, архитектурные фрагменты, буддизм.*

Владислав Людвигович Котвич (20.03.1872 — 3.10.1944) — русский и польский востоковед. Окончил в 1895 г. Санкт-Петербургский университет и был оставлен на кафедре.

Городище Хара-Балгасун («Чёрный город») — древняя столица Уйгурского каганата в VIII–IX вв., называвшаяся также Орду-Балык («Столичный город») или Балыклык, расположено на территории Монголии, на левом берегу реки Орхон. Этот город был основан примерно в 715 г. уйгурским ханом Пейло. Столица уйгуров имела чёткую планировку, в ней были построены многоэтажные здания, крепость, дворец и другие сооружения. От некогда укрепленного города остались руины укрепленной части столицы и следы городских кварталов. Крепость в плане была почти квадратной, в ней находились несколько ворот и много башен. Стены ее были сложены из необожженного кирпича, для укрепления кладки применялись горизонтальные деревянные связки, уложенные через каждые пять рядов кирпича.

В городе были каменные стелы с тюркскими и уйгурскими письменами и изваяния животных. К юго-западу от крепости располагался торгово-ремесленный центр. Вода к городу подводилась арыками, следы которых сохранились до настоящего времени [Майдар 1981, с. 55].

В эпоху раннего средневековья важную роль в политической, военной и этнокультурной истории Центральной Азии играли сначала тюрки, а затем уйгуры. Уйгуры входили в состав Тюркского каганата (VI–VIII вв). С 745 г. на территории Монголии образовался Уйгурский каганат, который в 840 г. был разгромлен енисейскими кыргызами. Последние захватили столицу уйгуров, Хара-Балгасун, и до начала X в. господствовали в центре Азии. В X в. господство в степях Монголии перешло к киданям, выходцам из

Южной Маньчжурии. Образованное ими государство Ляо в начале XII в. распалось под ударами чжурчжэней и китайцев.

Хара-Балгасун был обнаружен в 1871 г. российским путешественником И. О. Падериным, затем описан в 1889 г. Н. М. Ядринцевым, в 1891 г. В. В. Радловым и Д. А. Клеменцем. Раскопки проводились в 1949 г. совместной советско-монгольской археологической экспедицией под руководством С. В. Киселева.

В 1912 г. В. Л. Котвич был в Монголии, при его участии был открыт в развалинах Хара-Балгасуна орхонский памятник. Экспедиция В. Л. Котвича работала в Хара-Балгасуне в течение всего одного месяца, в августе 1912 г. Вероятно, экспедиция собирала преимущественно подъемный материал. В. Л. Котвичем был написан краткий отчет о поездке и находках [Котвич 1914, с. VI–VII]. Предметы были переданы в МАЭ, где они находились до 1931 г., затем находки передали в Государственный Эрмитаж.

Коллекция находок, происходящих с территории уйгурского городища Хара-Балгасун, насчитывает восемьдесят девять предметов. К ним относятся фрагменты надписей на камнях, архитектурные фрагменты, буддийские терракотовые образки (тиб. tsha-tsha)[1] и миниатюрные субурганы, железные и чугунные предметы, керамика, фрагменты дерева, кости животных и железный шлак. Эта коллекция не публиковалась и до сих пор не введена в научный оборот.

Фрагментов надписей на камнях имеется всего восемь: три надписи выполнены руническим письмом, пять — согдийским.

В развалинах уйгурской столицы был обнаружен гранитный памятник, поставленный в честь уйгурского кагана Бас-и (808–821 гг.), с надписями на трех языках: китайском, уйгурском (орхонским алфавитом) и согдийском. Фрагменты надписей на камнях из находок В. Л. Котвича относятся именно к этому памятнику. Причем три фрагмента согдийской надписи соединяются между собой. Эти фрагменты надписей пока остаются не переведенными (рис. 1). Дело в том, что уйгурские ханы привлекали к строительству горо-

Рис. 1. MP-2646

[1] Ца-ца (тиб. tsha-tsha) — миниатюрные ритуальные изображения из глины, реже из бронзы. Чаще всего их для освящения места закладывали при строительстве в основания стен храмов, ступ, монастырских оград. Кроме того, верующие украшали ими храмовые и домашние алтари в качестве подношений богам и вкладывали в реликварии (лат. reliquarium), вместилища для хранения реликвий.

дов и крепостей согдийских архитекторов и строителей. Внутри крепости располагался дворец, к югу от крепости находился храмовый комплекс и здания-хозяйства уйгурских каганов, об этом и свидетельствуют надписи на камне.

В 1949 г. находки гончарной керамики и черепицы в ходе раскопок на площади города и крепости Орду-Балыка были обнаружены С. В. Киселевым. Эти находки позволили установить синхронность и принадлежность к уйгурской культуре развалин жилых кварталов, крепости и цитадели Орду-Балыка [Киселев 1957, с. 94–95]. Типичной для уйгурского времени являются концевые диски черепицы с растительным орнаментом. Подобная черепица была найдена в разных местах, в том числе и в Пор-Бажыне.

В 1976 г. сборы гончарной керамики на территории Орду-Балыка проводил Д. Цэвээндорж. В 1979 г. такие сборы были проведены Д. Цэвээндоржем и Ю. С. Худяковым. Результаты этих работ были опубликованы в 1982 г. [Худяков, Цэвээндорж 1982, с. 87–93]. Археологами были выделены различные формы уйгурской гончарной посуды, и характерные элементы ее орнаментации.

Фрагменты уйгурской гончарной керамики были обнаружены В. Е. Войтовым в ходе раскопок поминальных сооружений рядовых кочевников уйгурского времени на памятнике Бага-Арцат-Ам, расположенном на левом берегу р. Орхон, в окрестностях Орду-Балыка. В Туве подобные фрагменты найдены на нескольких городищах, которые функционировали в период Уйгурского каганата [Худяков 1989, с. 145].

Важным критерием для датировки памятника могут служить находки сероглиняной керамики, гладкой и со штампованным орнаментом, изготовленной на гончарном круге. Большую часть находок из коллекции В. Л. Котвича составляют фрагменты керамики: 31 инвентарный номер, к которым относятся 47 фрагментов различных сосудов. «Обнаруженные в Орду-Балыке во множестве черепки являются свидетельством того, что там жило много людей, занимавшихся гончарным ремеслом» [Данилов 2004, с. 58].

Таким образом, керамика уйгурского времени хорошо изучена и опубликована. Находки В. Л. Котвича представляют собой типичные образцы. В большинстве случаев тулово сосудов украшалось штампованным орнаментом. Уйгурская гончарная керамика из Орду-Балыка уже подвергалась специальному анализу. Из материалов орду-балыкской коллекции были выделены функциональные группы — тарная, кухонная, столовая посуда; охарактеризованы формы сосудов — хумы, корчаги, горшки, чаши, вазы;

проанализирован орнамент [Худяков, Цэвээндорж 1982]. Тем не менее, находки экспедиции В. Л. Котвича не были описаны и введены в научный оборот.

В большинстве случаев тулово сосудов украшалось разнообразным штампованным орнаментом. Среди находок В. Л. Котвича можно выделить шесть типов орнамента. Фрагменты относятся к стенкам тулова сосудов, только один фрагмент имеет узкое горлышко. На некоторых фрагментах заметна вертикальная профилировка тулова, которое могло иметь яйцевидную форму. Толщина тулова — 1,2–1,5 см. Тулово сосудов с подобной профилировкой имело значительную высоту. Вероятнее всего, эти сосуды имели яйцевидное тулово с раздутой верхней частью, которое постепенно сужалось к днищу, и напоминали вазы или кувшины. Поверхность сосуда украшена полосами штампованного орнамента, сочетающего вписанные ромбические фигуры и разделяющие их дуги полуокружностей. Полосы такого орнамента присутствуют на десяти фрагментах, которые могут относиться к одному и тому же вазовидному сосуду. Подобный орнамент зафиксирован и на одном из фрагментов керамики, обнаруженном на городище Орду-Балык в 1979 г. [Худяков, Цэвээндорж 1982, с. 90].

На двух фрагментах нанесен вдавленный узор в виде ромбической сетки (рис. 2). Д. Баяр и Ю. С. Худяков считают, что фрагменты сосудов могут относится к горшковидным. Похожая орнаментация имеется на тюркских горшках [Баяр, Худяков 2002, с. 112]. Фрагменты подобных сосудов были найдены в Орду-Балыке и в 1979 г. Возможно, что горшки служили и для приема пищи.

Рис. 2. МР-2910

На двух других фрагментах имеется волнообразный орнамент, который нанесен полосами.

Еще несколько фрагментов орнаментировано полосами из ломаных линий, образующих несомкнутые ромбические фигуры, площадь которых заполнена маленькими ромбиками. Иногда эти фигуры лишены ромбиков, но сочетаются с угловатыми линиями. На одном фрагменте ромбические фигуры состоят из отдельных, несомкнутых угловатых линий и отдельных ромбиков. На другом фрагменте имеется орнамент в виде трех горизонтальных полос, состоящих из ромбов в сочетании отдельными угловатыми, косыми, расходящимися вдавлениями.

В большинстве случаев тулово сосудов украшалось несколькими горизонтальными полосами штампованного орнамента. Вероятно, орнамент наносился прокатыванием цилиндрического штампа по сырой глине перед обжигом в керамической печи.

В отличие от традиции изготовления «кыргызских ваз» с «елочным» орнаментом (из прерывистых ломаных линий), которая находит свои истоки в производстве гончарной посуды в Саяно-Алтае в предшествующее предтюркское время, уйгурское керамическое ремесло не имеет отчетливо выраженных прототипов в кочевых культурах Центральной Азии. Разнообразие форм и мотивов орнаментации уйгурской гончарной посуды свидетельствует о высоком уровне керамического ремесленного производства в Уйгурском каганате. Судя по некоторым формам и мотивам орнамента, керамическое ремесло уйгуров развивалось под заметным влиянием среднеазиатской согдийской традиции. Это связано с важной ролью, которую играли согдийцы в политической, экономической и культурной жизни Уйгурского каганата [Худяков 1989, с. 146–147]. Длительное время считалось, что гончарное ремесло было сосредоточено в столице Уйгурского каганата и обслуживало городское население и кочевников из соседней округи. По мнению Л. А. Евтюховой, находки гончарной керамики в погребениях уйгурских кочевников на памятнике Орхон Дэль свидетельствует об их связи с городской культурой [Евтюхова 1957, с. 224].

В середине IX в., после разгрома Уйгурского каганата, разрушения и сожжения Орду-Балыка, уничтожения других ремесленных центров кыргызами уйгурская традиция в изготовлении гончарной керамической посуды была полностью утрачена.

Изготовление керамической посуды с помощью гончарного круга и отработанной технологии в кочевых культурах Центрально-азиатского историко-культурного региона справедливо считается важным показателем высокого уровня гончарного ремесленного производства.

К буддийским находкам В. Л. Котвича, происходящим с территории Хара-Балгасуна относятся образки (ца-ца), миниатюрные ступы (субурганы), архитектурные фрагменты большого субургана и фигурка льва. Буддийских находок насчитывается двадцать восемь.

На территории Хара-Балгасуна до сих пор сохранились развалины ступы. Вероятно, это была ступа Махапаринирваны, судя по ее колоколообразному тулову. Такая ступа символизирует совершенную мудрость Будды. С. В. Данилов считал, что она была культовым сооружением правящего каганского рода [Данилов 2004, с. 58]. В результате работы монголо-китайской экспедиции, которая вскрывала погребения уйгурского времени в

окрестностях Хара-Балгасуна, были найдены буддийские фигурки локапал[1] и калавинок[2] [Очир 2014, х. 38].

В коллекции Эрмитажа имеется фрагмент навершия субургана, изготовленный из серой обожжённой глины. Судя по швам, сохранившимся с четырёх сторон, он был сформован в матрице. Навершие представляет собой солнечный диск, лежащий на полумесяце. Внутри оставлено отверстие для шеста, на который крепилось навершие. Венчать полумесяц и солнце должен был драгоценный камень (ратна). Луна символизирует относительный просветленный настрой и мудрость Будды. Солнце означает неограниченное сострадание и абсолютный просветленный настрой. Навершие можно отнести к уйгурскому времени.

Очень часто нижняя часть ступы декорировалась лепестками лотоса. Экспедицией был найден фрагмент пьедестала или карниза. Он представляет собой часть орнамента в виде ряда лепестков, окрашенных охрой.

Рис. 3. МР-2658

Миниатюрная ступа (рис. 3), привезенная экспедицией В. Л. Котвича, имеет квадратное основание. Такое основание означает в буддизме четыре безмерных состояния: любовь, сострадание, сорадование и беспристрастие. Субурган представляет собой четырехгранную пирамидку, верх которой обломан. На каждой стороне имеются рельефные изображения Дхьяни-Будд. На одной грани изображены Вайрочана и Акшобхья, Амогхасиддхи, Амитабха и Авалокитешвара, Ратнасамбхава. Низ пирамидки украшен лепестками лотоса, над которыми написана мантра (?) на санскрите. На поверхности сохранились незначительные следы желтоватой краски или позолоты (?). Снизу ступы имеется круглое отверстие. Ступа тоже датируется уйгурским временем.

Таким образом, на основании находок можно говорить о некотором распространении буддизма на территории Монголии еще в уйгурское время.

Фрагмент фигурки льва из обожженной глины представляет собой кровельное украшение. Особенно интересна большая голова животного с вытаращенными глазами и огромной приоткрытой пастью. Сохранилась только часть спины и грудь.

---

[1] Локапала (монг. махранз) — в буддизме хранитель одной из четырех сторон света.

[2] Калавинка (монг. галбинга) — мифическая птица с женской головой, темным оперением, обладающая сладкозвучным голосом.

Традиция украшения крыш фигурками божеств, чиновников, животных, драконов, птиц и людей пришла из Китая, а затем получила распространение на территории всего Дальнего Востока. Подобные фигурки имелись на крышах храмов, дворцов и ворот. В Баян-Балгасуне, уйгурском городище, были найдены парные фигуры львов, высотой около 80 см., которые могли охранять вход в храм [Монголын… 2009, х. 55].

Рис. 4. МР-2679

В коллекции имеются и фрагменты черепицы. Традиция архитектурной керамики была заимствована тюрками, и позднее уйгурами. Круглая концевая черепица декорирована изображениями стилизованных лотосов (рис. 4). Лотос в буддизме символизирует чистоту. Некоторая черепица сохранилась полностью, но большей частью представлены лишь фрагменты. Вся черепица неглазурованная, сероглиняная, весьма характерная для построек уйгурского времени. Часть ее имеет следы охры, на другой сохранились частицы белой краски. Черепица с таким же декором была найдена и в Пор-Бажыне.

Настенные росписи с изображениями медальонов в виде цветов лотоса были найдены и монголо-китайской экспедицией при раскопках уйгурского погребения [Очир 2014, х. 37]. Декор в виде цветка лотоса имеет и фрагмент облицовочной плитки.

Стилистически изделия уйгурского времени испытали сильное влияние искусства китайской династии Тан (618–907 гг.).

Значительная часть буддийских находок является миниатюрными ступами и фрагментами ца-ца. На них представлены различные персонажи буддийского пантеона [Елихина 2015, с. 30–33]. Их можно датировать XVII–XIX вв., когда ца-ца и миниатюрные ступы изготавливали в форме массовым тиражом. Согласно монгольским обычаям местное население могло приносить на место старого города буддийские ца-ца и миниатюрные субурганы, чтобы почтить память людей, живших здесь раньше.

Фрагменты изделий из металла являются стенками чугунных сосудов, железных пряжек и колец, которые могли быть частью или поясных наборов, или конской упряжи.

Таким образом, коллекция В. Л. Котвича требует изучения и введения в научный оборот.

Библиография

1. Баяр, Худяков 2002: *Баяр Д., Худяков Ю. С.* Коллекция уйгурской керамики с памятника Сангийн Толгой в Монголии // Древности Алтая. № 9, 2002. С. 107–117.

2. Данилов, 2004: *Данилов С. В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.

3. Евтюхова 1957: *Евтюхова Л. А.* О племенах Центральной Монголии IX в. (по материалам раскопок курганов) // Советская Археология. 1957. С. 205–227.

4. Елихина 2015: *Елихина Ю. И.* Буддийские находки экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящиеся в Государственном Эрмитаже // Mongolica-XIV. СПб., 2015. С. 30-33.

5. Киселев 1957: *Киселев С. В.* Древние города Монголии // Советская археология. 1957, С. 92-101.

6. Котвич 1914: *Котвич В. Л.* Поездка в долину Орхона летом 1912 г. // ЗВОРАО. 1914. Т. XXII. Вып. 1–2. С. VI–VII.

7. Майдар 1981: *Майдар Д.* Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981.

8. Монголын…, 2009: Монголын үндэсний музей. Под ред. Ж. Саруулбуяна, Г. Эрэгзэна, Ж. Баярсайхана. Улаанбаатар, 2009.

9. Очир 2014: *Очир А.* Эртний уйгурчууд ба бурхны шашин //Дэлхийн Өв-Орхоны хөндийн соёлын дурсгалт газрын 10 жил: өнгөрсөн ба өнөө үе. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал. Улаанбаатар — Хархорин хот, 2014. Х. 33-38.

10. Худяков 1989: *Худяков Ю. С.* К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 134-152.

11. Худяков, Цэвээндорж 1982: *Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 85-94.

Yulia I. Elikhina

COLLECTION OF FINDS OF THE EXPEDITION HEADED BY V. KOTVICH FROM THE SETTLEMENT OF KHARA-BALGASUN STORED IN THE STATE HERMITAGE MUSEUM

Abstract: *The author describes the collection of finds from Khara-Balgasun. These findings are kept in the Oriental Department of the State Hermitage Museum, they have not been described or published. The findings represent surface material, they were discovered by the expedition of V. Kotvich in August 1912. Most of the artifacts are related to the VIII–IX centuries, the Uighur time.*

Keywords: *archaeology, discovery, V. Kotvich, ceramics, architectural fragments, Buddhism.*

А. Ш. Кадырбаев

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ В КОНЦЕПЦИИ РАННИХ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Аннотация. *Статья посвящена взглядам ранних евразийцев на роль степных, тюркских и монгольских народов в истории России. В частности, евразийцы, исходя из значения кочевников в истории нашей страны, предлагают свою периодизацию российской истории.*

Ключевые слова: *евразийцы, тюркские народы, монголы, Россия, кочевники, Золотая Орда, восточные славяне, история.*

Концепция евразийства как идея возникла между двумя мировыми войнами в среде российской эмиграции на Западе, бежавшей туда после Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти на просторах бывшей Российской империи коммунистического режима. Первыми объектами внимания, на чем сосредоточились представители российской концепции евразийства, были почти совершившийся в 1918–1919 гг. распад Российской империи как государства, а затем воссоздание этого государства под красным знаменем Великой Утопии — коммунизма и под новым названием Союз Советских Социалистических Республик. Однако, по мнению евразийцев, воссоздание было проведено большевиками на основе их ложной коммунистической идеологии и будет недолговечно. Сегодня мы являемся свидетелями того, что этот прогноз евразийцев оправдался. Исходя из данной посылки, они ставили перед собой задачу осознать и обосновать историческое единство огромных пространств, получивших тогда название СССР. Им казалось важным настойчиво подчеркивать основную идею защищаемого ими исторического единства — органического соединения Востока и Запада, Азии и Европы — Евразии. Для евразийцев терминологическое определение «Евразия» было началом разносторонних (исторических, географических, этнографических, культурных, экономических) исследований евразийского единства [Вилента 1988, с. 27–40].

В годы первой мировой войны, революций и гражданской войны в России и на территориях стран и народов, ранее входивших в состав Российской империи, евразийцы обнаружили слабость старых российских традиций, хрупкость казавшихся вековыми устоев. Идеолог российского евразийства Н. С. Трубецкой писал: «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли “русской культурой”. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это свершилось, и многие задумывались над причинами этого явления» [Трубецкой 1920, с. 4].

Поэтому евразийцы выдвинули как основополагающую идею — концепцию «России — Евразии», объясняя историческую ситуацию России быть Евразией — целостным единением многих народов, но, в первую очередь славянских и тюркских, населяющих ее «степи и леса». Выразитель евразийских идей П. Н. Савицкий указывал на резкое отличие истории России от истории стран Западной Европы и призывал освободиться от европоцентризма в сознании и противопоставить культуре стран Запада культуру народов России. Евразия, по мысли П. Н. Савицкого, как самодостаточный культурно-исторический мир объединяет славянские, тюркские, кавказские, финно-угорские, монгольские, иранские и другие народы. Евразия является областью равноправия и братства народов, не имеющих аналога в межнациональных соотношениях колониальных империй Запада. А евразийскую культуру можно представить себе в виде культуры, являющейся в той или иной степени общим созданием и общим достоянием народов Евразии.

Таким образом, именно П. Н. Савицкому принадлежит авторство в применении термина «Евразия» и его обоснование [Савицкий 1921а, с. 127, 135; ГАРФ, ф. 5783, оп. 1, ед. хр. 28, л. 2]. Самой постановке вопроса «Россия — Евразия», объяснению предназначения России быть Евразией принадлежит важное место в исторических теориях евразийцев, основателей концепции евразийства.

«Становым хребтом истории Евразии» названа евразийцами в их коллективном труде «Евразийство» степная зона, тянущаяся от устьев Дуная до Тихого океана и населенная преимущественно тюркскими народами, львиную долю которой занимают Казахские степи [Савицкий 1993, с. 100–101].

Евразийцы настаивали на особом значении Евразии, указывая на ее пространственные масштабы и географическую природу. Евразийцы в связи с этим обосновывали ключевое влияние географических и социальных факторов на образование централизованного Российского государства. Учитывая то, что Русь располагалась в основном в лесной зоне и ей постоянно приходилось иметь дело с тюркскими народами степи, евразийцы положили в основу деления на периоды истории России «соотношение между лесом и степью» или славянским и тюркским миром. По этому принципу российская история делится на пять периодов.

Первый — с древности до 972 г. — попытка объединения леса и степи. Во время этого периода славяне и тюрки впервые выходят на историческую арену, причем, как свидетельствуют византийские источники, это происходит почти в одно и то же время. Так, византийский хронист Менандр сообщает в 579 г. о «важнейших князьях склавинского (славянского — А. К.)

народа» [Менандр 1941, с. 247]. А с тюрками, впервые упоминаемыми в китайских хрониках в 542 г., и в 551 г. создавшими степную империю — Тюркский каганат от Кореи до Черного моря с центром на Тянь-Шане, Византия уже в 567 г. обменялась посольствами. С этого времени славяне и тюрки сражаются против общего врага — Византии. В 907 г. князь Древней Руси Олег «прибивает свой щит к вратам Царьграда», как в древнерусских летописях называлась столица Византии Константинополь, ныне Стамбул. В княжение его сына Игоря в 941 и 944 гг., а затем и при его внуке князе Святославе, восточные славяне совершают походы на Византию. В свою очередь, тюрки уже в IX в. сражаются с византийцами в Малой Азии, а в X в. волны тюркских кочевников до основания сотрясают «Второй Рим», ставя под вопрос само существование Византии. Тюркские племена печенегов, торков-огузов с северо-запада из причерноморских степей и сельджуков с востока, тревожили Византию. Казалось, из степей Центральной Азии, прародины упомянутых тюркских степных народов, из коренных огузских степей Приаралья протянулись две огромные клешни: на севере печенеги и торки, на востоке — сельджуки, которые грозили, сомкнувшись с восточными славянами раздавить Византию. Это и произошло в 965 г. с союзником Византии — тюркским Хазарским каганатом в Нижнем Поволжье, чья правящая верхушка приняла иудаизм, подданными которого вместе со степными тюрками-хазарами, горскими народами Северного Кавказа, была и часть восточнославянских племен, когда обитавшие в прикаспийских степях, где ныне Казахстан, тюрки-огузы (торки древнерусских летописей — А. К.) в союзе с Древней Русью при правлении князя Святослава сокрушили Хазарское государство [Кляшторный 1964; Кляшторный 2003; Зуев 2002; Карамзин 1989, т. 1, с. 45, 118, 126, 191, 272].

Второй период начинается с 972 г. и длится до нашествия монгольского Бату-хана, Батыя древнерусских летописей — внука Чингис-хана на Русь в 1237 г. Он характеризуется борьбой леса и степи, когда Русь испытала натиск тюркских степных народов — печенегов, половцев древнерусских летописей (кыпчаков мусульманских источников, команов европейских и византийских хроник, цзиньча китайских династийных историй), что нашло отражение как в древнерусских летописях, так и в бессмертном творении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Войны древнерусских князей с половцами, как и с их тюркскими предшественниками, сменялись союзами с ними, участием древнерусских князей и половецких ханов в междоусобицах друг друга, династийными браками. Примером последних может служить родословная основавшего в 1147 г. Москву князя Юрия Долгорукого, чья жена была половчанкой. В 1223 г. половцы выступили в

поход на монголов в составе объединенного войска древнерусских княжеств и вместе с ними испытали горечь поражения на реке Калке [Федоров-Давыдов 1968, с. 47–48; Баскаков 1985, с. 70–79].

Третий период длился с 1238 до 1452 г. — года основания Касимовского ханства в составе Российского государства — и олицетворяет победу степи над лесом, когда после монгольского завоевания Руси и создания империи Золотая Орда, 250 лет повелевавшей древнерусскими землями, в которой тюркские степняки со временем растворили в своей среде монгольских пришельцев и унаследовали их традиции государственности, восточные славяне и тюркские степные народы разделили общую историческую судьбу, развиваясь в единой системе связей, что сближало их и при всех ужасах ордынского владычества приводило к взаимообогащению их культур, определяя во многом сходство их жизненного уклада и духовных ценностей. По мнению евразийцев, объединение русских земель в единое государство произошло в эпоху Золотой Орды и осуществлено это было не «русскими славянами, а монголо-туранцами» (монголами и тюрками — А. К.) [Трубецкой 1993, с. 59]. Н. С. Трубецкой считал, что подлинное начало России как великого государства было положено не славянами и не варягами — выходцами из Скандинавии, сформировавшими первые древнерусские правящие княжеские династии в Киеве, а степными народами — тюрками и монголами. Евразийцы опровергали распространенное мнение о том, что, оказавшись в составе Золотой Орды, Русь остановилась в своем развитии. По их мнению, были радикально изменены пути этого развития, и в итоге они привели страну к принятию от Золотой Орды эстафеты гегемонии в будущей евразийской державе, каковой и стала Россия. Поэтому евразийцы положительно оценивали период, когда Русь находилась в составе Золотой Орды: «Правда, сначала северо-восточная Русь была в этой (золотоордынской — А. К.) системе вассалом. Но, как известно, к концу XIV в. Русь в лице Московского государства с полной несомненностью стала решающей силой в великом состязании “царств-наследников” Золотой Орды» [Гумилев 1994, с. 535].

Четвертый период — 1452–1696 гг. (от возвышения Москвы и падения Золотой Орды до взятия Петром Великим города Азова, тогда османской крепости) — время побед леса над степью, когда «Русский Север» наступает на монголо-турецкий (монголо-тюркский — А. К.) Восток: завоевание Казанского, Астраханского, Сибирского на Тоболе ханств, поглощение башкирских владений и Ногайской Орды, а позднее в XVIII–XIX вв. и Казахских жузов, Крымского ханства, ханств Средней Азии — Хивинского, Кокандского, Бухарского, благодаря чему постепенно из Великого княжества Московского образуется великая евразийская держава — Российская

империя, включившая в свой состав земли своей предшественницы Золотой Орды, от которой она многое унаследовала. Например, наследие Золотой Орды в области государственной организации стало прообразом в первую очередь российской имперской государственности, где по ордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий. До конца XVII в. русские цари вели переписку с мусульманскими государями с использованием стиля и формул, свойственных парадно-канцелярскому производству Золотой Орды, а в дальнейшем Крымского ханства. Направлявшиеся правителям мусульманских стран грамоты украшались, во всяком случае, до начала XVIII в., не заимствованным у Византии изображением двуглавого орла как герба России, а особого геральдического знака — тугры, взятого с грамот крымских ханов, с которыми у московских государей была активная переписка. Правители России привычно и органично использовали мусульманскую символику, не воспринимая ее как нечто чуждое. Иначе чем объяснить, что тугра первых Романовых не только была хорошо известна тюркским правителям Бахчисарая и Стамбула, империи Великих Моголов в Индии, но и украшала документы выезжавших на Восток российских купцов. Заметно было золотоордынское и более раннее тюркское влияние на русский язык, что нашло свое отражение в современном русском языке, где пятая-шестая часть словарного запаса — тюркского происхождения. Золотоордынское наследие проявилось в веротерпимости и в обыкновении не ассимилировать новые, включавшиеся в состав Российской империи территории, не изменять жизнь, религию и язык присоединенных народов, хотя и были заметные отклонения от этих принципов в отдельные периоды истории России. Помимо этого, Русь была вовлечена в находящуюся на более высоком уровне финансовую систему Золотой Орды и унаследовала от нее ямскую систему путей сообщения и сеть почтовых организаций [Евразийство 1972, с. 381; Ланда 1995, с. 66]. Трудно переоценить роль в истории России тюркской служилой знати, переходившей в православие, сформировавшую заметную часть российского высшего общества, хотя нередко и сохранявшей мусульманскую веру, что не мешало ей преданно служить русскому престолу, и выходцы из которой становились не только номинальными русскими царями, как тюркские князья Петр Ибрагимович и Симеон Бекбулатович, марионетки в руках первого русского царя Ивана Грозного, чья мать была крещеной татаркой, но и подлинными властителями России, как потомок ордынца Чет-мурзы царь Борис Годунов [Трепавлов 1998, № 1–2 (4–5), с. 101–112], «татарин, нехристь», как писал о нем А. С. Пушкин.

Пятый период — «распространение Российского государства до естественных пределов Евразии» (1696–1917 гг.) — объединение леса и степи в «отношении хозяйственно-колонизационном». Социальное и политическое развитие евразийской общности определялось борьбой между «лесом» и «степью», где «лес» постепенно брал верх. Однако эта борьба выявила значение тюркских кочевых народов в создании политической, материальной и духовной цивилизации, которая органически охватывала всю территорию Евразии.

Евразийцы стремились связать изучение географического фактора с постановкой исторических проблем, что им в полной мере удалось. Согласно евразийской точке зрения, большие евразийские территории, содержащие в себе колоссальные природные богатства, диктуют необходимость контроля, что неизбежно приводило к жестко централизованной системе управления.

Таким образом, вполне правомерно, что евразийцы начали переосмысливать роль восточных, прежде всего тюркских кочевых народов, в истории России. Их заслуга состоит не только в том, что они включали тюркский степной мир в ее историю, но и в том, что посмотрели на саму эту историю не с Запада, глазами европейцев с позиции европоцентризма, а как бы из другого мира — тюркского, степного, азиатского. Это обогатило российскую науку, позволило осознать некоторые стороны русского исторического процесса, в частности, взаимоотношений России с тюркскими культурами. В связи с этим приверженцы российской концепции евразийства придавали большое значение географическому фактору, особенно огромным степным пространствам Евразии (где прародина всех, а не только степных, тюркских народов, несмотря на современные места их обитания), на формирование русского национального характера. Именно в степной, а не в «лесной» или «речной» зоне, подобно тому, как это было и у тюркских степных народов, по мнению евразийцев, вырабатывались формы властвования, мышления и психологии, не свойственные другим культурам. В русском национальном типе можно обнаружить азиатские мотивы поведения: массовость и довольно часто иррациональность политических акций, наблюдаемые до сегодняшнего дня. Богатство природы и обширность территории повлияли на национальный характер русских, которым свойственны поистине материковый размах (русская широта), осознание органической связи общественной жизни с природной, взгляд на любые формы политической жизни как на нечто относительное. Формирование нации шло одновременно с образованием империи на огромных пространствах двух, и даже, какое-то время, трех материков, (до уступки Северо-Американским Соединенным Штатам Русской Америки в 1860-х годах), что наложило свой отпечаток на ход российской истории.

Исторический миф о «собирании» земель предполагает, что единый народ якобы существовал как бы сам по себе, а затем объединился в едином государстве. На самом деле и на Руси, и в любой другой стране все происходило с точностью до наоборот. Государство, тем более, имперского уровня, объединившее изначально под своей властью разнородные племена и общины, постепенно превращало их в единый народ.

Следовательно, российская концепция евразийства включает в себя ряд исходных позиций: о существовании особого континента Евразии с особыми природными условиями, климатом и ландшафтом; о месте, где развивается народ, как категории, отражающей синтез социально-исторической среды и территории, которую он заселяет; об определенном типе менталитета и нравственности народа, обусловленного местом, где он развивается; об особых условиях жизни и мировоззрении, порождающих и особую социально-политическую организацию общества на территории Евразии.

В евразийской концепции истории впервые в российской историографии поднимается проблема многонационального государства, что и поныне актуально, как для России, так и для стран тюркского мира, особенно Казахстана.

Последователи российской концепции евразийства выделяли туранский (тюркский) тип как оказывающий определяющее влияние на евразийскую культуру вплоть до эпохи Петра Великого. Главная черта психологии тюркских степных народов, по их мнению, стремление к экстенсивности, что обеспечивало относительную культурную устойчивость данному типу, создававшую условия для сбережения национального потенциала. В целом евразийцы положительно оценивали влияние туранцев (тюрков) на развитие русского национального менталитета и государственности, и, вместе с тем, указывали — «мы не славяне и не туранцы (тюрки), хотя в ряду наших предков есть и те, и другие, а — русские» [Евразийство 1972, с. 374].

Политическое и культурное развитие евразийских народов, в первую очередь славянских и тюркских, сроднившихся в течение веков совместного проживания, при всех противоречиях в их непростых взаимоотношениях, обеспечивало им существование в рамках единого евразийского государства — России, название которого в разное время звучало по-разному — Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация. Поэтому «национальным субстратом» Российского государства «может быть только вся совокупность народов, населяющих государство, рассматриваемая как особая многонародная нация» [Трубецкой 1993, с. 95; Савицкий 1921б, с. 4–7; Вернадский 1927, с. 8; И. Р. (Трубецкой) 1991, с. 35].

Обращение к теориям ранних евразийцев в современную эпоху обусловлено тем, что евразийская идея, каковой бы ни была реальная популярность евразийства среди широких слоев населения современной России, равно как и тюркских стран СНГ, является одной из основных постсоветских идеологий, разработанной, теоретически обоснованной и направленной на реидентификацию России. Современное евразийство возвращает к наследию — к исканиям ранних евразийцев. Вероятно, ему предстоит новое толкование и распространение среди тюркских элит России и стран Центральной Азии, а обращение к евразийству и собственная его интерпретация лидером Казахстана Н. С. Назарбаевым, наглядное подтверждение сказанному [Назарбаев 1997].

Библиография

1. Баскаков 1985: *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

2. Вернадский 1927: *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Прага, 1927, ч. 1.

3. Вилента 1988: *Вилента И. В.* Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев. Вестник Московского Университета, серия 8 — история, № 1, 1988.

4. ГАРФ: *Савицкий П. Н.* Евразийская концепция русской истории. Государственный архив Российской Федерации.

5. Гумилев 1994: *Гумилев Л. Н.* Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.

6. Евразийство 1972: Опыт систематического изложения. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьба России. М., 1972.

7. Зуев 2002: *Зуев Ю. А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

8. И. Р. (Трубецкой) 1991: *И. Р.(Трубецкой Н. С.).*Наследие Чингиз-хана (взгляд на русскую историю не с Запада, а Востока). Вестник Московского университета, серия 9 — филология, № 4, 1991.

9. Карамзин 1989: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. 1, М., 1989.

10. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

11. Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с. (Азиатика).

12. Ланда 1995: *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995.

13. Менандр 1941: *Менандр.* История. Вестник древней истории. 1941, № 1.

14. Назарбаев 1997: *Назарбаев Н. А.* Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М., 1997.

15. Савицкий 1921а: *Савицкий П. Н.* Европа и Евразия. Русская мысль. София, 1921, вып.1.

16. Савицкий 1921б: *Савицкий П. Н.* Миграция культуры. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

17. Савицкий 1993: *Савицкий П. Н.* Евразийство. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 100–101.

18. Трепавлов 1998: *Трепавлов В. В.* Тюркская знать в России (ногаи на царской службе). Вестник Евразии — Acta Eurasica. М., 1998. №1–2 (4–5).

19. Трубецкой 1920: *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София, 1920.

20. Трубецкой 1993: *Трубецкой Н. С.* О туранском элементе в русской культуре. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.

21. Федоров-Давыдов 1968: *Федоров-Давыдов Г. Ф.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.

A. Sh. Kadyrbaev

STEPPE PEOPLES AND THE PERIODIZATION OF THE HISTORY OF RUSSIA IN THE CONCEPT OF EARLY EURASIANS

Abstract: *The article is devoted to the views of early Eurasians on the role of the steppe, the Turkic and Mongolian peoples in the history of Russia. In particular, the Eurasians, on the basis of the values of nomads in the history of our country, offer their own periodization of Russian history.*

Keywords: *nomads, the Mongols, the Turks, Russia, Eurasia, steppe, oasis, empire, kaganate, the Golden Horde.*

А. К. Камалов

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТНОПОЛИТОНИМОВ *ОТУЗ–ТАТАР* И *ТОКУЗ–ТАТАР* ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. *Статья предлагает новую интерпретацию выражений отуз-татар и токуз-татар древнетюркских и древнеуйгурских рунических текстов, числовые обозначения которых ученые связывали до сих пор с числом племен, из которых состояли татары в разные периоды истории. Соответственно эти выражения переводились как «тридцать племен татар» и «девять племен татар». На основе анализа сведений тюркских и китайских источников о древних татарах реконструируется исторический контекст использования данных выражений и проводится связь выражений отуз-огуз и токуз-огуз с родоплеменной структурой Тюркского и Уйгурского каганатов, основу которых составляли тридцать (отуз) тюркских и огузских племен и девять огузов (токуз-огуз).*

Ключевые слова: *отуз-татар, токуз-татар, древнетюркская эпоха, тюркские и уйгурские рунические надписи*

Ранняя история татар, как и многих других древних обитателей Центральной Азии, таит в себе немало загадок, которые связаны со скудостью сведений письменных источников. Главными источниками по истории древних татар являются древнетюркские рунические памятники и китайские исторические сочинения. Основной корпус китайских известий о татарах относится к более позднему времени — ко времени возвышения монголов, и включает, в первую очередь, сведения сочинения «Мэн-да бэй-лу» (Полное описание монголо-татар), составленного в начале XIII в. [Мэн-да бэй-лу 1975]. Сведения китайских источников о татарах в полной мере были проанализированы еще в начале XX в. японским ученым Янай Ватари [Yanay 1933], а несколько позже известным китайским историком Ван Говэем [Wang Guowei 1962; Ерзин 2015, с. 9] и французским востоковедом Полем Пельо. Что касается изучения сведений о татарах в древнетюркских рунических памятниках, большая заслуга в этом принадлежит выдающемуся российскому тюркологу Сергею Григорьевичу Кляшторному, который на основе сопоставления данных тюркских рунических надписей с известиями «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина и китайских сочинений реконструировал ранние этапы истории татар Центральной Азии и поставил их в общий контекст истории тюрков и монголов, обосновав жуаньжуаньское происхождение татар [Кляшторный 2006; Кляшторный 2010, с. 161].

К еще не разрешенным вопросам истории древних татар относится упоминание в рунических памятниках двух разных сочетаний этнонима *татар*

с числительными — *отуз-татар* (тридцать татар) и *токуз-татар* (девять татар), которые обычно интерпретируются учеными как обозначения численного состава татарских племен на разных этапах их истории. Данная статья предлагает новую интерпретацию выражений *отуз-татар* и *токуз-татар* и посвящается светлой памяти Сергея Григорьевича Кляшторного.

Рассмотрим, каков был характер ранних сведений о татарах в тюркских и китайских источниках. Впервые слово *татар* в тюркских рунических надписях встречается вместе с числительным *отуз* (тридцать) — *отуз-татар*. В памятнике в честь Кюль-тегина (732 г.) *отуз-татары* называются в перечне народов, присутствовавших на похоронах первых тюркских каганов Бумына и Истеми: «[В качестве] плачущих и стонущих [т. е. для выражения соболезнования] [пришли] спереди, из [страны] солнечного восхода, народ степи Бёклийской, [а также] *табгач*, *тибетцы*, *авары* и Рим, *киргизы, уч-кураканы, отуз-татары, кытай и татабийцы*, столько много народов, придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они» [Малов 1951, с. 36].

Следующее по времени упоминание *отуз-татар* в тюркских рунических надписях связано с возрождением Восточнотюркского каганата в 689 г. Вернувшись в степь после длительного пребывания на территории Китая, тюркский Ильтериш-каган был встречен враждебно коалицией местных племен, среди которых были и *татары*. Та же надпись Кюль-тегина сообщает об этом следующее: «Справа (т. е. на юге) народ *табгач* был врагом, слева (т. е. на севере) народ *токуз-огузов* [под начальством] Баз-кагана был врагом, киргизы, курыканы, *отуз-татары*, кидани и татабы все были врагами» [Кляшторный 1964, с. 33].

В первое десятилетие существования Уйгурского каганата (744–840 гг.) *татары* поддержали грозное восстание восьми *огузских* племен (*секиз-огузов*, т. е. всех *огузов*, за исключением ведущего племени *уйгур*), выступивших против каганов из уйгурского рода Яглакар. При этом авторы уйгурских надписей называют татар не *отуз-татарами*, а *токуз-татарами*. Восстание *секиз-огузов* и *токуз-татар* против Элетмиш Бильге-кагана началось сразу после его восшествия на престол в 747 г. и продолжалось до 749 г. С. Г. Кляшторный видел причины восстания в том, что уйгурские князья из рода Яглакар не имели никакого превосходства и приоритета знатности в сравнении с разгромленным ими в VII в. главным огузским племенем — *сирами* (*сеяньто*), в связи с чем «принятый ими каганский титул в правовых представлениях других *огузских* племен был по меньшей мере сомнительным» [Кляшторный 1986, с. 161]. Ход восстания *секиз-огузов* и *токуз-татар* подробно изложен в надписи из Могойн Шине-усу (Селенгинский камень,

760 г.). Токуз-татары также упоминаются в Терхинской (Тарьятской) надписи того же Элетмиш Бильге-кагана [Кляшторный 2010, с. 42; Katayama 1999, с. 171]. Анализ сведений надписи показывает, что решающим в войне с секиз-огузами и токуз-татарами был 749 г., в течение которого произошло по меньшей мере шесть сражений каганского войска с повстанцами. Последнее из этих сражений, состоявшееся 15 числа 8 месяца (749 г.), принесло уйгурам победу над татарами, часть которых подчинилась, а часть ушла к киданям: «Пятнадцатого числа того же месяца у ключа Кэйрэ и у трех речек Биркю столкнулся я с татарами и побил их. Половина народа присоединилась к нам, другая половина добралась до (киданей?)» [Малов 1959, стк. 18, с. 40]. В последующем татары не упоминаются в уйгурских источниках [Камалов 2001, с. 82–83]. Их подчиненное положение в Уйгурском каганате засвидетельствовано китайским историком XII в. Ван Минцзи, который писал, что «татары были пастухами коров у уйгуров» [Кляшторный 2006, с. 535].

Удивительно, что татары, являвшиеся значимым племенем в тюркскую и уйгурскую эпохи, практически не упоминаются в китайских текстах о древнетюркских племенах. Впервые термин «татар» встречается в описании уйгурского пути (дороги ветров) в «Синь Таншу» (Новая история династии Тан), где он зафиксирован в составе топонима, а именно в названии озера *Даданьшань*, т. е. «Татарская гора» [XTS 1936, гл. 43, л. 7б; Камалов 2014, с. 48].

Что касается самого раннего упоминания в китайских источниках слова *татар* как названия племени, мы находим его в одном из писем танского министра Ли Дэюя, разрабатывавшего политику в отношении уйгурских племен, бежавших к границам Китая после крушения Уйгурского каганата в 840 г. В переписке Ли Дэюя с кыргызами сообщается об их планах захвата наряду с бывшими уйгурскими землями также «Аньси, Бэйтин и пять племен татар» [Drompp 2005, с. 127]. Майкл Дромпп считает, что в данном случае речь идет о татарах Ганьсу [Drompp 2005, с. 129]. В другом письме Ли Дэюя татары упоминаются вместе с племенами *хэйчэцзэ* (*кит.* «черные телеги»), которые приняли в свой лагерь бежавших к границе Китая уйгуров [Drompp 2005, с. 216–217].

В последующую эпоху татары упоминаются в заметках сунского посла Ван Яньдэ, посетившего Уйгурское Турфанское княжество в 981–983 гг. Примерно к тому же времени относятся сведения о татарах в тангутских источниках. Е. И. Кычанов, который проанализировал эти сведения, отметил, что название «татар» ко времени появления тангутского государства Си Ся (982–1227 гг.) применялось как обобщенное название населения северных территорий, а также и собственно татар. Татары были северными и восточными соседями тангутов, которые на западе граничили с уйгурами

[Кычанов 2008, с. 34]. Следует также добавить, что более поздние китайские источники ведут происхождение татар от тюрков *шато* танского времени, что, возможно, связано с адаптацией части татар, жившей с *шивэй*, в тюрко-согдийской среде шатосцев Северного и Северо-Восточного Китая [Мэн-да бэй-лу 1975, с. 45].

Приведенный выше экскурс в историю ранних татар может служить общим фоном для обсуждения вопроса о двух разных наименованиях татар, встречающихся в тюркских и уйгурских рунических текстах — *отуз-татар* и *токуз-татар*. Наличие двух наименований *отуз-татар* и *токуз-татар* в рунических текстах было отмечено С. Г. Кляшторным, который писал по этому поводу: «Заметим, что в ситуации VI–VII вв. союз татарских племен назван в орхонских надписях «тридцатью татарами (*отуз-татары*), а в середине VIII в., как и в енисейской надписи из Хербис-Баары, они названы "девятью татарами" (токуз-татарами). Не исключено, что в изменении названия отражен распад первоначальной группировки татарских племен» [Кляшторный 2006, с. 534–535]. Действительно, «превращение» *тридцати татар* в *девять татар* в течение ста или двухсот лет можно рассматривать как распад большого тридцатиплеменного союза на союз из девяти племен. Хронологическая последовательность упоминания *отуз-татар* в тюркское время, а *токуз-татар* — в уйгурскую эпоху, не противоречит такой интерпретации.

Существуют другие гипотезы, касающиеся *отуз-татар* и *токуз-татар*. Так, Ван Говэй предлагал идентифицировать с *отуз-татарами* тюркских памятников татар Ганьсу, упоминаемых в письме Ли Дэюя (842 г.), а татар, живших вместе с племенами *хэйчэцзэ* (*шивэй*) — с *токуз-татарами* уйгурских надписей [Pelliot 1928, с. 124–125]. Согласно такому пониманию, изменение числовых обозначений татарских племен (тридцать и девять) в рунических текстах связано не с распадом татарских племен, а с одновременным существованием двух групп татар на разных территориях. Такое предположение о существовании в 840-х гг. двух групп татар — в Ганьсу и в районах, граничащих с северным Китаем, не подкрепляется какими-либо свидетельствами и вряд ли может быть принято. Отвергая мнение Ван Говэя, Поль Пельо предположил, что в письмах Ли Дэюя речь идет об одних и тех же татарах, которые могли в период переписки министра, с 842 г. до 848 г., переселиться из района Аньси и Бэйтина в Восточном Туркестане на юго-восток, к племенам *хэйчэцзы* (*шивэй*). Однако Майкл Дроммп исключает возможность такой миграции на основании того, что «восточные» татары (вместе с *хэйчэцзы*) упоминаются в письме, датируемом 842 г., а не 848 г. [Drompp 2005, с. 217, комм. 14]. Тем самым письма Ли Дэюя действитель-

но зафиксировали две группы татар — в Ганьсу и приграничных к Китаю землях современной Внутренней Монголии и Маньчжурии. Однако это деление едва ли может быть связано с *отуз-татарами* и *токуз-татарами*, учитывая, что Ли Дэюй в своем письме говорит о пяти племенах татар.

Вместе с тем существует возможность иной трактовки выражений *отуз-татар* и *токуз-татар* тюркских рунических текстов: числовые обозначения в наименовании *татар* могли быть не реальным количеством племен, входящих в союз племен, а символическим или нести иную смысловую нагрузку, связанную с родоплеменными структурами Восточнотюркского и Уйгурского каганатов, в которых большое значение имело деление племен на тридцать и девять.

Тот факт, что выражение *отуз-тата*р встречается исключительно в памятниках тюркской эпохи, а *токуз-татар* — в тюркской надписи Бильге-кагана (734 г.) и памятниках уйгурского Элетмиш Бильге-кагана, созданных в начальный период существования Уйгурского каганата, позволяет обратиться к практике употребления числовых обозначений *отуз* и *токуз* в тюркскую и уйгурскую эпохи.

Отуз-татары. В тюркских и китайских источниках кроме выражения *отуз-татар* не имеется других случаев употребления числа «тридцать» в этнонимах: единственное выражение с числительным «тридцать» — *отуз-оглан* (тридцать сынов) в тюркских текстах не имеет отношения к этнонимике. Однако наличие тридцати племен было установлено учеными в структуре восточных тюрков посредством анализа сведений о составе тюркских и огузских племен. Исследования венгерского ученого К. Цегледи показали, что ядро племенной структуры Восточнотюркского каганата состояло из тридцати племен: из двенадцати племен тюрков и восемнадцати племен огузов. Двенадцать племен тюрков зафиксированы в китайском тексте эпитафии согдийца Кан А-и Кюль-таркана, составленном танским министром Янь Чжэньцином: «[Среди] сильных [народов] Севера самыми сильными были *двенадцать* фамилий» [Камалов 2004, с. 168]. Вместе с тем тюркский Бильге-каган называет «своим собственным народом» *токуз-огузов*, то есть рассматривает их как часть племенного союза Тюркского эля [Малов 1959, с. 21]. Токуз-огузы состояли в то время из девяти племен *огузов* во главе с племенем *уйгур*, которое в свое время распадалось еще на десять родов (*он-уйгур*), что в общей сложности давало 18 огузских подразделений. На основании этих данных К. Цегледи сделал вывод о том, что двенадцать тюркских племен и восемнадцать огузских составляли тридцатиплеменную структуру тюркского эля, именно поэтому Бильге-каган обращается к огузам как к своему «собственному» народу, особо выделяя

их от других племен. Если это так, то ядро этнической структуры тюркского государства составляли тридцать племен *тюрков* и *огузов* [Czeglédi 1972, с. 276; Dobrovits 2004, с. 260]. В этом случае число *отуз* (тридцать) становилось элементом названия господствующего союза, в зависимости или в подчинении которого находились *татары* и другие племена. Числовое обозначение «тридцать» закрепилось за союзом *тюрков* и *огузов* только в период существования Второго Восточнотюркского каганата; этот союз распался в 730 г., после изгнания тюрков в Китай и образования каганата во главе с каганом из племени *сеяньто* [Малявкин 1980, с. 107–108]. Отражением этой тридцатиплеменной структуры и стало название *отуз-татар*, которое могло означать не «тридцать племен татар», а «татары, относящиеся к тридцати *племенам тюрков* и *огузов*». Иными словами, в выражении *отуз-татар* числительное *отуз* (тридцать) характеризовало всю тюрко-огузскую родоплеменную структуру, в состав которой были включены и татары. Отсутствие в рунических текстах выражения *отуз түрк огуз* (тридцать тюрков и огузов) не может служить препятствием для такого понимания выражения *отуз-татар*, так как тюркские рунические тексты дошли до нас только во фрагментах, а о многих важных событиях или фактах из истории тюрков мы узнаем из инозычных источников, прежде всего, китайских. Так, название царского рода тюрков Ашина или численный состав восточных тюрков сохранились только в китайских источниках.

Токуз-татары. Перейдем теперь к рассмотрению термина *токуз-татар* в тюркских рунических надписях. Этот термин впервые употреблен в надписи Бильге-кагана в описании антитюркских восстаний в 723–724 гг., в котором *токуз-татары* упоминаются как союзники *токуз-огузов*. Появление первого упоминания *токуз-татар* именно в сообщении о событиях, связанных с *токуз-огузами*, на наш взгляд, является неслучайным и служит ключом к его пониманию.

Токуз-огузы — восточная ветвь *огузов*, населявших обширные территории Внутренней Азии, вышла из союза племен *теле* (тюрк. *тегрег*) [Hamilton 1962, с. 26]. Их ближайшим предком был народ *гаочэ*, соперничавший за власть с *жуаньжуанями* (*аварами*) и создавший ханство в Восточном Туркестане и Ганьсу в IV–V вв. Сведения о составе *токуз-огузского* племенного союза содержатся в китайских источниках и по-разному интерпретируются учеными. Само формирование *токуз-огузского* союза ученые относят к 647 г., когда ведущее *телеское* племя *сеяньто* (*сиры* тюркских надписей), создавшее Сеяньтоский каганат, было разгромлено и покинуло этот союз, а главенствующее место в нем заняли уйгуры [Czeglédi 1972; Czeglédi 1982, с. 90]. В первые десятилетия Уйгурского каганата *токуз-огузские* племена

консолидировались вокруг уйгурских каганов из рода Яглакар, и название господствующего и самого крупного племени *уйгур* распространяется на весь *токуз-огузский* союз, который отныне стал именоваться *уйгурским*.

В китайских текстах понятию *токуз-огузы* соответствует название «девять фамилий» (кит. *цзюсин*), а входившие в состав *токуз-огузов* племена часто именуются «племенами девяти фамилий». При этом понятие «девяти фамилий» вначале применяется ко всему *токуз-огузскому союзу* (кит. *цзюсин теле*), а затем и к отдельными входившим в него племенам, например, «*уйгуры* девяти фамилий» (кит. *цзюсин хуэйху*), «*тонгра* девяти фамилий» (кит. *цзюсин тунло*), «*байарку* девяти фамилий» (кит. цзюсин баегу) и т. д. Подробный анализ китайских сведений о *токуз-огузах* (девять фамилий) можно найти в трудах Т. Ханеда, Э. Пуллиблэнка и Дж. Гамильтона [Haneda 1957; Pulleyblank 1956; Hamilton 1962].

То, что термин *токуз-татар* впервые начинает употребляться в тюркских рунических памятниках вместе с термином *токуз-огуз*, обозначающим народ, с которым татар связывают союзническое отношения, а в первые годы установления верховной власти уйгурских каганов *токуз-татары* поддерживают восстание восьми *огузских* племен (*секиз-огуз*), свидетельствуют не только о тесных связях *токуз-татар* с *токуз-огузами*, но и о фактической «включенности» их в *токуз-огузский* племенной союз. После установления в степи уйгурской власти *татары*, как отмечалось выше, находились в подчинении уйгуров (токуз-огузов).

Все эти обстоятельства наталкивают на мысль, что выражение *токуз-татары* в древнеуйгурских рунических текстах возникло в связи с фактической инкорпорацией *татар* в правящий племенной союз *токуз-огузов* во главе с *уйгурами*. Если во Втором Восточнотюркском каганате Бильге-каган называл своим народом *тюрков* и *огузов*, то уйгурский Элетмиш Бильге-каган таким же образом мог называть своим народом *огузов* и *татар*. Представляется, что именно с установлением союзнических отношений с токуз-огузами татары получают наименование *токуз-татар*, которое следует понимать не как «*татары*, состоящие из девяти племен», а как «*татары*, находящиеся в составе *токуз-огузов*». Тесные связи *огузов* и *татар* проявились во время упомянутого выше огузского мятежа в 747–749 гг., когда восемь *огузских* племен и *татары* выступили совместно против уйгурского Элетмиш Бильге-кагана. Таким образом, выражение *токуз-татар* оказывается связанным с особенностью родовой структуры *токуз-огузов* (*уйгуров*), точно так же, как в предыдущую эпоху название *отуз-татар* имело отношение к тридцатиплеменной структуре Тюркского эля.

Такая трактовка наименований *отуз-татар* и *токуз-татар* в тюркских и уйгурских рунических памятниках может служить дополнительным маркером датировки тех или иных сведений, в которых упоминаются татары. Например, надпись на кыргызской стеле из Хербис-Баары (Тува), обнаруженная С. И. Вайнштейном и изданная А. М. Щербаком, содержит сведения о походе на татар, гласящее «В свои двадцать семь лет, ради моего государства, я ходил на токуз-татар» [Кляшторный 2006, с. 534]. Исходя из предложенной нами трактовки выражения *токуз-татар*, эта информация может быть датирована периодом после 630 г., когда сформировался *токуз-огузский* племенной союз, что в свою очередь привело к появлению термина *токуз-татар*.

В заключение отметим, что цифровые обозначения в наименованиях *отуз-татар* и *токуз-татар* тюркских и уйгурских рунических текстов до сих пор воспринимались как показатели количественного состава татарского племенного союза и предполагалось, что речь идет о двух племенных союзах, состоявших соответственно из тридцати и девяти подразделений. Предложенный анализ показывает, что цифровые обозначения *отуз* и *токуз* в этнониме *татар* могут быть связаны не с фактическим численным составом татарских племен, а с политическими образованиями «тридцати *тюрков* и *огузов*» и «девяти *огузов*», с которыми *татар* связывали отношения подчинения и союза во время существования Восточнотюркского и Уйгурского каганатов. Соответственно выражения *отуз-татар* и *токуз-татар* тюркских и уйгурских рунических текстов нужно понимать не как «татары, состоящие из тридцати племен» и «татары, состоящие из девяти племен», а как соответственно «татары, относящиеся к союзу тридцати племен (тюрков и огузов)» и «татары, относящиеся к девяти (огузам)». Эти обозначения потеряли актуальность после консолидации уйгурских племен в поздние периоды истории Уйгурского каганата, когда название главного токуз-огузского племени — *уйгур*, было перенесено на весь токуз-огузский племенной союз, который стал называться *уйгурским*, хотя арабо-персидская историческая традиция, не знавшая произошедших в степи изменений, по-прежнему продолжала применять название *токуз-огуз* к уйгурскому населению Турфанского княжества в Восточном Туркестане.

Библиография

1. Ерзин 2015: *Ерзин М.* Из глубины Евразии. Алматы, 2015.

2. Камалов 2004: *Камалов А. К.* Эпитафия согдийца Кан-а-и кюль таркана // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дешт-и кипчака в XIII–XVIII вв. Алматы, 2004. С. 158–169.

3. Камалов 2001: *Камалов А. К.* Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы, 2001.

4. Камалов 2014: *Камалов А. К.* Дорога ветров или «уйгурский путь»: о значении торговых путей через территорию кочевников в древнетюркскую эпоху // Известия Национального центра архивоведения. № 3. 2014. С. 46–51.

5. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские источники как источники по истории Средней Азии. М., 1964.

6. Кляшторный 1986: *Кляшторный С. Г.* Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica-1986. К 80-летию академика Кононова А. Н. Л., 1986. С. 153–164.

7. Кляшторный 2006: *Кляшторный С. Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 531–541.

8. Кычанов 2008: *Кычанов Е. И.* Тангутские (Си Ся) источники о татарах // Mongolica-VIII. СПб, 2008. С. 34–36.

9. Малов 1951: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.

10. Малов 1959: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

11. Малявкин 1980: *Малявкин А. Г.* Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 103–126.

12. Мэн-да бэй-лу 1975: *Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар). Перевод с китайского, введение, комментарии и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975.

13. Czeglédi 1972: *Czeglédi K.* On the numerical composition of the ancient Turkish tribal confederations // Acta Orientalia Hungarica. Vol. XXV. 1972. P. 275–281.

14. Czeglédi 1982: *Czeglédi K.* Zur Stammesorganization der turkischen Volker // Acta Orientalia Hungarica. Vol. XXVI. 1982. S. 89–93.

15. Dobrovits 2004: *Dobrovits M.* The thirty tribes of the Turks // Acta Orientalia Hungarica. Vol. LVII (3). 2004. P. 257–262.

16. Drompp 2005: *Drompp M. R.* Tang China and the Collapse of the Uighur Empire: A Documentary History. Leiden-Boston, 2005.

17. Hamilton 1962: *Hamilton J. R.* Toquz-oguz et on-uygur // Journal Asiatique. № 250. 1962. P. 23–64.

18. Haneda 1957: *Haneda Toru.* Kiusai kaikotsu to tokuz-oguz no kansei rondzu // Haneda hakase sigaku rombun siu. 1. Rekisi han. Kyoto, 1957. P. 325–394.

19. Katayama 1999: *Katayama Akio*. Tariat inscription // Provisional report of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. Ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Osaka, 1999. P. 168–176.

20. Pelliot 1928: *Pelliot P.* L'edition collective des oeuvres de Wang Kuou-wei // T'oung pao, 26, nos. 2–3. 1928. P. 113–182.

21. Pulleyblank 1956: *Pulleyblank E.* Some Remarks on the Toquz-Oguz problem // Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. XXVIII, 1–2. 1956. P. 35–42.

22. Wang Guowei 1962: *Wang Guowei.* Dada kao. Taibei, 1962.

23. XTS 1936: *Xin Tangshu.* Ou Yanxu. «Sibu congkan» series. Shanghai, 1936.
24. Yanay 1933: *Yanay Watari.* Dadan kao. Shanghai, 1933.

Ablet K. Kamalov

INTERPRETING THE ETHNO–POLITONYMS *OTUZ–TATAR* AND *TOQUZ–TATAR* OF THE OLD TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS

Abstract: *The article gives a new interpretation of the terms otuz-tatar and toquz-tatar of the old Turkic and Uyghur runic inscriptions, in which the figures otuz (thirty) and toquz (nine) have so far been interpreted as indicators of numerical composition of the Tatars and translated respectively as "thirty tribes of the Tatars" and "nine tribes of the Tatars". Based on the analysis of accounts of Turkic and Chinese sources on the ancient Tatars the author reconstructs the historical context of the use of those terms and connects the notions otuz-tatar and toquz-tatar with tribal structures of the Turkic and Uyghur Khanates that consisted respectively of thirty (otuz) tribes of Turks and Oghuzs and nine tribes of Oghuzs (toquz-oghuz).*

Keywords: *otuz-tatar, toquz-tatar, ancient Turkic epoch, Turkic Uyghur runic inscriptions*

И. В. Кормушин

ЕНИСЕЙСКИЕ СТРАДАНИЯ–1 (ЦИКЛ ЗАМЕТОК О РАЗНОГЛАСИЯХ В ЧТЕНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕНИСЕЙСКИХ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ, А ТАКЖЕ ПО ВРЕМЕНИ ИХ СОЗДАНИЯ)

Аннотация. *«Енисейские страдания» связаны, в первую очередь, с недатированностью енисейских рунических памятников, в целом и по отдельным группам, и порожденными этим обстоятельством острыми разногласиями среди специалистов по проблемам их датирования. Большая часть енисейских надписей теперь, в отличие от начального этапа их изучения во времена В. В. Радлова, признается относящимися ко второй половине IX–X вв. В статье предлагается методика опоры на внешние данные надписей, не связанные с обоснованиями исторического порядка, не дающими однозначных доказательных решений, а именно на палеографические признаки применяемого письма. В статье разбираются теоретические основы и практические выкладки палеографического подхода на примере группы памятников из Хакасии — Е-28, Е-29, Е-30, Е-37. Приводятся доводы С. Г. Кляшторного, выдвинувшего гипотезу об отнесенности этой группы надписей к середине VIII в., и контрдоводы не согласных с такой ранней датировкой этих памятников, в том числе наши доводы палеографического порядка.*

Ключевые слова: *древнетюркские рунические надписи, датирование недатированных памятников, палеография.*

Енисейские памятники были введены в научный оборот в 1895 г. известным изданием В. В. Радлова «Древнетюркские надписи Монголии», в котором в виде отдельного раздела «Надписи из бассейна Енисея» были помещены первые чтения и переводы 40 надписей. Из них первые 24 номера заняли надписи с верховий Енисея, с территории нынешней Тувы, в то время входившей в состав Монголии, бывшей частью Китайской империи; остальные 16 надписей происходили с территории Среднего Енисея, земель Минусинской котловины, включая нынешнюю Хакасию и южные районы Красноярского края, которые входят в состав России. Однако российские надписи № 25–40 помещены рядом с «монгольскими» (тувинскими) надписями № 1–24 с Верхнего Енисея как имевшие несомненное историко-культурное сходство с ними [Radloff 1894–1895, с. 299–346].

Первые переводы енисейских текстов В. В. Радлова были очень несовершенны, что он сам признавал неоднократно. Поэтому последовали критические замечания и поправки со стороны видных тюркологов того времени, прежде всего, В. Томсена, О. Доннера, В. Банга, П. М. Мелиоранского,

С. Е. Малова и др. Учет поправок и открытие новых памятников позволяют приступить к обобщающим публикациям. В 1936–41 гг. в Стамбуле вышел в свет четырехтомник Х. Н. Оркуна «Древнетюркские надписи», в третьем томе которого приведены 43 надписи с рядом очевидных улучшений в переводах благодаря тому, что были учтены упомянутые поправки других ученых и сделаны собственные [Orkun 1936–1941, III, с. 1–246]. Первый этап изучения енисеики венчает, можно сказать, выход основополагающей книги С. Е. Малова «Енисейская письменность тюрков с надписями № 1–51 [Малов 1952]; в книге, вышедшей после кончины ученого, в этот счет были добавлены надписи, получившие затем номера 52 и 53 [Малов 1959, с. 70–72].

Уже на этом этапе стал очевидным тот факт, что енисейские памятники, все без единого исключения, не датируются ни прямо, ни косвенно (в отличие от орхонских, датируемых и прямо, датой в тексте — памятники в честь Кюль-тегина — 732 г., и Бильге-кагана — 735 г., и косвенно, как надпись Тоньюкука и отчасти др., по событиям, пересекающимся с надписями в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана. Нет в енисейских текстах и откликов на какие-либо исторические события, известные из других источников.

В условиях недатированности части памятников какого-либо письма лингвистика предоставляет на службу истории скромные, на первый взгляд, возможности палеографии — вспомогательной историко-филологической дисциплины, основанной на классификации изменений в конструктивных начертательных особенностях букв любого определенного алфавита в зависимости от времени и места создания памятника. Типовые особенности начертаний, свойственные манере письма определенного периода и/или места, составляют хронологические приметы. Правда, для выстраивания начертательных особенностей по временной очередности нужны опорные точки, представляющие собой точно или относительно точно датированные памятники, в сопоставлении с которыми получают приблизительную хронологическую оценку памятники не датированные. Сложность выработки и применения схемы датирующих примет в нашем случае состоит все в том же: ни одна из енисейских надписей не имеет какого-либо недвусмысленного указания на время своего создания. Не из чего выбирать опорные вехи!

Еще одна особенность енисейских памятников не способствует упорядочиванию сведений об основах организации применяемой здесь разновидности тюркского рунического письма: начертания енисейских графем не отличаются ни строгостью, ни даже единообразием, как от одного памятника к другому, так и внутри одной надписи. Это разительно отличает их от орхонских стел, в отношении дукта букв, строго выполненных китайскими опытными резчиками. Кроме того, число применяемых в енисейских

надписях графем превышает цифру 50, поскольку встречаются буквы, отсутствующие в 38-значном алфавите орхоники, что тоже принималось, почему-то, рядом исследователей за признак древности.

В силу сказанного, оценивая общее соотношение в начертательных особенностях одних и тех же букв обоих вариантов одного, орхоно-енисейского письма (а в их принципиальном единстве не было сомнения), В. В. Радлов, а за ним и другие тюркологи, пришли к заключению, что енисейские надписи сохраняют более древние, «еще не устоявшиеся» формы знаков, а потому памятники с Енисея палеографически могут быть определены как более древние, чем орхонские. Правда, никакими конкретными начертательными построениями и выкладками указанные допущения не сопровождались. При этом В. В. Радлов, оценивал возраст енисейского письма концом VII — началом VIII в. [Radloff 1894–1895, с. 301], П. М. Мелиоранский — VI–VII вв. [Мелиоранский 1903, с. 036], а С. Е. Малов писал, что «язык этих надгробий — это кладбищенская поэзия века V нашей эры!» [Малов 1952, с. 8].

Коренной перелом в воззрения на этот вопрос внесли работы Л. Р. Кызласова [Кызласов 1960; 1965]. Ряд положений этих работ, на которые указывали рецензенты (например, [Батманов 1963]), действительно, трудно принять: это идея о том, что однотипные тамги на памятниках, различающиеся дополнительными черточками, принадлежат прямым потомкам и их можно выстроить по нисходящей лестнице, хронологизируя надписи относительно друг друга; идея о возможности получить дополнительные хронологические данные из сопровождающего археологического материала; идея о том, что енисейские кыркызы это то же самое, что древние хакасы (надо сказать, положение, высказанное еще В. В. Радловым [Radloff 1894–1895, с. 301]. И все же основная мысль о меньшей древности енисейских памятников в сравнении с орхонскими постепенно нашла признание.

Так, уже в 1972 г. в своем историко-этимологическом словаре Дж. Клосон принимает поправки Л. Р. Кызласова и отказывается от ранее общепринятого датирования надписей с территории Тувы VI веком в пользу IX и последующих — X и частично XI вв. При этом Дж. Клосон отделяет от тувинских надписи с территории Хакасии, которые относит по языку к группе тюркютских (в отличие от надписей из Тувы, относящихся к уйгурской группе) и датирует их VIII в., считая, что тюркютско-хакасские памятники установлены представителями западных, младших тюрок, сбежавших сюда после разгрома Тюркской империи в середине VIII в. [Clauson 1972, XIV].

Л. Р. Кызласов придавал значение палеографическим данным для датировки енисейских памятников, но справедливо полагал, что палеография этих памятников «не разработана именно из-за отсутствия твердых дат»

[Кызласов 1960, с. 93). Первый опыт палеографии древнетюркского рунического письма в целом, но не на основе общего впечатления о «большей древности начертаний», а на базе поэлементного анализа графем, позволившего выстроить логику и, тем самым, очередность наступления изменений в облике алфавитных знаков, был опубликован автором этих строк через 15 лет после статьи Л. Р. Кызласова [Кормушин 1975]. Дж. Клосон, умерший в 1974 г., к сожалению, не увидел этой статьи. Но ее заметили и Л. Р. Кызласов, и А. Н. Кононов, с которыми я лично общался по этому поводу. Обобщая указанные подвижки в деле датирования данной группы памятников, А. Н. Кононов пришел к такому заключению: «Мне представляется, что, судя по довольно многочисленным эпитафиям, найденным в бассейне Енисея, тюркские енисейские памятники следует датировать IX–X вв.; наиболее вероятно, с исторической точки зрения, что они относятся (в основной массе) к IX в.» [Кононов 1980, с. 20].

Несколько раньше этого вывода в 1976 г. С. Г. Кляшторный публикует в сборнике в честь 70-летия А. Н. Кононова статью «Стелы Золотого озера». С. Г. Кляшторный посчитал, что упоминание в тексте Е-28 (Алтын-Кёль I) Сонгайской черни в качестве родины мемориaнта по имени Барс позволяет отождествить его с персонажем орхонских надписей — Барс-бегом, и на основании этого «совпадения» датировать алтынкёльскую надпись началом VIII в., т. е. известным походом тюрков против кыркызов зимой 710–711 гг., закончившемся битвой с каганом кыркызов именно в черни Сонга [Кляшторный 1976, с. 265–266]. Наш анализ не только этого, но и других енисейских памятников показывает, что Барс является скорее клановым, фамильным именем, и было несколько Барсов, проходящих в качестве мемориантов в следующих надписях: в Е-14, Чаа-Холь II, Тува — Эльчи-чор Кюч Барс; в Е-17, Чаа-Холь V, Тува — Тюз Бай Кюч Барс Кюлиг; в Е-28, Алтын-Кёль I, Хакасия — Бай Опа Барс; в Е-98, Уйбат VI, Хакасия — Алыч Барс Тириг Бег. Меняющиеся компоненты перечисленных составных имен говорят за то, что элемент Барс — не индивидуальное имя.

Надписи Алтын-Кёль I и Алтын-Кёль II, как явствует из формы этих памятников и текста Алтын-Кёль II, посвящены братьям-близнецам. Эта идея была подсказана мне Лэрри Кларком во время моей стажировки в Блумингтоне зимой 1994–95 гг., когда я показывал ему эскизы своей будущей книги 1997 года [Кормушин 1997, с. 73–74]. При допущении братьев-близнецов стал понятен адресат одиночного (еще до прощания с членами собственной семьи) обращения *ikkizim-ä* ‘о, мой брат-близнец’ в тексте Алтын-Кёль II: это, по всей очевидности, мемориант памятника Алтын-Кёль I. При этом в тексте Алтын-Кёль II есть совершенно отчетливые манихейские реминис-

ценции, заведомо отдаляющие датировку этой надписи, а значит и близкой, и частично идентичной ей надписи Алтын-Кёль I, более, чем на полстолетия (710 г. — время тюркско-кыркызской войны → после 762 г., даты принятия уйгурами манихейства), а если более реально — уводящие дату создания этого текста в IX в. Выдающийся французский тюрколог Л. Базэн, на основе исторических выкладок, относил алтынкёльские стелы к середине IX в., что, на наш взгляд, гораздо ближе к истине.

Палеографические признаки дают достаточно общее разбиение орхоно-енисейских памятников на несколько временных и территориально-государственных групп: 1) надписи отюкено-тюркские (орхонские), с территории Монголии, кон. VII в. — 30-е гг. VIII в., т. е. в пределах политической истории Второго восточно-тюркского каганата (682–744 гг.); 2) надписи отюкено-уйгурские, с территории Монголии, втор. пол. VIII в. — перв. пол. IX в., т. е. в пределах политической истории Уйгурского каганата (745–840 гг.); 3) надписи енисейско-кыркызские, из бассейна Енисея плюс небольшая группа из сев.-зап. Монголии втор. (?) пол. IX — кон. X — нач. XI вв., т. е. в пределах политической истории Кыркызского каганата; 4) надписи восточно-туркестано-уйгурские, с территории древнеуйгурских княжеств в Турфане и др. местах, X–XI вв.; 5) надписи из Средней Азии, из долины р. Талас в современной Киргизии — по чисто палеографическим основаниям, подкрепленным некоторыми языковыми данными, их следует принять за ответвление енисейско-кыркызской группы, с не вполне ясной хронологией этих памятников, выходящей, скорее всего, в X в.; 6) северо-алтайско-кыркызские надписи с территории Горного (Северного) Алтая, по палеографическим приметам на уровне позднеенисейских надписей, скорее всего, X в.

В нашей первой классификации 1975 г. недоставало четвертой и шестой групп. Четвертая группа принималась мною как продолжение второй на иной территории в последующее время, и мне казалось, что восточно-туркестанская руника не оказывала влияния на енисейскую, ввиду разобщенности этих территорий. Как теперь ясно, это было ошибочное мнение. Шестая группа хотя и видится как дальнейшее развитие енисейской руники, так что результаты этого развития должны учитываться в истории енисеики, но по этим надписям практически не было достоверных, удовлетворительных публикаций. Сейчас же, когда появилось немалое число работ целого ряда исследователей, а самое главное, вышел первый обобщающий труд по всем надписям Горного (Северного) Алтая [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012], это положение дел, как и в отношении четвертой группы, нашло отражение в нашей новой классификации [Кормушин 2013]. Вполне

возможно, что группы кыркызского «замеса» — № 3, 5 и 6 представляют собой некоторое историко-этническое единство, связанное с современными, близкородственными (!) диалектами — северо-киргизскими и южноалтайскими. Внутри первой, отюкено-тюркской группы возможно более точное датирование памятников как по содержательным данным, так и по палеографическим приметам: а) доорхонские, б) орхонские — и в нашей первой классификации 1975–1997 гг. они были отдельными группами, однако содержательное и языковое единство главнейших тюркоязычных надписей, конечно, гораздо важнее их палеографических расхождений.

Во всех группах рунических памятников для рун, служащих хронологическими маркерами, а всего нами было выявлено 11 рунических букв, могущих быть такими маркерами, выстраиваются цепочки последовательно, в отдельных чертах или в их совокупностях, меняющихся графем. Опираясь на последовательность таких изменений, можно говорить «о более поздних» или «о более ранних» вариантах тех или иных графем в рассматриваемом памятнике. В случае енисейских (и таласских) надписей подобные робкие оценки не дают необходимой временной детализации все по той же причине — отсутствию хотя бы нескольких опорных, датированных надписей. Однако принципиальная, общая для всех кыркызских (и таласских) надписей граница между ними и тюркскими и уйгурскими надписями устанавливается именно на основе палеографических данных [Кормушин 1975, с. 38–43; Кормушин 1997, с. 24–28]. По поводу сказанного относительно палеографических критериев рассмотрим некоторый конкретный материал.

Разновидности графем для палатального b^2. Во всех доорхонских стелах — Чйр, Тон, Онг, КЧ — руна для b^2 выводится с округлой головкой: ᛓ. Орхонскую форму можно рассматривать как превращение этого курсивного начертания в прямоугольное: ᛔ. Именно из орхонской прямоугольной формы развивается уйгурско-руническое и енисейское начертание в виде «домика» благодаря тому, что появляются продолжения верхних линий в виде «навесов крыши»: ᛕ. Во всех енисейских памятниках элементы нависающей крыши сохраняются, в разных памятниках делаясь то короче, то длиннее: ᛕ ᛕ; другое изменение захватывает внутреннюю часть, уменьшая нижнюю часть крестовины а иногда заменяя ее одной вертикальной чертой: ᛏ. Чем можно доказать, что развитие идет именно в таком направлении: ᛓ → ᛔ → ᛕ, а не наоборот: ᛕ → ᛔ → ᛓ? Полагаем, что в Онгинской надписи, которая заведомо старше енисейских памятников, в нескольких случаях (в словах bär- и bäg, строки 6 и 7) сохранилась исходная форма b^2 в виде двух взаимопересеченных дут: ᛓ (наподобие енисейского знака для полуузкого ė, о чем еще будет речь ниже). Понятно, в этом случае трансформация заключается

в потере верхних хвостиков пересечений дуг, в то время как нижние были пропорционально увеличены; дальнейшая очередность изменений графемы для b^2 уже фактически изложена выше; итак: [illegible] → [illegible] → [illegible] → [illegible] → [illegible] → [illegible] → [illegible].

Разновидности графем для велярного t^1. Цепочка начертательных изменений начинается с графемы ассиметричного рисунка, единично и всего в нескольких словах сохраненной в надписях Онгинской и Кюли-чора: [illegible]; нормативным же строением этой руны уже в доорхонских надписях становится симметризованная форма: [illegible], от которой производна прямоугольная орхонская форма Т. Прототипы с крышей преобразовывались со временем в двух направлениях: а) соединительная вертикаль в сторону крыши уменьшалась, а затем сходила на нет: [illegible]; б) колечко внизу раскрывалось, так что наряду с закрытыми формами в доорхонских, а затем и по эстафете в отюкено-уйгурских памятниках развились формы с раскрытым колечком внизу: [illegible]. Из этого последнего, благодаря полному отпадению вертикали и раскрытию нижней части до упрощенного повторения крыши развилось стандартное общеенисейское начертание: [illegible]. Итак: [illegible] → [illegible] → Т → [illegible] → [illegible].

Уже по формам графем для b2 : [illegible] и t1 : [illegible] на стелах Алтын-Кёль I и II совершенно однозначно можно определить отнесенность данных памятников ко времени не ранее второй половины IX в. На самом деле палеографических примет доказательного характера гораздо больше, как уже сказано выше. Еще об одной расскажем ниже. Палеографические приметы вкупе с содержательным признаком — тем фактом, что имя Барс является не индивидуальным, а клановым — вполне должны были убедить С. Г. Кляшторного в ошибочности своего предположения о тождестве мемориантa Алтын-Кёль I с персонажем событий 711 г. согласно орхонским надписям. Однако к страданию енисейской рунологии, С. Г. Кляшторный до конца отстаивал это свое воззрение. Более того, в одной из своих последних публикаций он не только повторил эту свою гипотезу, но и расширил круг памятников, относимых им к «первой половине VIII в.», прибавив к их числу надписи Е-30 и Е-37 [Кляшторный 2012, с. 25]. Разберем аргументацию ученого несколько подробнее.

С. Г. Кляшторный начинает свое обоснование по сплачиванию этой группы надписей таким допущением: «Брат Барс-бега ушел послом в Тибет» {*är ärdäm üčün tüpüt qanqa jalabač bardïm kälmädim* ‘во имя доблести мужа-воина я отправился послом к тибетскому хану и не вернулся’ — Е-29_8; по кн.: [Кормушин 2008, с. 121]; текстовое дополнение наше — И. К.}; «еще одного посла, именитого военачальника Чабыш Тон-таркана, Барс-бег отправил за поддержкой к Кара-хану (Е-30)» {*ärdämin üčün ilindä qara qanqa barïpan jalabač barïpan kälmädiŋiz bägim-ä* ’во имя своей доблести отправившись из

своего государства к Кара-хану, отправившись послом, Вы не вернулись, мой бег' — Е-30$_{4-5}$; по кн.: [Кормушин 2008, с. 122–123]; текстовое дополнение наше — *И. К.*} [Кляшторный 2012, с. 25].

Строго говоря, какой-либо текстуальной связи между надписями Е-29 и Е-28 с одной стороны и Е-30 с другой нет, поэтому предположение об их синхронности и соподчиненности является натяжкой.

Далее С. Г. Кляшторный делает еще одно допущение: «о том, кого кыргызы называли Кара-ханом, свидетельствует другая надпись, выбитая на спине каменного изваяния из долины р. Тесь (Е-37)»; «в тексте от лица мемориaнта сообщается, что он — *тюргеш* и *ичрек*, т. е. 'доверенное лицо, советник' Кара-хана [Кляшторный 2012, с. 25]. Поскольку С. Г. Кляшторный основывается на моем чтении этого памятника, отличающемся значительно от чтения С. Е. Малова, то я должен расширить сведения о том, что представляет собой текст этого памятника в моем понимании. В его, текста Е-37, трех коротеньких, в 5–6 слов, строчках пять раз встречается предикативный показатель авторепрезентации *bän* «я есть … (*тот-то* или *такой-то* — по имени, должности-званию, национальности и т. п.)». Приведу текст полностью, ставя две параллельные прямые после каждой из пяти предикаций: Е-37 (1) *bän qara qan ičrägi bän* || *(ä)zg*… (2) ... *bän* || *j(a)b(a)qu t…da bän* || … (3) *türgäš bän* || *čaŋši bän* || *bič j* '«(1) Я — *ичрек* (доверенное лицо) Кара-хана. Я — *Эзг*…(2) … Я — от (племени) ябаку… (3) Я — Тюргеш. Я — летописец. Г(од) обезь(яны)' [Кормушин 2008, с. 128].

Получается, что в тексте Е-37 перед нами перечисление лиц без каких-либо их действий, характеристик. Поэтому соединение *тюргеша* (личность № 4) с *ичреком* (личность № 1) в одну персону кажется неоправданной, поскольку между ними были поименованы еще две другие личности (к сожалению, из обозначения личности 2 прочитываются только первые две буквы), а в конце текста, после перечисления всех пяти личностей, неясно читаемое слово, как будто с обозначением года животного цикла, так что все это похоже на запись почетных участников траурной церемонии с указанием даты события. И понятно, такая запись не увязывается с толкованием, предлагаемым С. Г. Кляшторным.

Отдельно следует остановиться на положении С. Г. Кляшторного о том, что «именно ханов из династии кара-тюргешей, носивших официальный титул "каганов (народа) десяти стрел" в енисейских надписях именуют кара-ханами» (отсюда датирование надписи Е37 и «связанных» с ней надписей Е-30 и Е-29 временем до конца существования государства тюргешей — до 766 г. [Кляшторный 2012, с. 25]. Здесь сошлюсь на не менее компетентное мнение Дж. Клосона: «Kara Xan [Yen.] 30, 4; 37, 1, вероятно, эпоним основате-

ля Караханидской династии» [Clauson 1972, p. 630]. Говоря «об основателе», а не в целом о династии, Дж. Клосон ограничивает время серединой IX в., но не VIII в., как это выходило у С. Г. Кляшторного.

Продолжая поиски усовершенствования собственно палеографического анализа тюркских рунических надписей и в обобщение практического опыта работы по ряду памятников, в том числе, по алтынкёльским енисейским стелам, мне недавно удалось сформулировать некий методический принцип «учета относительной последовательности структурных изменений графем». Конкретные преобразования в начертаниях рун, служащих датирующими приметами тюркского рунического письма, у нас продемонстрированы выше в виде «цепочек последовательно меняющихся графем». Оказалось, что общее правило выстраивания таких цепочек описывается следующей аксиомой (№ 1): «некоторые последовательности изменений в начертательной структуре ряда рунических графем имеют свою логику, поскольку часть таких изменений не может наступить раньше, чем осуществятся изменения, препятствующие им» [Кормушин 2013, с. 3]. Скажем, невозможно представить трансформацию графемы b^2 раннего, доорхонского курсивного вида ᛒ в стандартную енисейскую букву с «навесами крыши» ᛏ без наличия промежуточной орхонской прямоугольной формы ᛏ. В этой же цепочке разновидностей b^2 не понять, как может появиться руна с вертикальной палочкой после скрещения вместо окончания крестовины: ᛏ, если не принять во внимание, что какое-то время существовала графема с заметно уменьшенной крестовиной ᛏ.

В общий принцип «учета относительной последовательности структурных изменений графем» входит и другое явление из числа изменений в облике алфавитных знаков, которое можно описать теоремой № 2: «появление графемы из состава традиционного алфавита в каких-либо надписях в совершенно новой функции свидетельствует о том, что прежняя графема в той первичной функции изменилась настолько, чтобы ее смогли легко отличить от инновационной графемы».

Именно в подобном ключе мы можем объяснить появление со временем в ряде енисейских памятников, в том числе, в Алтын-Кёль I (Е-28), а также в Кёжээлиг-Хову, Тува (Е-45) и др., знака ᛓ для полуузкого *ė*. Естестественно, что такой знак, идентичный раннему ᛓ : b^2, не мог войти в рунический алфавит раньше, чем полностью забудется прежняя функция ᛓ : b^2. Действительно, в указанных памятниках Е-28, Е-45 звук «бэ палатальное» (b^2) передается графемой ᛏ, уже ничем не напоминающей знак ᛓ.

В этих же енисейских памятниках были обнаружены сначала А. С. Аманжоловым в 1981 г. в тексте Е-45 [Аманжолов 1981, с. 24–25, 36–38], и много

позже мной в тексте Е-28 [Кормушин 1997, с. 76] редкий для енисеики (а потому не понятый и неправильно прочитанный первоиздателями) знак 𐰋, характерный для восточнотуркестанской руники в слоговом чтении op/up. Фонетическую расшифровку этого знака дает листок с обрывком упражнений по обучению рунической азбуке, относящийся, как теперь думают, к архиву X в. Знак 𐰋 : op/up неоднократно применен в рукописном тексте «Ырк битиг».

Однако самое примечательное в этом енисейско-восточнотуркестанском совпадении состоит в том, что знак 𐰋, именно в таком начертании, входил в 38-значный орхонский алфавит, но в ином чтении — мягкорядного огубленного силаба ök/ük. Наш анализ показал, что в енисейских и восточнотуркестанских памятниках эта графема через промежуточную стадию закругления колен 𐰋 приобрела закрытую форму в виде «очков» (или русской буквы В) 𐰉 [Кормушин 1975, с. 39]. Памятник Е-28, как и Е-45, имеет это характерное перестроение графемы 𐰉 : ök/ük, предоставившего прежней структуре из двух незамкнутых колен 𐰋 перейти на обозначение другого звукового комплекса: op/up. Понятно, что речь не идет о каком-либо звуковом переходе из-за разницы в рядности (палатальности/велярности) обозначаемых этими графемами силабов. Да и сохранение в составе алфавита мягкорядного силаба, хотя бы и в измененном виде, как будто указывает на разные источники их возникновения. С другой стороны, эта разница самым убедительным образом показывает, что памятники наподобие Е-28, обладающие одновременно рунами 𐰉 : ök/ük и 𐰋 : op/up, не могут относиться к эпохе создания памятников наподобие орхонских надписей, в которых графема 𐰋 имеет исконную фонетическую реализацию в виде мягкорядного огубленного силаба ök/ük.

Библиография

1. Аманжолов 1981: *Аманжолов А. С.* Тюркская руническая графика. 2. Алма-Ата, 1981.

2. Батманов 1963: *Батманов И. А.* О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности // Ученые записки Тувинского НИИ ЯЛИ. Вып. 9. 1963.

3. Кляшторный 1976: *Кляшторный С. Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 258–267.

4. Кляшторный 2012: *Кляшторный С. Г.* Енисейские рунические памятники о кыргызах и «Великий поход» Манаса // Российская тюркология. № 2 (7). 2012. С. 25–29.

5. Кормушин 1975: *Кормушин И. В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. №2. 1975. С. 25–47.

6. Кормушин 1997: *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

7. Кормушин 2008: *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М., 2008.

8. Кызласов 1960: *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. №3. 1960. С. 93–120.

9. Кызласов 1965: *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. №3. 1965. С. 38–49.

10. Мелиоранский 190: *Мелиоранский П. М.* Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея // ЗВО РАО, т. XV. Вып. 1, 1903. С. 034–036.

11. Малов 1952: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.

12. Малов 1959: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

13. Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: *Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012.

Igor V. Kormushin

THE YENISEI SUFFERINGS–1 (A CYCLE OF ARTICLES DEDICATED TO THE CONTROVERSY ON THE READING, INTERPRETATION AND DATING OF THE YENISEI RUNIC TEXTS)

Abstract. *The «Yenisei sufferings» are associated primarily with the undated Yenisei runic monuments (as a whole and in specific groups) and the sharp disagreement generated by this fact among experts on the problems of dating. Most of the Yenisei inscriptions now, in contrast to the initial phase of their study in the days of W. Radloff, are recognized as related to the second half of the IX–X centuries. The paper proposes a method of relying on the external data of the inscriptions that are not related to historical reasoning that cannot provide decisive and demonstrative evidence, namely, on the paleographic characteristics of the writing. The article deals with the theoretical basis and practical calculations of the paleographic approach on the example of a group of monuments in Khakassia — E-28, E-29, E-30, E-37. It presents the arguments of S. G. Klyashtornyi who proposed the hypothesis of the relatedness of this group of inscriptions to the middle of the VIII century, and the counter-arguments of those who do not agree with such an early dating of these monuments, including our paleographic arguments.*

Keywords: *Old Turkic Runic Inscriptions, dating of undated monuments, paleography.*

И. Л. Кызласов

ЕНИСЕЙСКАЯ ЭПИТАФИЯ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Аннотация. *Эпитафия, обнаруженная в 2007 г., является важным и пока единственным материальным свидетельством пребывания близ Бешбалыка носителей енисейского государственного письма Древнехакасской державы. Палеографическое определение нового рунического памятника указывает и на вовлечение в дальние военные кампании IX–X вв. воинов автохтонного населения Тувинской котловины.*

Ключевые слова: *рунология, енисейские эпитафии, Восточный Туркестан, Бешбалык*

В середине января 2009 г. профессор Пекинского университета Линь Мейцунь (Lin Meicun) сообщил мне о находке на востоке Синьцзяна стелы с рунической надписью и прислал ее фотографии (илл. 1, 2). Памятник был обнаружен в 2007 г. сотрудником Кимсарского окружного музея (в письме профессора Линя — Kimsar, Kimsar County Museum; в прочих источниках — округ Джимсар (Jimsar County) в Автономной префектуре Чанцзи Хуэй (Changji Hui Autonomous Prefecture, Джунгария, предгорья хребта Богдо-Ула). В 2009 г. этот человек оказался среди слушателей курса археологии Шелкового пути, читаемого профессором Линем, которому и передал фотоснимки находки. Она была сделана близ деревни, носящей имя р. Эргонхэ (Village of the Ergonghe River; Ergongxiang) к востоку от окружного центра. Профессор Линь прислал мне китайскую карту Синьцзяна, на которой обозначил место находки (я же предлагаю смотреть карту: http://www.maplandia.com/china/xinjiang-uygur/jimsar/jimsar/), и обратил мое внимание на то, что на землях округа в эпоху Уйгурского каганата находился город Бешбалык. Он предложил мне прочесть саму надпись и, в случае успеха, издать ее.

Тогда же, направив коллеге прочтение и палеографическую характеристику надписи, ясно различимой на фотоснимках, и высказав соображения о датировке и обстоятельствах появления письменного памятника (предположительно связав их с известными походами армии кыргыз-кагана против уйгуров в 840-е гг.), я запросил сведения о его археологическом окружении. Оказалось, что близ стелы с надписью находятся каменные курганы и стелы, надписей не имеющие. Профессор Линь предположил, что могильник принадлежит древним кыргызам, приложил к письму несколько его фотоснимков (илл. 3, 4) и поинтересовался, известны ли подобные курганы где-нибудь еще. У меня нет оснований связывать эти объекты с тюхтятской археологической культурой, к которой, как хорошо

Илл. 1

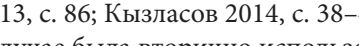
Илл. 2

известно, принадлежит подавляющее большинство енисейских эпитафий, где бы они ни находились.

Что же касается надписи, то она вполне ясна. Семь составляющих ее знаков были глубоко высечены на сужающейся верхней части когда-то стоящей, а ныне поверженной сланцевой стелы (илл. 1, 2). Вид нижней части камня указывает, что он был сбит не так давно, а основание его осталось на месте, вкопанным в землю. На подвергшейся пустынному загару поверхности руны выделяются светлой вертикальной строкою, направленной

Илл. 3–1

снизу вверх. Перед нами несомненное соблюдение характерной енисейской традиции использовать для эпитафий лишь стоявшие в степи древние камни и, нарушая выбивкой их потемневшие грани, тем самым писать «белым по черному» [Кызласов 2013, с. 86; Кызласов 2014, с. 38–41, рис. 2–5]. Нет сомнения, что в данном случае была вторично использована стела, подобно прочим, некогда водруженная на близлежащем древнем могильнике (ср. илл. 3, 4). Размеры камня и нанесенных на него рунических знаков остались неизвестными.

Надпись читается справа налево: 

Транскрипция: öm(ü)š tut<u>uq</u> (личное имя и титул)[1].

Имя образовано от глагола ö- «думать, размышлять» [ДТС 1969, с. 375] и грамматически является причастием абсолютного прошедшего времени на -miš/-müš, которое здесь субстантивировано. Буквальное значение этого личного имени «тот, о ком думали», по-видимому, так нарекли ожидавшегося в семье сына. Третья руна надписи, имеющая вид вертикальной черты, может читаться не только как š[2], но и как s[2]. Второе слово tutuq — известный титул, восходящий к должности военного правителя области [ДТС 1969, с. 593]. Тем самым надпись оставлена в память воина-аристократа.

[1] В транскрипции две подчеркнутые буквы передают один рунический знак.

Илл. 3–2

Палеографические особенности надписи (облик знаков для m и t[1], направление строки снизу вверх), как и сам факт использования древнего менгира, указывают на енисейский алфавит и енисейскую традицию поминовения усопших витязей. Прямой отводок от ствола руны ö/ü является поздней особенностью, отмеченной со второй трети VIII в. по IX–X вв. К такой же поздней форме относится и руна uq (см. прим. 1 — И. К.) с острецом наверху [Кормушин 1975, табл. 2, 6; Васильев 1983а, табл. 4, № 8; табл. 13, № 21, 23].

Несмотря на всё сказанное, туркестанская стела не может быть отнесена к классическому енисейскому канону. Отсутствие на камне лично-фамильной тамги умершего, обязательной для древнехакасских памятных плит этого времени, и предельная краткость текста, содержащего только титулованное имя усопшего, — весьма показательные особенности, позволившие выделить внутри енисейских эпитафий отдельную группу. Она немногочисленна и, совпадая в эпиграфических признаках, в свою очередь, разделяется на две обрядовых формы, вполне определенно расположенные в саяно-алтайских пределах. Образцы первой ее разновидности встречены лишь на Верхнем Енисее, а второй — в примыкающих землях Чуйской степи на Алтае [Кызласов 2010, с. 96–97, рис. 8].

Илл. 4–1

Илл. 4–2

В отличие от классических рунических памятников, поставленных к востоку и юго-востоку у курганных захоронений древних хакасов [Кызласов Л. Р. 1960, с. 100–120; Кызласов Л. Р. 1969, рис. 42], завоевавших в IX в. Тувинскую котловину, эти каменные знаки с письменами относятся не к погребальным, а к поминальным автохтонным комплексам, имеющим традиционный для этих мест вид небольших каменных курганов [Кызласов 1994, с. 182, 183; Кызласов 2010; Кызласов 2015, с. 200, 201]. Эпитафийная традиция, возникнув в Туве под древнехакасским влиянием еще в середине VIII в. [Кызласов Л. Р. 1960, с. 97, 98], не получила широкого распространения и лишь дополнила применением рун здешнюю древнюю обрядность — немой столб-менгир, поставленный у жертвенного кургана. Типологически во всем подобны публикуемой туркестанской стеле три тувинских писаных памятника: Оттук-Даш I (E 4), содержащий лишь личное имя и должность *küč qïj(a)γ(a)n ičr(ä)ki* — букв. «Придворный Сильный Кыяган[1]», Сайгын (E 57) — *beη*ü čo*r* «Вечный Чор» (имя собственное или еще и титул); Оттук-Даш II (E 64) — *jük(ü)<u>nč</u>*[2] *t(i)r(i)g* «Сотворение Молитвы Живой» (имя собственное) [ДТС 1969, с. 285, 562]. В последнем случае вероятно вложение в прозвание того же смысла, что заключен и в имени кимсарской стелы: так

---

[1] Основной компонент имени образован от глагола *qïj-* «1. срезать, резать наискось; 2. отступать, отказываться от своих слов, нарушать свое слово» [ДТС 1969, с. 440, 441], что сложно сочетать со значением, вкладываемом тогда в мужское имя. И. В. Кормушин [Кормушин 2008, с. 30, прим. 4] оправданно привлекает к пониманию ситуации современное турецкое значение этого слова — «упорный, не уступающий силе, отстаивающий себя, свое».

[2] Чтение *jük*(*i*)*η*, практикуемое с самого начала [Батманов, Кунаа 1963, с. 23; Кормушин 2008, с. 30; ср.: Васильев 1983б, с. 16], палеографически неоправданно, поскольку руна η имеет вертикальный, а не выгнутый ствол, отмеченный изданными прорисовками и фотографиями [Батманов, Кунаа 1963, с. 21, 22, рис. 9, 10; Васильев 1983б, с. 72, 86, обозначение «E 4» — опечатка], а также прорисовкой Л. Р. Кызласова, изучавшего подлинник в 1962 г. (личный архив). Руна ηč яснее всего передана ретушированным фото Д. Д. Васильева и прорисовкой Л. Р. Кызласова. Отказ издателей надписи от прочтения *jük*(*ü*)*nč* («совершение молитвы, поклонение») следует, по-видимому, объяснять теми психологическими трудностями, о которых не раз говорит И. В. Кормушин [Кормушин 1997, с. 5, 76], и которые всякий раз испытывают те филологи, кои недооценивают уровень культурного развития южносибирского общества раннего средневековья. Ныне уже невозможно отрицать существование северного, сибирско-тюркского манихейства [Кызласов Л. Р. 1998], книжной религии, имевшей развитую церковную организацию, сложную литургию и пользовавшейся руническим письмом.

могли назвать долгожданного, вымоленного у божественных сил сына. Время появления названных памятников определяется надежно, они позднее 840 г., а время их бытования включает X в. Стела Е 57 выглядела поздней, но ее отнесение к XI–XII вв. вызвало сомнения у самого исследователя [Кызласов Л. Р. 1965, с. 47, 48, № 4, 39, 41], что справедливо, поскольку, как можно сейчас судить, сам обычай установки эпитафий закончился на Енисее в XI в., может быть даже в XII в. [Кызласов Л. Р. 1965, с. 46–48; Кызласов 1983, с. 21, рис. 26, 1; Кызласов 2013, с. 84–86]. Камни Оттук-Даш некогда были повалены и лежали на одном кургане, курган с эпитафией Сайгын был раскопан, показав принадлежность серии к поминальным объектам, которые, вероятно, относить к народу чиков [Кызласов Л. Р. 1965, с. 41; Кызласов 2010, с. 89, 96–98, рис. 1].

В области аристократического поминального ритуала в Тувинской котловине после 840 г. сложилась весьма показательная ситуация. В результате прямого воздействия на местные обычаи культа, свойственного пришлой древнехакасской (кыргызской) знати, появились письменные памятники, соединившие обе мемориальные традиции. Палеографический анализ выявил памятники, поставленные именитым захватчикам, но начертанные здешними писарями и каменотесами. Ныне известно 6 таких эпитафий: тексты их выведены аборигенным алфавитом, а сами стелы отмечены лично-семейными тамгами древнехакасской знати (Е 15, Е 16, Е 41, Е 42, Е 49, Е 65) [Кызласов 1991, с. 78–81, рис. 4, 5; Кызласов 1994, с. 93–98, 117–121, табл. XXVI, XXXI–XXXIV, рис. 9; Кызласов 1998, с. 76, рис. 1; Кызласов 2015, с. 197–200, рис. 3].

Но и классическая эпитафийная традиция, пришедшая со Среднего Енисея, оказалась целиком воспринятой по крайней мере одной из знатных семей тувинских чиков, той, что обладала геральдическими знаками в виде птичьей лапки (именно тамги объединяют эти памятные стелы в единую группу: Е 2, Е 51, Е 109, Е 110) и владела долиной р. Уюк, быть может, только ее прилегающим к Саянам левобережьем. Опираясь на хорошо известные для средневековья примеры вхождения покоренной элиты в новый аппарат власти, можно думать, что столь полное примыкание к изначально чуждому ритуалу было вполне осознанным — среди вассалов кыргыз-кагана в Тувинской котловине витязи этого семейства, обладая пограничными с Хакасией землями близ проезжей тропы через Когмен, заняли высокую иерархическую ступень и в официальных проявлениях стремились слиться с аристократией нового для них государства. Письменные памятники представителей этой семьи отмечены вполне каноничными горестными текстами, идущими от первого лица. Наиболее ранний из них памятник

Е 2 (конец VIII — начало IX в.) был даже поставлен у *погребального*, как у древних хакасов, а не у *поминального*, как у чиков, кургана. Однако это захоронение, археологически изученное (Уюк-Аржан, курган 54), было совершено по местному для Тувы обряду. Самобытным оказалось и размещение его эпитафийного текста на стеле: горизонтальными, а не вертикальными, направленными снизу вверх строками, как в прочих случаях енисейской традиции. Только в этой первой эпитафии использованы знаки местного алфавита, памятники ближайших потомков выполнены правильными рунами енисейского письма [Кызласов Л. Р. 1960, с. 97–100, рис. 1, 2; Кызласов 1994, с. 228–230, табл. XXXI, рис. 37; Кызласов 1998, с. 68–70, рис. 2–4; Кызласов 2015, с. 198–200, рис. 2, 3].

Другое отражение пришлого ритуального влияния представляют относительно пространные памятные надписи (Е 58, Кезек-Хурээ и Е 60, Саргал-Аксы), которые нанесены по классическому канону, но были водружены у чикских поминальных курганов и, согласно местным представлениям, не имели геральдических знаков [Кызласов Л. Р. 1960, с. 103, рис. 10, 1; Кызласов 2010, с. 89, 92–94, табл., № 10, 24, рис. 2–5]. Эта серия памятников позволяет понять, что упомянутые выше эпитафии уюкских князей отмечены фамильно-личными тамгами вслед древнехакасскому установлению. Отмеченная двоякая картина воздействия поминальной традиции Среднего Енисея на раннесредневековую культуру Тувы в равной мере служит еще одним доказательством государственного статуса енисейского письма и его официальных памятников.

Наблюдения такого рода можно продолжить. Местная самобытная форма лаконичных эпитафий Тувы также подверглась воздействию официального эпиграфического канона. Однако проявление этого оказалось весьма интересным. Так, на стеле Оттук-Даш III (Е 54), соседствовавшей с Е 4 и Е 64, в соответствии с чикской традицией выбито только титулованное имя с чинами [Кормушин 1997, с. 212, 213; Кормушин 2008, с. 145, 146]: *jüč ïn(a)l ur(u)ŋu s(a)ŋun* «Юч-ынал знаменный полководец», однако ниже рунической строки помещена и тамга умершего, позволяющая, во-первых, отнести памятник к концу IX в., а во-вторых, указывающая на принадлежность ее владельца не к чикскому, а к знатному древнехакасскому роду (к тамгам так называемой I группы) [Кызласов Л. Р. 1965, с. 48, № 44, рис. 1, 16]. Перед нами пример воздействия местного правила оформления эпитафий на пришлую традицию. Как видим, это случилось через несколько десятков лет после того, как в Туве прижились родовитые носители новой власти.

Другое подобное явление можно наблюдать в еще более позднее время: близ раскопанного кургана XI–XII вв. у пос. Малиновка, содержащего

погребение по древнехакасскому обряду трупосожжения на стороне, в соответствии с классическим ритуалом была с юго-восточной стороны водружена каменная стела со строками эпитафии, устремленными снизу вверх. Однако, несмотря на богатство захороненного князя, памятник оказался лишен его лично-семейного геральдического знака [Кызласов Л. Р. 1960, с. 103, 117, рис. 5, 10, *2*, 11–13; Кызласов Л. Р. 1969, с. 112, рис. 43, 44, 46, 47, *2*], а саму надпись на этой стеле Е 56, судя по примененным знакам, выполнил чикский писец [Кызласов 1994, табл. XXXI; Кызласов 2015, рис. 3, 5].

Таковы эпиграфические свидетельства вхождения в светскую и духовную власть Древнехакасского государства и, тем самым, сохранения былой общественной роли как оказавшихся в политическом подчинении чикских родовитых князей, так и чикских священнослужителей — сословия писарей-каменотесов, производивших ритуальную установку памятных стел представителям новой аристократии. Выполняя требования привнесенных из-за Саян обрядов, грамотеи Тувинской котловины продолжали одновременно сохранять самобытную письменность предков, по крайней мере, на протяжении 2–3 столетий.

Рассматривая южносибирские камни с лаконичными именными эпитафиями, для полноты картины остается указать на их горноалтайские аналогии. На двух стелах, еще в раннем железном веке установленных в квадратных оградках в долине реки Боро-Бургазы, правом притоке Чуи, были вторично вырезаны рунами личные имена. Один раз в составе краткой фразы *(e)r (a)tï (ö)ŋü aj* «Его имя эра (~ Его мужское имя) Ёнгю Ай» (Талду-Айры), другой – просто *tutuk* «Тутук» (Бар-Бургазы II). (В последнем случае для всех согласных применены руны мягких слогов, хотя ожидалось твердорядное полногласное написание — *tutuq* или *tutuuq*, но, таковы особенности местной псевдорунической орфографии [Кызласов 1996, с. 126–130, рис. 2–6; Кызласов 1997а, с. 177–184, рис. 5–8; Кызласов 1999, с. 98–106, рис. 2–7]. На енисейскую принадлежность надписей указывают их снизу вверх направленные строки и характерный облик руны t[1], использованной в первом случае. Сходство с чикским каноном усиливает отсутствие на стелах личных тамговых знаков, относящихся к надписям. Указанные эпиграфические особенности позволяют эти именные надписи на горноалтайских стелах считать эпитафиями.

Такому жанровому определению способствует и еще один письменный памятник, стоящий в низовьях этой реки в подобной квадратной оградке — стела Бар-Бургазы I. На ней одной восходящей строкою вырезан текст, содержащий характерную лексику енисейских эпитафий. Ни имени, ни тамги на камне нет [Кызласов 1997б]. На противоположном берегу существовали еще две стоявшие

в оградках эпитафийных стелы (Кызыл-Кабак I и II), текстологическая работа с которым не завершена. Их поминальный характер проявлен употреблением характерной лексики енисейских эпитафий (глагол *adïrïl-* «быть отделенным, разлучаться» в значении «умереть» [ДТС 1969, с. 12]; *esizim* «о, горе мне»; орфография псевдоруническая) [Кляшторный, Кубарев 2002: рис. 2, 3; Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012, с. 123, 125; Васильев 2013, с. 217–220]. Судя по оставшимся обломкам, тамги у основания стел изображены не были.

Эта, хотя и немногочисленная, серия использованием енисейского письма, вертикальным размещением восходящих строк, отсутствием на стелах тамг и, в двух лаконичных случаях, начертанием только личных мужских имен может быть сопоставлена с указанными выше самобытными памятниками Тувы. Их сближает еще одна особенность, в полной мере проявившаяся на стеле Бар-Бургазы I — размещение текста не посредине, а вдоль левого края камня (ср. надписи Сайгын и Кезек-Хурээ — Кызласов 2010, рис. 1, *1*, 4, *1*]. Эта особенность, как и краткость текста, также присуща надписям Тувы, начертанным все еще не расшифрованным южноенисейским алфавитом (долина р. Эдегей, стелы Ю 12, Ю 13 и Ю 16) [Кызласов 1994, с. 309–312, 314, 315]. Однако существенная и стойкая обрядовая черта, проявленная во всех горноалтайских случаях — вторичное использование стел размещенных в квадратных оградках — не позволяет отнести их к чикской традиции лаконичных эпитафий, связанной не с оградками, а с поминальными курганами.

Все изложенное выше доказывает принадлежность публикуемой восточнотуркестанской стелы к особой группе енисейских эпитафий IX–X вв., отличающей поминальные памятники чиков Тувинской котловины. К сожалению, нет возможности подтвердить, но вероятно предположить существование рядом с этим письменным памятником связанного с ним каменного поминального кургана чикской археологической культуры.

Редкая эпиграфическая находка на р. Эргонхэ принадлежит к бурной эпохе гибели Уйгурского каганата, бегства древних уйгуров на восток, юг и юго-запад и повсеместного их преследования прорвавшимися в Центральную Азию многочисленными войсками Древнехакасского государства. В 843 г. они достигли и Восточного Туркестана — западных земель бывшего каганата: от Турфанской впадины до городов Бешбалыка, Кучи и Кашгара. Походы продолжались вплоть до середины IX в. Но, насколько можно судить, в районе Бешбалыка, который был подчинен, обитали телесские племена, отношения с которыми у нападавших были союзническими [Малявкин 1983, с. 21–25, 101, 102, 123, 124 сл.; Кызласов Л. Р. 1981, с. 143, рис. 32; Кызласов Л. Р. 1984, с. 70–75].

Так или иначе, но кимсарская эпитафия является важным и пока единственным материальным свидетельством пребывания близ Бешбалыка носителей енисейского, государственного письма Древнехакасской державы. Палеографическое определение нового рунического памятника указывает и на вовлечение в дальние военные кампании IX в. воинов автохтонного населения Тувинской котловины.

Библиография

1. Батманов, Кунаа 1963: *Батманов И. А., Кунаа А. Ч.* Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. II. Кызыл, 1963.

2. Васильев 1983а: *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (Опыт систематизации). М., 1983.

3. Васильев 1983б: *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.

4. Васильев 2013: *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана, 2013.

5. ДТС 1969: Древнетюркский словарь. Ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969.

6. Кляшторный, Кубарев 2002: *Кляшторный С. Г., Кубарев В. Д.* Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. С. В. Алкин. Т. 2. Новосибирск, 2002. http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/larich2/?html=kubklya.htm&mi=izdaniya&id=1383.

7. Кормушин 1975: *Кормушин И. В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология, 1975. № 2. С. 25–47.

8. Кормушин 1997: *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

9. Кормушин 2008: *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.

10. Кызласов 1983: *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. (Свод археологических источников СССР. Вып. Е3–18). М., 1983.

11. Кызласов 1991: *Кызласов И. Л.* Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // Советская археология, 1991. № 4. С. 62–85.

12. Кызласов 1994: *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

13. Кызласов 1996: *Кызласов И. Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 124–136.

14. Кызласов 1997а: *Кызласов И. Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1997. T. L., fasc. 1–3. С. 163–184.

15. Кызласов 1997б: *Кызласов И. Л.* Стелы с руническими надписями на Алтае (К выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии. М., 1997. Вып. III. С. 40–69.

16. Кызласов 1998: *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, 1998. № 1. С. 71–83.

17. Кызласов 1999: *Кызласов И. Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. М., 1999. Вып. IV. С. 85–112.

18. Кызласов 2010: *Кызласов И. Л.* Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (К расселению и ранней истории чиков) // Российская археология, 2010. № 4. С. 88–100.

19. Кызласов 2013: *Кызласов И. Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I // Российская тюркология, 2013. № 2. С. 79–90.

20. Кызласов 2014: *Кызласов И. Л.* Сотворение мира глазами пратюрков (рунологические и археологические приметы) // Проблемы востоковедения. Уфа, 2014. № 2 (64). С. 35–41.

21. Кызласов 2015: *Кызласов И. Л.* К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв. // Alkïš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова. Отв. ред. Е. А. Оганова. М., 2015. С. 195–206.

22. Кызласов Л. Р. 1960: *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, 1960. № 3. С. 93–120.

23. Кызласов Л. Р. 1965: *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965. № 3. С. 38–49.

24. Кызласов Л. Р. 1969: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

25. Кызласов Л. Р. 1981: *Кызласов Л. Р.* Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 54–59, 101, 143–146.

26. Кызласов Л. Р. 1984: *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

27. Кызласов Л. Р. 1998: *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. История, 1998, № 3. С. 8–35.

28. Малявкин 1983: *Малявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.

29. Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: *Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012.

Igor L. Kyzlasov

THE YENISEI EPITAPH FROM EAST TURKESTAN

Abstract: *The Yenisei runiform alphabet was an official font of the Medieval Khakas state. The epitaph found in 2007 is important and still unique material evidence of the presence of carriers of these characters near Beshbalyk. The paleographic definition of a new runic*

monument indicates the involvement of soldiers of the autochthonic population of the Tuva Depression in the distant military campaigns of the IX–X centuries.

Keywords: *runology, Yenisei epitaphs, East Turkestan, Beshbalyk*

Перечень иллюстраций:

Илл. 1 — Вид лежащей стелы с енисейской рунической надписью.

Илл. 2 — Надпись, развернутая по горизонтали.

Илл. 3, 1–2 — Могильник близ стелы с надписью. Каменные конструкции с вертикально установленными камнями.

Илл. 4, 1–2 — Менгиры, стоящие близ могильника.

А. М. Мокеев

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЗНАЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТИТУЛАТУРЫ *АЖО* И *ИДИ* ЕНИСЕЙСКИХ И АЛТАЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

Аннотация. *В научной литературе до сих пор нет единого мнения относительно происхождения титула правителей древних енисейских кыргызов ажо. В статье в свете новых сведений источников предпринята попытка новой интерпретации значения этого термина и прослеживается его эволюция в политической традиции алтайских и тяньшанских кыргызов в эпоху позднего средневековья. Одновременное употребление терминов инал и иди в начале XIII в. в качестве титулов в политической номенклатуре енисейских и алтайских кыргызов показывает уязвимость аргументов тех исследователей, которые предполагают идентичность терминов инал и аже»/иди.*

Ключевые слова: *ажо, иди, инал, титулы, енисейские и алтайские кыргызы.*

После обретения Кыргызстаном государственной независимости в научных и общественно-политических кругах среди граждан республики значительно повысился интерес к отечественной истории, славному прошлому кыргызского народа. Этот интерес главным образом сфокусирован на истории этногенеза кыргызского народа, зарождения и развития кыргызской государственности, которая в конце XX в. получила свое дальнейшее развитие в результате создания независимой Кыргызской Республики, ставшей полноправным членом мирового сообщества наций. Увлечение кыргызской интеллигенции историей древне-кыргызской государственности настолько велико, что уже в первые годы независимости в процессе поиска этнической и культурной идентификации, благодаря усилиям творческой интеллигенции, президента республики стали называть термином *ажо*, что в древне-кыргызском языке означает «господин и владыка».

В этом контексте можно отметить актуальность всестороннего изучения истоков традиции государственности кыргызского народа в древности и средневековье.

Исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что зарождение кыргызской государственности произошло приблизительно в середине первого тысячелетия нашей эры, то есть около пятнадцати веков назад [Бартольд 1963; Кызласов 1969; Кляшторный, Савинов 2005; Бутанаев, Худяков 2000]. С того времени кыргызская государственность прошла через ряд этапов становления, развития и раздробленности, а иногда полной утраты независимости. Однако она возрождалась вновь и вновь на Енисее,

на Алтае и на Тянь-Шане. Первый этап становления и развития кыргызской государственности связан с историей древних енисейских кыргызов Минусинской котловины, расположенной на среднем течении Енисея. Это государство в периоды своего могущества периодически бросало вызов Древнетюркскому каганату и Уйгурскому каганату за господство над Центральной Азией [Бартольд 1963; Бутанаев, Худяков 2000].

С проблемой зарождения и становления Государства енисейских кыргызов тесно связан один из важнейших институтов государственного управления — *ажо*, который по сообщениям китайских источников стоял на вершине иерархической структуры власти задолго до появления института кагана в политической системе енисейских кыргызов. Еще академик В. В. Бартольд установил, что в древнетюркскую эпоху по степени политического значения орхонские надписи различают два типа народов (будун): народ с *эльтебером* (др. тюркский: *элтеберлиг будун*) и народ с *каганом* (др.тюркский:*каганлыг будун*); причем титул *эльтебер* стоял ниже титула *каган* и давался предводителям народов, не имевших самостоятельной политической структуры [Бартольд 1963, с. 481–482.]. В частности, когда енисейские кыргызы в первой половине VII в. находились под властью Телесского каганата, возглавляемого родоплеменным объединением Сеяньто, для управления кыргызами Минусинской котловины был назначен *эльтебер* [Бартольд 1963, с. 482].

После крушения кратковременного господства Телесского каганата в 647 г. енисейские кыргызы получили независимость и отправили первое посольство в Китай, где правила династия Тан [Taşağıl 2013, с. 157]. Из сообщения «Тан шу» об обстоятельствах этого посольства енисейских кыргызов становится ясно, что во главе дипломатической миссии кыргызов находился сам правитель кыргызского владения старейшина *эльтебер* Шибокюй Ачжань [Taşağıl 2013, с. 482–483]. Следовательно, несмотря на приобретение независимости, верховный правитель кыргызов еще носил титул *эльтебер*, а не *каган*.

Очевидно, для получения титула *каган* было необходимо сначала добиться признания суверенитета Государства енисейских кыргызов со стороны могущественных игроков международных отношений Восточной Азии — Танского Китая и Древнетюркского каганата. Судя по сведениям китайских источников, в результате посольства Шибокюй Ачжана Танский двор признал независимость Кыргызского государства и решил поддерживать дипломатические отношения с этой новой политической силой в Южной Сибири с целью использовать его в качестве союзника в реализации своих далеко идущих планов в Центральной Азии. Об этом свидетельствуют сообщения китайских источников о посольствах Кыргызского каганата в столицу империи Тан в 722–723 гг. [Бутанаев, Худяков 2000, с. 69].

После официального признания независимости государства енисейских кыргызов Танской династией, в начале VIII в. кыргызский *ажо* Барс-бег женился на дочери *кагана* Второго Восточно-тюркского каганата Эльтереса, в результате чего он был признан *каганом* и посредством этого династического брака статус Кыргызского государства был уравнен с Тюркским каганатом. Однако вскоре из-за амбиций Барс-бега за гегемонию над Центральной Азией разразилась война между Кыргызским государством и Восточно-тюркским каганатом, в результате которого Барс-бег был убит, а кыргызы надолго лишились своего *кагана* и суверенитета.

После падения Восточно-тюркского каганата в середине VIII в. правитель енисейских кыргызов снова объявил себя каганам и стал принимать активное участие в борьбе за гегемонию на просторах Центральной Азии. Однако возникший на развалинах Восточно-тюркского каганата Уйгурский каганат в 758 г. нанес сокрушительное поражение войскам кыргызов и их союзников — чиков, огузов и карлуков, после чего енисейские кыргызы были вынуждены подчиниться власти Уйгурского каганата. По сообщению китайской хроники «Синь Тан шу», после этого правитель Кыргызского государства лишился титула *каган* и со стороны Уйгурского государства ему был пожалован скромный чин Пицсйе Тунгйе Гинь, а кыргызские посольства далее не могли проникнуть в Китай [МИКК 2003, с. 44].

Лишь в первой четверти IX в., когда правитель кыргызов с титулом *ажо* начал двадцатилетнюю войну за независимость против господства Уйгурского каганата, он осмелился объявить себя *каганом*. Как известно, эта затяжная война между кыргызами и уйгурами завершилась в 840 г. крушением Уйгурского каганата и установлением на его развалинах кратковременного господства Государства енисейских кыргызов. Этот период в истории Центральной Азии характеризуется как эпоха «кыргызского великодержавия» [Бартольд 1963, с. 489–500; Grusse 1991, p. 120–126; Бутанаев, Худяков 2000, с. 73–83.]. По сведениям аутентичных источников, после завершения так называемого «кыргызского великодержавия» уже в середине X в. кыргызы снова потеряли своего *кагана*, а правители мелких княжеств стали носить титул «инал» [Мокеев 2010, с. 82–90], который в иерархической системе власти древнетюркских государств занимал более низкую ступень не только после *кагана*, но и *тегина* [Кононов 1958, с. 95–96, прим. 118.]. Таким образом, потерявшие своего *кагана* после распада Кыргызского каганата раздробленные кыргызские княжества Саяно-Алтая вплоть до начала XIII в. управлялись *иналами*, когда Минусинская котловина и Алтай были завоеваны монголами.

Более подробные сообщения китайских источников о термине *ажо* встречаются в «Синь Тан шу» («Новая хроника династии Тан»), составленной в XI в. «Государь называется *Ажо*, почему и прочими прозывается также *Ажо*. У него водружено знамя. Прочие прозываются названиями поколений», — сообщает автор упомянутой китайской хроники [МИКК 2003, с. 41–45.]. По мнению С. Е. Яхонтова, скорее всего, слово *ажэ* стало известно китайцам ранее VIII в. — в 647 г.; т. е. во время визита первого посольства енисейских кыргызов в Китай. Он считает, что в середине VIII в. сношения между обоими государствами прервались, а вскоре после этого *ажэ* объявил себя каганом, т. е. титул его изменился [Яхонтов 1970, с. 100–120]. Однако, как ясно видно из вышеприведенной цитаты «Синь Тан шу», китайцы продолжали называть верховного правителя енисейских кыргызов термином *ажо* даже тогда, когда он себя давно провозгласил *каганом*.

Исследованием значения этого титула верховного правителя енисейских кыргызов в разное время занимались Л. Р. Кызласов, А. Маргулан, С. Е. Яхонтов, Г. П. Супруненко, Э. Пуллейблэнк и Ю. С. Худяков [Кызласов 1969, с. 90; Маргулан 1959, с. 181; Яхонтов 1970, с. 100–120; Супруненко 1970, с. 79–81; Pulleyblank 1965, p. 124; Бутанаев, Худяков 2000, с. 71–73]. Как справедливо отмечают С. Е. Яхонтов и Ю. С. Худяков, среди ученых до сих пор не сложилось единого мнения о значении этого кыргызского термина, переданного в китайской транслитерации. Последние разработки по этой проблеме И. Л. Кызласова еще раз говорят о сохранении среди исследователей противоположных мнений относительно значения термина *ажо*.

Известный российский синолог С. Е. Яхонтов считает, что термин *ажо (аже)* является китайской транслитерацией древне-кыргызского титула *инал*. Эту позицию С. Е. Яхонтова полностью поддержала и кыргызстанский синолог Г. П. Супруненко. По мнению хакасского историка Л. Р. Кызласова, *ажо (аже)* не является транскрипцией древнетюркского титула *каган*, *хан*, а лишь китайской формой самодийского слова *ассе* — «отец», в широком значении этого слова — «отец страны». Аналогичного мнения придерживался казахстанский академик А. Маргулан, который указывал, что в более древнее время слово *ажу* имело значение «отец», «глава большой патриархальной семьи», и впоследствии, с образованием государства, оно приобретает более широкое значение и становится титулом правителя государства. Американский синолог Э. Пуллейблэнк и российский историк Ю. С. Худяков полагают, что *ажо* (*аже*) является китайской формой названия племени *аз*. По мнению Ю. С. Худякова племя *аз* (*ач)* будто бы составляло элитарную часть енисейских кыргызов, в связи с чем титул верховного правителя совпадал с самоназванием господствующего клана.

Определенный вклад в изучение смыслового значения термина *ажо* внесли работы тюркологов Э. В. Севортяна, К. Г. Менгеса и И. Л. Кызласова, которые показали уязвимость или ошибочность выводов выше перечисленных ученых о значении термина *ажо* [Севортян 1974, с. 231–235, 237–241, 246–247; Менгес 1976, с. 101–110; Кызласов 2011, с. 27–28].

В частности, С. Е. Яхонтов и Г. П. Супруненко при объяснении значения слова *ажо* исходили лишь из особенностей лексики древнекитайского языка и не учитывали древнетюркские формы этого термина, которые сохранились не только в современных живых языках тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока, но и в некоторых орхонских памятниках древнетюркской письменности. Поэтому предположение С. Е. Яхонтова и Г. П. Супруненко об идентичности терминов *ажо* и *инал* теперь должно быть пересмотрено с учетом результатов исследований не только лингвистов-тюркологов, но и историков.

Как показал И. Л. Кызласов, попытка восстановления по новой методике раннесредневековой китайской звуковой основы титула *аже* на *инал* совершенно противоречит стройной лестничной системе государственного управления древних тюрков, поскольку титул *инал* никогда не обозначал в древнетюркских государствах верховного правителя [Кызласов 2011, с. 27–28.]. По авторитетному заключению К. Г. Менгеса, если древнетюркское слово *ıdı (иди)* имело значение «господин, обладатель, бог», то слово *аже* значит «господин, обладатель, властелин», но не употребляется в значении «бог». Следовательно, за незначительным исключением, смысловая нагрузка обоих терминов полностью совпадает и, как видно из вышеприведенных сообщений китайских источников, их составители используют термин *ажо* именно в значении «властелин, господин».

Выводы К. Г. Менгеса о том, что древнетюркское слово *аже* впоследствии было заимствовано в южно-самодийский язык в значении «господин, хозяин дома, дух» также показывает ошибочность мнения Л. Р. Кызласова о заимствовании этого древнекыргызского слова из самодийского языка, а не наоборот. Предположения Э. Пуллейблэнка и Ю. С. Худякова по этому вопросу также можно отклонить, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, как явствует из вышеприведенного сообщения «Синь Тан шу», титул государя кыргызов *ажо*, никак не был связан с названием какого-либо племени, тогда как титулы вассальных ему правителей, очевидно, имели определенное отношение к названиям подвластных им поколений. Во-вторых, как справедливо подметил И. Л. Кызласов, полученные для одного и того же термина двумя историками китайского языка Э. Пуллейбленком и С. Е. Яхонтовым реконструкции *инал* и *аз* не имеют между собой никаких звуковых соответствий [Кызласов 2011, с. 28].

В целом, принимая достаточно обоснованные выводы К. Г. Менгеса по данному вопросу, все же следует отметить, что он в своем исследовании упустил из виду еще одно значение слова *аже*, зафиксированное в тексте орхонских памятников. В орхонской надписи Кюль Тегина термин *аже* встречается именно в значении «предок»: «*kişi oglinta üza eçüm apam Bumın qagan İstami qagan olurmuş*» («Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын каган и Истеми каган») [ДТС 1969, с. 162; Clauson 1972, p. 20]. В этой связи, следует отметить, что по определению Э. Севортяна термин ăcă/еже в орхоно-енисейских памятниках обычно имеет параллельные («мужские» и «женские») значения, однако там преобладают «мужские» значения. Постепенно, начиная с эпохи караханидов, в большинстве тюркских языков этот термин приобретает только «женские» значения [Севортян 1974, с. 231–235, 237–241, 246–247].

Таким образом, можно отметить, что слово *ажо/аже/эжу* в древнетюркский период имело значение не только «господин, обладатель, властелин», но и «отец, предок». В связи с этим следует отметить, что другой древне-кыргызский термин *иди*, упомянутый в сочинении «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина в качестве титула алтайских и енисейских кыргызов в XIII в., до сих пор остается вне поля зрения исследователей. При описании состояния различных кыргызских княжеств накануне монгольского завоевания Рашид ад-Дин пишет, что «…титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое имя — *инал*, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью — *иди*» [Рашид ад-Дин 1953, с. 442].

Отсюда становится совершенно ясно, что в монгольскую эпоху правители кыргызских удельных княжеств, которые являлись потомками древне-кыргызских каганов, носили титул *инал,* а наиболее знаменитых представителей аристократии прозывали термином *иди*. Следовательно, более древний термин *аже*, который прежде употреблялся наряду с титулами *эльтебер* и *каган*, в монгольскую эпоху трансформировался в *иди*, который уже потерял свое первоначальное значение «господин, обладатель, властелин» и употреблялся только в значении «родовитый», «аристократ». По заключению Э. В. Севортяна и Г. Менгеса, термины аже/еже/ежу и иди/idi являются фонетическими вариантами одного и того же слова, которое в различных диалектах тюркских языков в разные периоды произносилось по-разному [Севортян 1974, с. 237–242; Менгес 1976, с. 101–110].

Представляется, что в период так называемого «кыргызского великодержавия» титул правителей древних енисейских кыргызов *ажо* фонетически видоизменился в *иди* в связи с особенностями говора алтайских кыргызов. Как установлено в исследованиях тюркологов Б. Орузбаевой и Э. Тенишева,

у древних кыргызов литературный язык был *д*-языком (*адак*-нога, *код*-положить), а народно-разговорный был *з*-языком (*азак*-нога, *коз*-положить). В алтайский период развития кыргызского языка и в народно-разговорном языке наблюдается преобладания *д*-языка [Орузбаева 2004; Тенишев 1997]. Поэтому есть основания полагать, что информаторы Рашид ад-Дина черпали сведения о кыргызских княжествах именно из круга алтайских кыргызов.

По заключению академика Э. Тенишева, в начале второго тысячелетия енисейские кыргызы двинулись на запад и в процессе миграции вступили в контакты с тюркскими племенами Алтая, языки которых были, в основном, кипчакского типа. Длительные процессы языковых взаимосвязей с алтайским кругом племен привели к образованию средне-кыргызского народно-разговорного языка. В настоящее время реальным представителем такого языка является язык населения оз. Лобнор Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР [Тенишев 1997, с. 18]. В этой связи следует отметить, что фонетические формы *аже* с корневыми *и* документируются ранними памятниками древнетюркской письменности и отмечены в некоторых из современных языков, как, например, *иди* в лобнорском языке [Севортян 1974, с. 238].

Как явствует из вышеизложенного сообщения Рашид ад-Дина о титулах алтайских и енисейских кыргызов в монгольскую эпоху, титулы *иди* и *инал* никак не могли быть одним словом, а являлись разными терминами, обозначающими различных по степени важности правителей и аристократов. Если термин *инал* употреблялся в значении «правитель княжества», то термин *иди* обозначал представителей знати, которые отличались своим аристократическим происхождением. Следовательно, одновременное употребление терминов *инал* и *иди* в начале XIII в. в качестве титулов в политической и социальной номенклатуре енисейских и алтайских кыргызов для обозначения правителей и родовитых представителей правящей элиты еще раз показывает уязвимость аргументов тех исследователей, которые предполагают идентичность терминов «*инал*» и «*аже*»/*иди*.

В связи с трансформацией древне-кыргызского термина *ажо* в *иди* в монгольский период вызывает определенный интерес один весьма загадочный эпизод из генеалогии основных подразделений современных кыргызских племен «Правого крыла». В этом эпизоде наряду с *Адигине, Тагай и Монгуш* в качестве прародителя отдельных кыргызских племен упоминается некая матрона *Наал эже*, которая будто бы приходится старшей сестрой *Адигине и Тагая* [Каратаев 2003, с. 115]. Здесь явно прослеживается попытка объяснения значения словосочетания *Наал эже* в смысле «сестра Наал» методом народной этимологии. Представляется, что под этим фантомом «*Наал эже*»

(«Сестра Наал») скрываются древние титулы енисейских кыргызов *инал* и *аже,* которые сохранились в памяти тянь-шаньских кыргызов в качестве мифических прародителей некоторых кыргызских племен. Но, вследствие хронологической и географической отдаленности событий, со временем первоначальное значение этих титулов на Тянь-Шане было забыто, а для популярного объяснения его смысла современникам была придумана красивая народная легенда о *Наал эже* на основе народной этимологии. В этом контексте достаточно ясно прослеживается эволюция термина *аже* из древнего «мужского» значения в более позднее «женское» значение в системе терминов родственных отношений кыргызов в смысле «старшая сестра».

Исходя из этого, я предлагаю объяснить значение словосочетания «*Наал эже*» из генеалогии кыргызских племен «Правого крыла» как «*Инал аже*» («Предок инал») и оставить народную этимологию о мифической сестре Наал как не имеющую исторического основания. Есть вероятность аналогичным образом интерпретировать происхождение другого кыргызского эпонима *Адигене* от древне-кыргызского термина *иди* (*Идиге>Идигине>Адигине*). Если принять во внимание тот непреложный факт, что абсолютное большинство личных имен у кыргызов связано с титулами правителей (бек, бий, хан и т. д.), то появление подобного словосочетания на основе корневого слова *иди* и суффикса *гине* (гене) вполне допустимо на примере слова *Жетиген* (Большая медведица, а также название одного из кыргызских племен Правого крыла), где жети — корень, а -ген — суффикс [Устная консультация тюрколога Т. Абдиева].

Таким образом, можно отметить наличие некоторых фактов, которые свидетельствуют о преемственности этнополитической номенклатуры тянь-шаньских кыргызов с номенклатурой политических титулов енисейских и алтайских кыргызов. Если в случае с титулами *инал* и *аже* наблюдается трансформация этих титулов в личное имя мифической прародительницы *Наал эже*, то в случае с термином *иди* в личное имя прародителя другого подразделения кыргызских племен Правого крыла *Адигене*.

Библиография

1. Бартольд 1963: *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк // Собрание Сочинений Т. II, Ч. 1. М., 1963.

2. Бутанаев, Худяков 2000: *Бутанаев В. Я.*, *Худяков Ю. С.* История Енисейских кыргызов. Абакан, 2000.

3. ДТС 1969: Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969.

4. Каратаев 2003: *Каратаев О.* Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. Бишкек, 2003.

5. Кононов 1958: *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л., 1958.

6. Кляшторный, Савинов 2005: *Кляшторный С. Г.*, *Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

7. Кызласов 1969: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

8. Маргулан 1959: *Маргулан А.* Выступление на Научной сессии по этногенезу киргизского народа // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. III, М., 1959.

9. МИКК 2003: Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 2. Бишкек, 2003.

10. Менгес 1976: *Менгес К. Г.* Тюркское IdI «господин», некоторые его рефлексы в тюркских языках и параллели в других языковых семьях // Turcologica-1976. Л.

11. Мокеев 2010: *Мокеев А.* Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010.

12. Орузбаева 2004: *Орузбаева Б. О.* Из истории киргизского языка // Кыргызское языкознание. Т. II. Бишкек, 2004.

13. Рашид ад-Дин 1953: و حیحصت. خیراوتلا عماج. ینادمه للا لضف نیدلادیشر ۱۳۷۳نارهت.1.دلج. یوسوم یفطصم -نشور دمحم ۀیشحت

14. Севортян 1974: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласных). М., 1974.

15. Супруненко 1970: *Супруненко Г. П.* Из древнекыргызской ономастики // Советская тюркология-1970, № 3.

16. Тенишев 1997: *Тенишев Э. Р.* Древнекыргызский язык. Бишкек, 1997.

17. Яхонтов 1970: *Яхонтов С. Е.* Древнейшее упоминание названия «киргиз» // Советская этнография-1970, № 2.

18. Grusse 1991: *Grusse R.* The Empire of the Steppes: a History of Central Asia. New Jersey, 1991.

19. Pulleyblank 1965: *Pulleyblank E.* The Chinese Name for the Turks // Journal of the American oriental Society. Vol. 85, № 2. 1965.

20. Taşağıl 2013: *Taşağıl A.* Kök Tengrinın çoçukları. Istanbul, 2013.

Anvarbek M. Mokeev

ON THE ORIGINS AND MEANING OF THE POLITICAL TITLES *AZHO* AND *IDI* OF THE ALTAI–YENISEIAN KYRGYZ

Abstract: *In scientific literature there is no consensus still about the origin of the title Kyrgyz-azho, the ancient Yeniseian Kyrgyz state rulers. In this article, in the light of new information sources, was made an attempt to find a new interpretation of the meaning of the term and its evolution which can be traced in the political tradition of the Altai and Tian Shan Kyrgyz, who used the terms in the late Middle Ages. The simultaneous usage of the terms inal and idi at the beginning of the XIII century shows them as political nomenclature in the titles of the Altai-Yeniseian Kyrgyz. It also shows the vulnerability of the arguments of those researchers who assume the identity of the terms inal and azhe /idi.*

Keywords: *azho, idi, inal, titles, Altai-Yeniseian Kyrgyz.*

Simone-Christiane Raschmann

THE OLD UYGHURS BETWEEN EAST AND WEST

Abstract: *The fragments of Old Uyghur manuscripts discovered between 1902 and 1914 by the four German Turfan expeditions in the Turfan oasis are among the oldest written sources of the Turkish languages. Only the inscriptions in Old Turkic Runic script are older. They date from the end of the 7th century. Among the more than 40,000 fragments of manuscripts and block prints preserved in the Berlin Turfan collection there are more than 8,000 items in the Old Uyghur language. This paper shows the great variety of content of these fragments and presents their importance as the main source of information concerning the social and economic life of the Old Uyghurs in the West Uyghur Kingdom (from around the 9th to the 12th cc.) and under the Mongol rule (from around the 13th to the 14th cc.) and their religions, i. e. Manichaeism, Church of the East and, above all, Buddhism.*

Keywords: *Old Uyghurs, Eastern Turkestan, West Uyghur Kingdom, Mongol rule, Manichaeism, Church of the East, Buddhism*

The fragments of Old Uyghur texts discovered mostly by the Russian and German expeditions in Eastern Turkestan are among the oldest written sources of Turkic. They date from the 9th to the 14th centuries. The almost complete manuscript of the Old Uyghur version of the Sutra of Golden Light as one of the latest copies, preserved in St. Petersburg, even dates from 1687.

Only the inscriptions in Old Turkic Runic script preserved on monuments which were first discovered in Northern Mongolia are older. They date from the end of the 7th century. Our esteemed colleague Professor Doctor Sergey Grigoryevich Klyashtorny made a significant contribution to the discovery and study of the Old Turkic epigraphic monuments.

In this paper I will refer to the great variety of content of the Old Uyghur fragments and present some ideas related to the title of my paper: the Old Uyghurs between East and West.

What was the situation in the Turfan region when the Old Uyghurs arrived there around 840 and established their West Uyghur Kingdom?

In 640, at the moment when the army of the Chinese Tang dynasty captured Turfan — named Gaochang at this time — an official decree was issued in order to compile household registers. As a result we know that 8,046 households with 37,738 inhabitants and 4,300 horses were registered, living in 3 prefectures, 5 sub-prefectures and 22 cities.

Some years earlier (in 628, 629 or 630) the famous pilgrim Xuanzang was informed by the then-king Qu Wentai, who was an active Buddhist himself, that there were several thousand Buddhists living in his realm.

Xizhou, as Turfan was titled during the Tang rule, was among the most important trading centres on the famous Silk Road at that time, with a historically grown multi-cultural population. The high rate of Chinese among them shaped public life and the administration. The official language was Chinese.

Before dealing with the Old Uyghur staff in detail, I would like to stress that the results of the German Turfan expeditions would not have been possible without the support from their Russian colleagues, not only with regard to their organization and preparation, but also during the campaign and afterwards.

Today only in the Berlin Turfan collection around 8,000 Old Uyghur fragments are preserved. More than 4,000 are preserved in St. Petersburg, as I was just able to learn from the colleague in charge of the collection of the Institute of Oriental Manuscripts (Russian Academy of Sciences), Olga Lundysheva. Further Old Uyghur fragments are spread in the Central Asian collections worldwide, amongst them, of course, also several important collections in China with more recently excavated manuscript finds.

They are the main and primary source of information concerning the social, economic and, above all, religious life of the Old Uyghurs in the West Uyghur Kingdom (from around the 9th to the 12th cc.) and during the time, when they were under Mongol rule (from around the 13th to the 14th cc.).

A high percentage of texts is of religious, i. e. Manichaean, Nestorian, but first of all Buddhist content.

In contrast to the stone inscriptions in Runic script the most important writing material for the Old Uyghurs was paper and, of course, it was also paper which was used for producing the copies of the texts which were initially carved upon wooden blocks. The production of block prints came into use during the Mongol period. Among the more rare writing materials attested in the Berlin collection are birch bark (most surprisingly attested among the Old Uyghur documents), silk, ramie, cotton cloth and wood. Textiles as writing surfaces are mostly attested among the temple banners.

Furthermore, it has become clear that the famous wooden stake MIK III 4672 (T I D 91)[1], octagonal and pointed at the lower end, is an architectural element, i. e. a foundation pile (Old Uyghur: šat ıgač) made of poplar wood with the donor's inscription commemorating the construction of a Buddhist monastery. It was found in Kočo. Thanks to detailed studies by Takao Moriyasu [Moriyasu 2001, p. 149–223] and the late James Hamilton this inscription could be dated to the year 1008. Further wooden elements from the Turfan expeditions, some even

[1] This object is described in the catalogue of the Old Turkish manuscripts preserved in the Berlin Turfan collection [Raschmann 2009a, p. 34–35: № 288].

with scribblings (like MIK III 307), are preserved in the Museum für Asiatische Kunst, Berlin-Dahlem and at present a project sponsored by the Gerda Henkel Foundation is dealing with the "Medieval pre-Islamic Architecture in Qočo on the Northern Silk Road".

We should also pay attention to the numerous Old Uyghur inscriptions on wall paintings. Often they were written down by pilgrims, some of them even in alliterative verses [Zieme 1985, p. 189–192; Zieme 2013, p. 181–195]. Mostly they do not refer to the content of the paintings, but they often deliver important information concerning the life of the laypeople and contribute to our knowledge of the Old Uyghur onomasticon.

One example is the also well-known wall painting with the depiction of scenes from the hells, excavated in temple no. 8 of Bäzäklik. The existing inscriptions on it do not only tell us the names of two Uyghur monks, one of Sanskrit origin, i. e. Dharmaśrī (*darmaširi*) and one of Chinese origin, Taypodu (*taypodu*), but also mention the Old Chinese name of the location called Bäzäklik by the Uyghurs: Nišüng [Matsui 2011, p. 141–175].

The remains of Manichaean literature in Manichaean, Uyghur and Runic script from the Turfan oasis testify that the Manichaean religion remained alive among the Old Uyghurs even after the decline of their East Uyghur Kaganat and their spread westward into the Eastern Tianshan region, where they established their West Uyghur Kingdom. As it is well-known, the Sogdians played an important role in the transfer of the Manichaean religion to the Old Uyghurs. Documents preserved only as photographs in the Arat estate in Istanbul offer new details. For example, I would like to refer to an unpublished document here. It is preserved as a photograph only in the Arat estate in Istanbul under the Arat signature 109a,b/024 (*U 9340).[1] The site of excavation is unknown. There are two different texts present on this fragment, which are written by different hands. Of special interest is the text of side A which provides us with another attestation of the term of Sogdian origin *nwydma* < Sogd. *nwyδmʾ* (niwēδmā) "invitation" [Sims-Williams/Durkin-Meisterernst 2012, p. 128b] in an Old Uyghur document. This term is attested in the Old Uyghur "Erlaß zur Wirtschaft manichäischer Klöster" [Moriyasu 2004a, p. 39–147]. Accepting Peter Zieme's identification of *nwyδmʾ* (niwēδmā) as a loanword, Takao Moriyasu explained it as an invitation for a meal addressed to the Manichaean clerics issued by high-ranking lay people [Moriyasu 2004a, p. 93, note 63a]. The document on hand is a register of delivered *liv* — a loanword from Chinese (**liəp)* which means "food products" [Clauson 1972, p. 763; Zieme 1981, p. 252; Moriyasu 2004a, p. 69]

[1] A detailed description of this fragment is included in the catalogue of Old Turkish manuscripts preserved in the Berlin Turfan collection [Raschmann/Sertkaya, in print].

without any specification. This delivery is the result of a *yarlıg* ("decree, order") issued by a person whose name is only partly preserved at the beginning: *täŋri* or *täŋrim* — probably a high standing person or even a member of the ruler's family. The amount of the delivered food on a certain number of consecutive days is registered. At certain positions of the register names of the persons who issued the "invitation" are mentioned. What is remarkable here is that all these persons have, as far as their names are preserved, elements which demonstrate their affiliation to the higher ranks in the society: *totok, tarhan, kunčuy, täŋrim*. With regard to the above mentioned details the text of this document is very close to the related paragraph in the "Erlaß" and may contribute to the understanding of the attitudes within the Manichaean communities during the period of the West Uyghur Kingdom.

Under the influence of the Chinese, but also the Tokharians who were resident in this area for a long time, Buddhism spread among the Old Uyghurs in the West Uyghur Kingdom. Even if there is evidence that for instance the ruin α in Kočo functioned as a Manichaean monastery in 983, the above mentioned stake inscription clearly manifests the construction of a new Buddhist monastery sponsored by a high ranking Uyghur couple in 1008.

With regard to the just mentioned transformation stage, let me mention here a very remarkable Old Uyghur manuscript in the Berlin collection. It is the so-called "Manichaean Pothi book", 40 folios and fragments of a folio are preserved.[1] Due to the content it is a so-called "Sammelhandschrift" — a collection of different Manichaean texts written in Manichaen script. The Pothi book format was known so far only from Buddhist texts. The first folio, which is preserved as well, has an illuminated front page. On the verso the "Great Hymn to Mani" starts, followed by a confession text and several Manichaean stories. Besides the format, there are two other special features: Firstly, there is a great amount of Buddhist terminology present in the Manichaean texts. And secondly, the second part of the text of the "Great Hymn to Mani", the so-called "Hymn to Father Mani" is bilingual: Tokharian B/Old Uyghur (f. 25 verso — f. 27) [Clark 1982, p. 145–218; Pinault 2008, p. 93–120; Wilkens 2008, p. 209–231; Clark 2013, p. 112–120, p. 137–186].

Well known Old Uyghur Buddhist translation texts from Tokharian are the *Maitrisimit* and the *Daśakarmapathāvadānamālā* [Elverskog 1997, p. 139–145 (no. 81), p. 42–46 (no. 23)].

The strengthening of the relations between the West Uyghur Kingdom and Dunhuang, not only an important trading center on the Silk Road, but also the

[1] These fragments (M 1144, (MIK) III 189, (MIK) III 8260, U 75–U 77, U 79–U 110) are described in detail in the Catalogue of Old Turkish Manuscripts preserved in the Berlin Turfan collection [Wilkens 2000, p. 38–46, 318–338, 368–372].

Buddhist center of Northern China, highly promoted the influence of Chinese Buddhism. We have clear evidence for it, for instance the system of transcription used for Chinese terms in the Old Uyghur Buddhist texts at this time is based on the Hexi dialect, which was dominant in the Dunhuang area during the 10th century.

The Buddhist texts make up the majority among the Old Uyghur texts in the Berlin Turfan collection. Besides being aware of some randomness which is always present in the case of excavations, by identifying and analyzing the preserved texts we learn about the importance and role of different Buddhist schools spread among the Old Uyghur Buddhists. The number of fragments belonging to one and the same text or dealing with one and the same subject shows a strong influence of the cults developed around Maitreya and Avalokiteśvara as well as of the Pure Land School (also known as Amitābha Buddhism). Attested texts of the Vijñānavāda School trace back to the strong influence coming from Dunhuang.

At a rather late stage and as a Tibetan and Mongol influence, we can detect Tantric texts. Many of the Tantric text fragments stem from block prints and, concerning the book format, we find a lot of folded books amongst them.

Quite a small group of Old Uyghur manuscripts which belong to the Christian church of the East was excavated with only few exceptions in the small towns Bulayık and Kurutka in the so-called Turfaner Vorberge. According to their finding signatures some other were found in Kočo. Most of the Christian texts preserved in the Berlin Turfan collection are written in Syriac. Syriac was the official language of the Church. But there are certain hints, like the usage of Middle Persian loanwords, the presence of stories with an Iranian context and an excavated Middle Persian Psalter in Kočo, which led to the assumption that Christianity probably entered the Turfan oasis by the influence of Iran, and especially Merw as one the centers of Christian missionary activities of the Church of the East. The Old Uyghur Christian texts excavated in Bulayık may give evidence that the monastery was used by Old Uyghur Christians at a late stage. Among the Old Uyghur Christian texts [Zieme in print] there are of course fragments of religious texts, like for instance a prayer book. A marriage blessing in Old Uyghur was excavated in Kurutka. Preserved documents and letters with a Christian background inform us about the life within the Christian communities [Raschmann 2009b, p. 408–425]. For example, one so far unpublished photo from the Arat estate in Istanbul (Arat signature 188/39: *U 9350) shows the fragment of an Old Uyghur contract for the rental of a piece of land for cotton planting (Cf. l. 2–3 *käpäz [tarıgu yer kärgäk] boltı*). The contract dates from the period of the West Uyghur Kingdom. It is well-known from further preserved Old Uyghur documents that relatives, especially brothers, shared larger units of land and each of

them had the right to sell or lease his piece of land. But, as it is known, Buddhist or Manichaean monasteries also leased out land [Moriyasu 2004a, p. 102–103]. The rental payments meant an important source of revenue for the monasteries. The administration was handed over to the so-called *iš ayguči*, low ranking officals and mostly laypeople (secular people [Moriyasu 2003, p. 069]) that were in charge of the rental. In lines 8, 10 and 13 of the document in question we read the Sogdian loanword *swgbʾr* (sōk*βār; Old Uyghur writing: swkvʾr*). According to the Sogdian Dictionary of Gharib it is the term for "monk" in Sogdian Christian texts [Gharib 2004, p. 365b: 9054 swqbʾr C, S monk; Sims-Williams 2014, p. 126 (E 30/1 = n 220, f. 1), p. 192 (Glossary to the Sogdian texts in Syriac script)]. Even though some text is lost because of the document's damage in this area, it seems to be clear that the Christian monks are directly involved in the lease of land during the period of the West Uyghur Kingdom. From the structure of the preserved Old Uyghur lease contracts we are able to conclude that the Christians monks are the recipients of the agreed rent for the piece of land in question. As I have mentioned before, the fact that Buddhist and Manichaean monasteries leased out land which was under their possession is already known from other sources. But here, for the first time, we find at least a hint that it was probably also common practice in the Christian monasteries during the period of the West Uyghur Kingdom.

Strengthened efforts in the field of research on the Old Uyghur documents formed the basis for the establishment of a relative chronology for this group of texts. Among the most important markers for the periodization are specific technical terms and loanwords [Moriyasu 2004b; Matsui 2006a, p. 44].

From these terms and loanwords, but also from the preserved bilingual Chinese/Old Uyghur contracts [Moriyasu/Zieme 1999] it became obvious that the system of administration as well as the legal and tax system in the West Uyghur Kingdom was built up on a Chinese model of the Tang and Song. Terms and institutions like for instance *baš bitig* (< Chin.元券 *yuan quan* or 元契 *yuan qi* "original document, contract"*)*, *ulug berim* (< Chin. 大税 *da shui* "great tax"), *tintsui* (< Chin. 田租 a kind of land tax), the unit of weight šıg < Chin. 石 *shi* and also the term *kuanpu* as a means of payment (< Chin. 官布 *guanbu* "official cloth") show clear evidence.

Even though the system of taxes and labor services was not changed fundamentally during the Mongol period, the terminology was changed. For the late period (13th–14th cc.) a lot of Mongolian terms in the field of taxes are attested in the Old Uyghur documents, like *alban, kalan* and *kupčir*. But, Mongolian loanwords can be detected also in other fields, like among the legal terms (*yasa, yosun*) and concerning the social structure (*daruga, nökör*). Chinese and Persian sources of this period show an identical system of taxes and labor services,

which was regarded as clear evidence for the unification of this system within the whole Mongol Empire. The units of measurement and their scales had been standardized as well [Matsui 2004]. That the Old Uyghurs played an important role in the building up of the administration system of the Mongols does not need to be repeated here.

A new question is under discussion: who wrote the Sogdian texts discovered in the Turfan area? Not only the presence of a great number of Old Ughur personal names, but also some features in the Sogdian language may refer to Uyghur scribes [Reck 2013, p. 84–99].

Bibliography

1. Clark 1982: *Clark, Larry*. The Manichean Turkic Pothi-Book // Altorientalische Forschungen 9. 1982. P. 145–218.

2. Clark 2013: *Clark, Larry*. Uygur Manichaean Texts. Texts, Translations, Commentary. 2. *Liturgical Texts*. Turnhout, 2013. (Corpus Fontium Manichaeorum. Series Turcica. 2.)

3. Clauson 1972: *Clauson, Sir Gerard.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

4. Elverskog 1997: *Elverskog, Johan.* Uygur Buddhist Literature. Turnhout, 1997. (Silk Road Studies. 1.)

5. Gharib (^{2}2004): *Gharib, B.* Sogdian Dictionary (Sogdian-Persian-English). Tehran, ^{2}2004.

6. Matsui 2004: *Matsui, Dai.* Unification of Weight and Measures by the Mongol Empire as Seen in the Uigur and Mongol Documents // Durkin-Meisterernst, Desmond/Simone-Christiane Raschmann/Jens Wilkens/Marianne Yaldiz/Peter Zieme (edd.) Turfan Revisited — The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road. Berlin, 2004. P. 197–202. (Monographien zur Indischen Archäologie, Kunst und Philologie. 17.)

7. Matsui 2006: *Matsui, Dai.* Six Uigur Contracts from the West Uigur Period (10th–12th Centuries) // Studies in the Humanities (Volume of Cultural Sciences) 15. 2006. P. 35–60.

8. Matsui 2011: *Matsui Dai.* Ning-rong 寧戎 Bezeklik in Old Uighur texts // Nairiku Ajia gengo no kenkyū. Studies on the Inner Asian Languages 26. 2011. P. 141–175.

9. Moriyasu 2001: *Moriyasu Takao.* Uighur Buddhist Stake Inscriptions from Turfan // *Louis Bazin/Peter Zieme* (edd.) De Dunhuang a Istanbul. Hommage à James Russell Hamilton. Turnhout, 2001. P. 149–223. (Silk Road Studies. V.).

10. Moriyasu 2003: *Moriyasu, Takao.* The Flourishing of Manichaeism under the West Uighur Kingdom. New edition of the Uighur Charter on the Administration of the Manichaean Monastery in Qočo // Takao Moriyasu (ed.) World History Reconsidered through the Silk Road. Toyonaka, 2003. P. 063–083.

11. Moriyasu 2004a: *Moriyasu, Takao* Die Geschichte des uigurischen Manichäismus an der Seidenstraße. Forschungen zu manichäischen Quellen und ihrem geschichtlichen

Hintergrund. Übersetzt von Christian Steineck. Wiesbaden, 2004. (Studies in Oriental Religions. 50.)

12. Moriyasu 2004b: *Moriyasu, Takao.* From Silk, Cotton and Copper Coin to Silver. Transition of the Currency Used by the Uighurs during the Period from the 8th to the 14th Centuries // Durkin-Meisterernst, Desmond/Simone-Christiane Raschmann/Jens Wilkens/Marianne Yaldiz/Peter Zieme (edd.) Turfan Revisited — The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road. Berlin, 2004. P. 228–239. (Monographien zur Indischen Archäologie, Kunst und Philologie. 17.)

13. Moriyasu/Zieme 1999: *Moriyasu Takao*, *Peter Zieme.* From Chinese to Uighur Documents // Nairiku Ajia gengo no kenkyū. Studies on the Inner Asian Languages 14. 1999. P. 73–102.

14. Pinault 2008: *Pinault, Georges-Jean.* Bilingual Hymn to Mani. Analysis of the Tocharian B Parts // Nairiku Ajia gengo no kenkyū. Studies on the Inner Asian Languages 23. 2008. P. 93–120.

15. Raschmann 2009a: *Raschmann, Simone-Christiane.* Alttürkische Handschriften. Teil 14: Dokumente. Teil 2. Stuttgart, 2009. (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. 13, 22.)

16. Raschmann 2009b: *Raschmann, Simone-Christiane.* Traces of Christian Communities in the Old Turkish Documents // Zhang Dingjing / Abdurishid Yakup (edd.) Tujue yuwenxue yanyiu: Geng Shimin jiaoshou bashi huadan jinian wenji. Studies in Turkic Philology. Festschrift in Honour of the 80th Birthday of Professor Geng Shimin. Beijing, 2009. P. 408–425.

17. Raschmann/Sertkaya in print: *Raschmann, Simone-Christiane / Osman F. Sertkaya.* Alttürkische Handschriften. Teil 20: Alttürkische Texte aus der Berliner Turfansammlung im Nachlaß R. R. Arat. Stuttgart. (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. 13, 28.)

18. Reck 2013: *Reck, Christiane.* Soghder und Türken in Turfan: Wer schrieb die soghdischen Texte // Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Wege zum geistigen Erbe der Menschheit. Die Katalogisierung der orientalischen Handschriften in Deutschland. Göttingen, 2013. P. 84–99.

19. Sims-Williams 2014: *Nicholas Sims-Williams.* Biblical and other Christian Sogdian texts from the Turfan Collection. With contributions by Martin Schwartz and Williams J. Pittard. Turnhout, 2014. (Berliner Turfantexte. 32.)

20. Sims-Williams/Durkin-Meisterernst 2012: *Sims-Williams, Nicholas / Desmond Durkin-Meisterernst.* Dictionary of Manichaean Sogdian and Bactrian. Turnhout, 2012. (Corpus Fontium Manichaeorum. Subsidia: Dictionary of Manichaean Texts. 3, 2: Texts from Central Asia and China.)

21. Wilkens 2000: *Wilkens, Jens*. Alttürkische Handschriften. Teil 8: Manichäisch-Türkische Texte der Berliner Turfansammlung. Stuttgart, 2000. (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. 13, 16.)

22. Wilkens 2008: *Wilkens, Jens.* Musings on the Manichaean «pothi» Book // Nairiku Ajia gengo no kenkyū. Studies on the Inner Asian Languages 23. 2008. P. 209–231.

23. Zieme 1985: *Zieme, Peter.* Buddhistische Stabreimdichtungen der Uiguren. Berlin, 1985. (Berliner Turfantexte. 13.)

24. Zieme 2013: *Zieme, Peter.* A Brāhmaṇa Painting from Bäzäklik in the Hermitage of St. Petersburg and Its Inscriptions // Tatiana Pang / Simone-Christiane Raschmann / Gerd Winkelhane (edd.). Unknown Treasures of the Altaic World in Libraries, Archives and Museums. 53rd Annual Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Institute of Oriental Manuscripts, R[ussian] A[cademy of] S[ciences] St. Petersburg, July 25–30, 2010. Berlin, 2013. P. 181–195 (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvölker. 13.).

25. Zieme in print: *Zieme, Peter.* Altuigurische Texte der Kirche des Ostens aus Zentralasien. (Gorgias Eastern Christian Studies. 41.).

Д. М. Тимохин

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НАЧАЛА МОНГОЛО–ХОРЕЗМИЙСКОЙ ВОЙНЫ (1219–1221 ГГ.) ПО АРАБО–ПЕРСИДСКИМ ИСТОЧНИКАМ[1]

Аннотация. *В данной статье автор рассматривает причины начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.), которые выделяют средневековые арабо-персидские авторы в своих сочинениях. Эти причины подробно анализируются, автор выделяет те из них, которые арабо-персидские историки считали основными, и те, которые можно признать второстепенными. Кроме того, автор указывает и дискуссионные моменты: в частности, подробно разбирается «Отрарский инцидент» и возможное посольство халифа ан-Насира к монголам.*

Ключевые слова: *Хорезм, монголы, Чингиз-хан, Ала ад-Дин Мухаммад, Отрар,* ан-*Насир*

В рамках этой статьи нам хотелось бы остановиться на выявлении причин монголо-хорезмийской войны, которая началась в 1219 г. вторжением войск Чингиз-хана в земли Хорасана и Мавераннахра, а закончилась окончательным уничтожением последнего очага хорезмийского сопротивления в битве на реке Инд в 1221 г. и гибелью этого государства. Причины данного военного столкновения следует искать в той политике, которую проводил Чингиз-хан как непосредственно в отношении Хорезмийского государства, так и в отношении его соседей. Кроме того, внутренняя и внешняя политика самого правителя Хорезма, Ала ад-Дина Мухаммада, во многом предопределила начало войны, которая в свою очередь приведет к уничтожению его державы. Не последнюю роль в развязывании этой войны сыграют и политические противники хорезмшаха, прежде всего, исмаилиты Аламута и багдадский халиф ан-Насир, о чем подробно сообщают средневековые историки, писавшие о монгольском нашествии на территорию Центральной Азии и Ирана. Наибольший массив информации относительно причин монголо-хорезмийской войны содержится в арабо-персидских исторических источниках. Авторы этих памятников не только уделяют внимание хорошо известным современным ученым причинам столкновения, например «Отрарскому инциденту», но и в ряде случаев предлагают вниманию исследователей некоторые «малоизвестные» факты, которые в свою очередь могли бы стать причиной войны, в частности по-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00020.

сольство халифа ан-Насира к Чингиз-хану. Наконец, хотелось бы указать на ком, по мнению средневековых арабо-персидских историков, в большей степени лежит «ответственность» за начало данной войны и ее последствий. Таким образом, в своей статье мы, прежде всего, сосредоточимся на систематизации и анализе всех возможных причин монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг., на основании информации из существующего корпуса арабо-персидских источников о монгольском нашествии на территорию государства хорезмшахов-Ануштегинидов.

В рамках данного исследования нами была привлечена информация из следующих исторических памятников, которые содержат наибольшей объем сведений по интересующей нас проблематике. Из наиболее ранних трудов следует упомянуть исторические сочинения Ибн ал-Асира «Полный свод истории» [Ибн ал-Асир 2006; Al-Asir ibn 1849–1850], Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» [Ан-Насави 1973; An-Nasavi 1945; un-Nesevi 1934] и труд Джузджани «Насировы разряды» [Джузджани 2010; Djuzdjani 1960]. Из более поздних исторических источников здесь следует отметить «Историю Миропокорителя» Джувейни [Джувейни 2004, Djuveini 1959], а также труды Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 2002], Хамдаллаха Казвини [Kazvini 1903; Kazvini 1960], Мирхонда [Mirhond 1840; Mirhond 1841], Хондемира [Khondamir 1954] и Абу-л-Гази Бахадур-Хана [Histoire des Mogols 1874]. Именно на базе упомянутых выше исторических сочинений мы и попытаемся указать комплекс причин, приведших к монголо-хорезмийской войне 1219–1221 гг.

Прежде всего, обозначим те причины войны, которые связаны с политической деятельностью хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и его приближенных. В этом случае речь пойдет об «Отрарском инциденте», посольстве Ибн Кафраджа Богра и сражении на Тургайской равнине, которое само по себе и не являясь, возможно, причиной войны, но тем не менее подтолкнуло обе стороны к военным действиям. Несмотря на то, что большинство арабо-персидских средневековых историков считают именно «Отрарский инцидент», а именно уничтожение купеческого каравана, посланного Чингиз-ханом в пределы хорезмийской державы, главной причиной будущей войны вокруг него сохраняется до сих пор некий ореол таинственности. Прежде всего, нет ясности с тем, кто же именно отдал приказ об убийстве купцов данного каравана: Ибн ал-Асир указывает на хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада [Ибн ал-Асир 2006, с. 348; Джувейни 2004, с. 258], а в другом раннем памятнике, труде ан-Насави, виновником данного убийства становится Инал-хан, наместник Отрара, уничтоживший караван по собственной инициативе. В последней версии хорезмшах Ала

ад-Дин Мухаммад отдает приказ лишь об аресте каравана, а Инал-хан предпочитает более радикальные средства [Ан-Насави 1973, с. 79].

В более поздних исторических сочинениях утвердилась точка зрения Ибн ал-Асира [Khondamir 1954, s. 648] с некоторыми интересными дополнениями, которые можно увидеть, например, в труде Джувейни. «Когда процессия прибыла в Отрар, правителем того города был некий Инальчик, который являлся родственником матери султана, Теркен-хатун, и получил титул Гаир-хан. А среди купцов был индус, знавший правителя в прежние времена. И он обратился к нему, назвав его просто Инальчик; и гордясь силой и могуществом своего хана, он не показывал страха перед ним, но и не стремился получить для себя выгоду. Это смутило Гаир-хана и вызвало у него досаду; к тому же он пожелал захватить их добро. Поэтому он поместил их под стражу и направил посыльного в Ирак сообщить о них султану. Не раздумывая долго, султан разрешил пролить их кровь и признал захват их товаров законным, не зная, что его собственная жизнь вскоре станет противозаконной и, более того, преступной и что птица его удачи потеряет перья и лишится крыльев» [Джувейни 2004, с. 52].

Так или иначе, ни один из арабо-персидских историков не дает исчерпывающего ответа на вопрос, что же подтолкнуло хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и наместника Отрара, Инал-хана, к такому поступку, который в свою очередь фактически развязывал войну между хорезмийской державой и монгольской империей. Безусловно, купцы этого каравана и входившие в его состав монголы обладали денежными средствами, предоставленными им самим Чингиз-ханом, чтобы «отправится в земли Хорезмшаха, заняться там торговлей и приобрести редкие и ценные товары того края» [Рашид ад-Дин 2002, т. 1, с. 188]. То, что имущество указанного каравана было немедленно разграблено после совершенного убийства [Ан-Насави 1973, с. 79] должно было бы укрепить нас в уверенности в том, что причиной всему стала жадность хорезмшаха и его наместника. Однако в описании этого события у ан-Насави есть одна деталь, которая ставит под сомнение изложенную выше версию: средневековый историк указывает на то, что поведение участников каравана мало походило на поведение обычных торговцев. «Когда они уединяются с кем-то из простонародья, они угрожают ему и говорят: “Вы в полном неведении относительно того, что творится вокруг вас; скоро вы увидите такое, что никто из вас раньше не видел”. И далее в таком духе» [Ан-Насави 1973, с. 79].

Безусловно, агитация среди местного населения и возможный шпионаж являются гораздо более весомой причиной для уничтожения целого каравана, однако сведения о подобных действиях купцов не получили

распространения в других арабо-персидских исторических сочинениях. Однако в рамках современной историографии монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана такая точка зрения нашла свое отражение, и исследователи видят причину произошедших событий вовсе не в жадности и недальновидности Ала ад-Дина Мухаммада или Инал-хана. «Объяснение этому надо искать именно в необычном составе и необычном поведении людей этого каравана» [Петрушевский 1977, с. 114]. При этом окончательно доказать данную точку зрения, опираясь лишь на труд ан-Насави и косвенные свидетельства из других памятников, не представляется возможным, что позволяет считать до сих пор «Отрарский инцидент» одним из загадочных событий в истории хорезмийского государства.

После событий, произошедших в Отраре, Чингиз-хан отправляет к Ала ад-Дину Мухаммаду посольство во главе с Ибн Кафраджем Богрой, судьба которого станет еще одной причиной к войне между Хорезмом и монголами. «Чингиз-хан направил послов к султану, передал ему послание, в котором (говорилось, что) наместник Отрара из-за опасной недальновидности совершил вероломный поступок по отношению к купцам, и обязанность султана его (Инал-хана) ему (Чингиз-хану) передать. Султан, из-за этих речей послов, приказал их убить»[1] [Mirhond 1841, s. 73]. Ан-Насави приводит подробное содержание этого послания, в котором Чингиз-хан требует выдачи Инал-хана, угрожая в противном случае войной. «Ты даровал подписанное твоей рукой обещание обеспечить безопасность для купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил вероломно и нарушил слово. Вероломство мерзко, а со стороны султана ислама еще более! И если ты утверждаешь, что совершенное Иналом сделано не по твоему велению, то выдай мне Инала, чтобы мы наказали его за преступление и помешали кровопролитию. А в противном случае — война, в которой самые дорогие души станут дешевы и древки копий преломятся» [Ан-Насави 1973, с. 79–80].

В этом случае поведение Ала ад-Дина Мухаммада вполне объяснимо тем, что Инал-хан был родственником Теркен-хатун, матери хорезмшаха, а также «большая часть войск и эмиры высоких рангов были из его родни» [Ан-Насави 1973, с. 80]. Таким образом, выдача его монголам означала бы немедленный бунт в самих владениях хорезмшаха, который вполне мог стоить ему власти, да и сам по себе факт передачи Инал-хана Чингиз-хану мог вовсе не означать немедленной ликвидации напряженности в отношениях с монгольской державой и быть гарантом предотвращения войны. К действиям хорезмшаха в отношении посольства Ибн Кафраджа Богра, по-

[1] Здесь и далее перевод на русский язык Д. М. Тимохина.

мимо невозможности выполнить условий, предъявленных Чингиз-ханом, могли подтолкнуть и менее значимые факторы. Некоторые исследователи считают, что монгольский правитель Чингиз-хан «назначил главой посольства старого подчиненного Мухаммада, который его (Мухаммада) покинул и ему изменил. Это должно было стать провокацией… Партия войны, несомненно, легко воздействовала на колеблющегося шаха. Глава посольства был казнен, его монгольские компаньоны доставлены к границе с головами и бородами бесчестно обритыми» [Barckhausen 1935, p. 113].

Сражение на Тургайской равнине между монгольским корпусом под командованием Джучи-хана и армией Ала ад-Дина Мухаммада следует признать, если и не причиной последующей войны, то, как минимум, фактором, подтолкнувшим обе державы к военному столкновению. «Храбрецы двух армий развлекались, используя мечи и кинжалы, и с обеих стороны беспредельная отвага и мужество были продемонстрированы. В свою очередь монгольское войско стало побеждать, центр войска хорезмшаха начал отступать, но султан Джалал ад-Дин Манкбурны с правого фланга, где он стоял, на неверных татар ударил, его усилиями наступил порядок, и он не допустил, чтобы руки людей Чингиз-хана овладели мусульманами. И когда, по причине захода солнца, наступила темнота, монгольское войско в своем лагере зажгло множество огней, а (сами) отправились в Орду Чингиз-хана. (Они) рассказали обстоятельства инцидента, воспламенили пламя ярости хана и по (этой причине) легкие колебания, которые ранее были многочисленными, (исчезли) и по причине гнева и злобы он приказал отправиться в сторону Мавераннахра» [Khondamir 1954, s. 649–650].

С одной стороны, это сражение, которое едва не обернулось поражением хорезмийской армии, привело в ужас и оставило неизгладимый след в памяти Ала ад-Дина Мухаммада, если верить информации из арабо-персидских источников. «Душой султана завладели страх и убеждение в их храбрости, и, как говорят, он сказал своим приближенным, что не видел никого, кто мог бы сравниться с этими людьми мужеством, стойкостью перед тяготами войны и умением по всем правилам пронзать копьем и разить мечом» [Ан-Насави 1973, с. 54]. То же пишет и Мирхонд: «Когда он (Мухаммад — Прим. авт.) увидел от столь небольшого войска такую ловкость, сомнения и несравнимый ни с чем страх поселились в его разуме» [Mirhond 1841, s. 77]. А с другой стороны, действия хорезмийской армии стали известны Чингиз-хану, и он мог сделать из этого выводы о военной слабости хорезмийской державы, несмотря на подвиги отдельных военачальников, в частности Джалал ад-Дина Манкбурны. «На четвертую ночь Джучи увел свои войска, прибыл в ставку Чингиз-хана и сообщил

ему о состоянии войск Хорезма и личной отваге Джалал ад-Дина Манкбурны» [Djuzdjani 1960, p. 269–270].

Указав причины монголо-хорезмийской войны, которые вытекают с одной стороны непосредственно из взаимоотношений монгольской и хорезмийской державы до 1219 г., а с другой из политических действий хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, выделим и причины иного характера. Речь пойдет о так называемом «внешнем факторе», то есть об участии в развязывании монголо-хорезмийского конфликта третьей стороны, заинтересованной в уничтожении одной из сторон, в данном случае хорезмийского государства. Ряд арабо-персидских источников указывает на заинтересованность в этом конфликте Багдадского халифа ан-Насира, а также давних противников хорезмшаха — исмаилитов Аламута. Сближение этих политических сил имело своей целью в том числе и противостояние хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду. Для самих исмаилитов Аламута налаживание диалога с Багдадом означало в большей степени решение вопроса выживания в неблагоприятной среде, однако у халифа были, по всей видимости, другие планы. «Политика сближения с мусульманами суннитами, предпринятая Джалал ад-Дином Хасаном, безусловно, благоприятно сказалась на развитии низаритской общины, в течение нескольких десятилетий до того находившихся в положении маргиналов — “еретиков”» [Дафтари 2004, с. 154–155].

Прежде всего, неудовольствие со стороны Ала ад-Дина Мухаммада вызвало следующее последствие этого сближения: во время хаджа 1212 г. он поставил караван матери Хасана, владыки исмаилитов Аламаута, впереди караванов других султанов и маликов. «В 609[1] году Хасан III отправил свою мать в паломничество. Халиф принял ее с уважением и дал ей подарок первенства в том, поставив над другими паломниками» [Kazvini 1903, p. 509]. Однако для владыки Хорезма гораздо более важным фактором стал отказ ан-Насира от признания определенных политических уступок, которых требовал от него Ала ад-Дин Мухаммад. «Когда авторитет султана возрос, и великим стало имя его … он начал энергично требовать господства и власти в Багдаде, таких же какие были у рода Сельджука. Он не раз отправлял послов с такой миссией, но не получил согласие на то, о чем просил. Между тем он не оставлял намерение получить то, чего хотел и считал, что наступит время, благоприятное для осуществления желания и достижения долгожданной цели» [Ан-Насави 1973, с. 57].

Окончательный разрыв с Багдадом, приведший к печально известному походу хорезмийской армии 1217 г., наступил после того, как Ала ад-Дин

[1] 3 июня 1212 г. — 22 мая 1213 г.

Мухаммад окончательно понял, что ан-Насир подстрекает против него не только исмаилитов, но и ближайших и других соседей хорезмшаха. В 1215 г., когда хорезмийские войска захватили Газну, в архиве султанов Гура была найдена их переписка с ан-Насиром, где последний подстрекал к войне с Хорезмом. «Ала ад-Дин Мухаммад узнал из захваченной дипломатической корреспонденции, что халиф в прошлом подстрекал Гуридов против него и теперь использовал исмаилитских ассасинов для устранения своих оппонентов. Вследствие этого его антихалифская позиция усилилась, он был не в состоянии рассчитывать на суннитское течение, и поэтому шах принимает шиитский курс. Он потребовал фетву от религиозных авторитетов своей империи, провозглашающую, что ан-Насир неспособен к управлению и что Аббасиды узурпировали Халифат от дома Али, и он объявил сейида Ала аль-Мулька Термези антихалифом» [Cambridge History 1968, p. 184].

Следующим шагом со стороны Ала ад-Дина Мухаммада станут военные действия: им был организован в 1217 г. поход с целью захвата Багдада. По всей видимости, письма стали последней каплей, после которой хорезмшах осознал, что обратного пути нет, начав в 1217 г. поразивший современников поход хорезмийских войск на Багдад. «Он послал перед собой такое количество войска, что им были заполнены степи и пустыни, но даже и они, при всей своей обширности, не могли его вместить» [Ан-Насави 1973, с. 64]. Однако из-за погодных условий поход оказался неудачным, и решить проблемы во взаимоотношениях с халифом силовыми методами хорезмшах не смог. «Султан направился из Хамадана в Багдад… Добравшись до труднопроходимого прохода Асед-Абад, он не нашел дороги из-за снега. Все армейские лошади умерли, и он потерял много людей. Поневоле султан повернул к Хамадану, после чего его престиж упал, и он не считал больше свои замыслы против Багдада хорошими» [Kazvini 1903, p. 397].

Ряд арабо-персидских источников подчеркивает тот факт, что после прямой военной угрозы со стороны Хорезма ан-Насир начал искать себе новых союзников на Востоке для устранения хорезмийской угрозы, и таковыми стали монголы. В историографии вслед за написанным В. В. Бартольдом утвердилась точка зрения, что сама возможность посольства ан-Насира к монголам с целью подтолкнуть последних к войне с Хорезмом более чем сомнительна. «Едва ли поэтому следует придавать значение известию, будто монголов призвал против Хорезмшаха халиф Насир. Подробный рассказ об этом мы находим только у Мирхонда; в XIII в. Это известие существует только в виде неопределенных слухов, которые при враждебных отношениях между халифом и Хорезмшахом не могли не возникнуть. Таким же образом в Европе приверженцы папы утверждали, что монголов призвал

Фридрих II, а приверженцы императора обвиняли в том же самом папу. Халиф действительно искал себе союзников среди восточных соседей Хорезмшаха и с этой целью отправлял послов сначала к Гуридам, потом к Кучлуку; но нет основания полагать, что он обращался к содействию восточноазиатских государей» [Бартольд 1963, с. 467].

Действительно, многие из средневековых арабо-персидских историков вовсе не упоминают даже о возможности такого посольства: так, например, Хамдаллах Казвини в своем сочинении в разделе, посвященном биографии ан-Насира, пишет лишь о том, что в его правление «Чингиз-хан подчинил своей власти земли Ирана и Турана» [Kazvini 1960, s. 366] и никакого упоминания о роли в этом халифа мы не находим. Однако можно назвать и таких арабо-персидских историков, которые упоминают о подобной возможности: среди них Ибн ал-Асир [Ибн ал-Асир 2006, с. 348], ал-Макризи [Буниятов 1986, с. 125] и Ибн Васил [Буниятов 1986, с. 126]. В то же время детальное описание этого посольства мы видим в трудах Абу-л-Гази [Histoire des Mogols 1874, p. 521] и Мирхонда, при чем последний указывает даже посредника при переговорах между послом халифа и Чингиз-ханом. «Махмуд Ялвач понял значимость происходящих событий и в тот самый миг отправился доложить, что из столицы ислама, Багдада, прибыл человек и привез такого рода сообщение. Чингиз-хан к этому лазутчику обратился с речью: «Каково доказательство искренность твоих слов?». сказал: «Голову мою осмотри, чтобы истинность сказанного мной стала тебе известным, когда волосы с моей головы сбреешь — то послание увидишь. О том, что причина наших действий за пределами Альнахра[1] и Хорасана — желание уничтожить династию хорезмшахов» [Mirhond 1841, s. 105].

Подводя итоги, следует отметить, что главными причинами монголо-хорезмийской войны следует признать «Отрарский инцидент» и действия хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада в отношении посольства Ибн Кафраджа Богра. Если последнее не может вызывать каких-либо вопросов, то события в Отраре до сих пор остаются в определенной мере таинственными, прежде всего в отношении того, что же двигало на самом деле Ала ад-Дином Мухаммадом и Инал-ханом в принятии подобных решений. В свою очередь, битва на Тургайской равнине сама по себе была, на наш взгляд, лишь дополнительным поводом к войне, но не самостоятельной причиной. Наконец, можно указать на возможную заинтересованность в этой войне третьих сил, то есть исмаилитов Аламута и халифа ан-Насира, причем последний, по сведениям отдельных памятников, принял деятельное участие

[1] Имеется в виду Мавераннахр.

в разжигании конфликта между монгольской и хорезмийской державами. Учитывая вражду между ан-Насиром и Ала ад-Дином Мухаммадом, который пытался силовым путем решить свой конфликт с Багдадом, полностью исключать подобную возможность нельзя. Таким образом, неизбежное столкновение между монгольской империей и Хорезмом произошло в силу как внешних, так и внутренних факторов, связанных в большей степени с деятельностью Ала ад-Дина Мухаммада. Хорезмшах стал во многом заложником той внешней и внутренней политики, которую он проводил, что в свою очередь привело к гибели его державы в войне с монголами.

Библиография

1. Ибн ал-Асир 2006: *Ибн ал-Асир.* «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки. Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. Ташкент, 2006.

2. Бартольд 1963: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.

3. Буниятов 1986: *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М., 1986.

4. Дафтари 2004: *Дафтари Ф.* Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины. М., 2004.

5. Джувейни 2004: *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира. Пер.: Е. Е. Харитонова. М., 2004.

6. Джузджани 2010: *Джузджани.* Насировы разряды. Пер. под ред. А. А. Ромаскевича. М., 2010.

7. Ан-Насави 1973: *Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер.: З. М. Буниятов. Баку, 1973.

8. Петрушевский 1977: *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 107–140.

9. Рашид ад-Дин 2002: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер.: А. К. Арендс, Ю. П. Верховский, О. И. Смирнова, Л. А. Хетагуров. Т. 1–2. М., 2002.

10. Al-Asir ibn 1849–1850: *Al-Asir ibn.* Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. T. XIII–XV.

11. Barckhausen 1935: *Barckhausen Joahim.* L'empire jaune de Genhis-Khan. Paris, 1935.

12. Cambridge History 1968: *Cambridge History of Iran*. Ed. J. A. Boyle. Vol. 5. Cambridge, 1968.

13. Djuveini 1959: *Djuveini.* The History of the World-conqueror. Trad. J. A. Boyle. Vol. 1–2. Manchester, 1959.

14. Djuzdjani 1960: *Djuzdjani.* Tabakat-i Nasiri. Trad.: H. G. Raverty. Vol. 1–2. Calcutta, 1960.

15. Histoire des Mogols 1874: Histoire des Mogols et des Tatares par Abul-Gazi Behadour Khan. Trad.: B. Desmaisons. T. 2. St. Petersburg., 1874.

16. Kazvini 1903*: Kazvini Hamdallah.* Tarihi gouzide. Trad.: Y. Le Strange. Vol. I. Paris, 1903.

17. Kazvini 1960: *Kazvini Hamdallah.* Tarih-e gouzide. Tehran, 1960.

18. Khondamir 1954: *Khondamir*. Tarih-e habib. Vol. 1–3. Tehran, 1954.

19. Mirhond 1840: *Mirhond.* La vie de Genghis-khan. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1840.

20. Mirhond 1841: *Mirhond*. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1841.

21. An-Nasavi 1945: *An-Nasavi.* Sirat Jelaleddin ya tarikh-e Jelali. Tehran, 1945.

22. un-Nesevi 1934: *un-Nesevi Ahmed Sehabeddin.* Celaluttin Harezemsah. Trans. and annot. by Necip Asim [Yaziksiz]. Istanbul, 1934.

Dmitriy M. Timokhin

THE BACKGROUND OF THE MONGOL–KHWAREZMIAN WAR (1219–1221) ACCORDING TO ARAB–PERSIAN SOURCES

Abstract: *In this article the author considers the reasons of the beginning of mongol-khwarezmian war (1219–1221) as given by medieval Arab-Persian authors. These reasons are analyzed in detail, the author accentuates those of them which the Arab-Persian historians considered the main, and those that one can recognize as minor. Besides, the author specifies the debatable moments: in particular, the "Otrar incident" and the presumable embassy of the Caliph an-Nasir to Mongols are analyzed in detail.*

Keywords: *Horezm, Mongols, Chingiz-khan, Ala ad-Din Muhammad, Otrar, an-Nasir.*

В. З. Церенов

МАНУТОХАЙ — СТАВКА КАЛМЫЦКИХ ХАНОВ (СЕМАНТИКА И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМА)

Аннотация. *Статья посвящена анализу происхождения названия и географического местонахождения урочища Манутохай, в котором в XVII–XVIII вв. располагалась ставка калмыцких ханов. Название передает географическую характеристику местности и, вероятно, означает «место, где находится излучина, поросшая зарослями». Урочище занимало территорию от верховьев Ахтубы до береговых обрывов Волги у села Черный Яр. Название Манутохай первоначально, видимо, относилось к окрестностям песчаного брода у нынешнего села Киляковка, где Ахтуба совершает крутой, почти кольцеобразный поворот.*

Ключевые слова: *Калмыцкое ханство, Волго-Ахтубинская пойма, урочище Манутохай*

Название калмыцкого урочища Манутохай неоднократно упоминается в различных фольклорных и письменных источниках. На протяжении почти полутора столетий (1632–1770 гг.) урочище входило в территорию ставки калмыцких ханов. Наибольшую известность оно получило во время правления хана Аюки (1669–1724 гг.), участника многих военных начинаний Петра I.

До настоящего времени происхождение топонима не подвергалось исследованию, не установлено точное местонахождение урочища, хотя попытки в этом направлении предпринимались.

Среди калмыцких исторических песен едва ли не наиболее популярны песни о Мазан-баатре, знаменитом калмыцком военачальнике конца XVII в. Вместе с русскими полками и запорожскими казаками возглавляемый им отряд конников «с луками и копьи» не раз отражал набеги крымских татар и турок. Во всех вариантах песни как родное кочевье Мазан-баатра воспевается урочище Манутохай[1].

Название Манутохай часто встречается и в исторической литературе о калмыках. Так, профессор К. Ф. Голстунский писал, что главный тайша калмыков Хо-Урлюк, прикочевав в 1632 г. в низовья Волги, свою ставку расположил именно в этом урочище [Голстунский 1880, с. 102]. В 1714 г. Аюка-хан принимал здесь китайское посольство [Русско-китайские отношения 1978,

---

[1] К слову, такой же известностью пользовалось урочище Шар-тоха на р. Кума, где находилась ставка нойона Дугара, видного политического деятеля Калмыцкого ханства того времени.

с. 473–474]. Манутохай нередко фигурирует в переписке калмыцких ханов и нойонов с русской администрацией. Наместник ханства Церен-Дондук в 1725 г. в письме, адресованном астраханскому губернатору А. П. Волынскому, указывал это урочище как предельный пункт зимних калмыцких кочевий [Пальмов 1926, с. 25]. Хан Дондук-Даши в 1746 г. из Манутохая посылал «листы» царице Елизавете Петровне с просьбой дать указания ускорить отправку калмыцких посланцев в Тибет [Пальмов 1927, с. 149].

Манутохай является сложным по образованию топонимом, включающим две отдельные основы. А. Л. Леонтьев, переводчик сочинения Тулишэня, маньчжурского автора «Записок о поездке цинского посольства к калмыцкому хану Аюке», передавал это название, как состоящее из двух слов — Ману тохай [Путешествие китайского посланника 1782, с. 110]. В памятниках национальной письменности «тодо бичиг» топоним зафиксирован в двух написаниях *Manatoqoi* [Сусеева 2009, с. 392] и *Manu toqoi* [Позднеев 1885, с. 12]. В записях калмыцких песен, произведенных в начале XX в. Н. Очировым, название столь же разнится — *Maan toqoi* и *Mang toqoi* [Архив востоковедов, л. 76, 143]. Нет единообразия и в фольклорных публикациях торгутов Синьцзяна, у которых также сохранилась память об этом урочище: *Man toqoi* и *Manan kök toqoi* (дымчатое, туманное зеленое урочище) [Mongγol utu duuni üge 1981, 174 х., 1984, 29 х.]. Наблюдаемое различие вызвано тем, что компонент ман- представляет собой основу, малохарактерную для монгольских языков.

Нижнее Поволжье, начиная с античного времени, было местом обитания многих народов, с их различными языковыми, культурно-историческими традициями, что, несомненно, отразилось на топонимической системе региона. По сведениям, урочище существовало в эпоху Золотой Орды [Pallas 1799, S. 167–168; Паллас 2008, с. 112].

Попытаемся определить первоначальное значение названия, обратившись к наиболее древним и распространенным пластам здешней топонимии — иранским и тюркским номенклатурам. Рассмотрим вначале возможные значения компонента ман-. В тюркских языках известна глагольная основа ман- «окунуть, обмакивать» [Древнетюркский словарь 1969, с. 336]. В караимском языке манц, манч означает «замочить, погрузить, окунуть» [Караимско-русско-польский словарь 1974, с. 403]. В татарском языке в этих же значениях употребляется глагол ману [Татарско-русский словарь 1950, с. 180]. Можно предположить, что компонент был образован от одной из причастных или деепричастных форм данного глагола, утерянной после переосмысления калмыками названия урочища.

(Ср. название р. Маныч, левого притока Дона. Конечный *-ч* явный аффикс причастной формы глагола).

Но более продуктивным представляется происхождение данного компонента от индоевропейской основы *man*, имеющей значение места (лат. *mansio* «местопребывание, пристанище, место отдыха, нахождение») [Дворецкий 1976, с. 617]. В персидском языке глагольная основа *man* означает «оставаться, продолжать, пребывать, находиться» [Персидско-русский словарь 1983, с. 445]. В среднеперсидском языке был известен термин *manistan* «место, местопребывание, резиденция, обитель», образованный с помощью распространенного в иранской топонимии форманта *-стан* [Древнетюркский словарь 1969, с. 336]. Л. З. Будагов в своем «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» приводит следующие значения основы *man* «окрестность, городьба» [Будагов 1960, с. 198], т. е. опять-таки со значением места. Этот компонент встречается в географических названиях, зафиксированных в средневековом тюркском словаре Махмуда ал-Кашгари — *man qïšlaγ*, *mankänd* [Древнетюркский словарь 1969, с. 335–336], которые можно этимологизировать как места (*man*) расположений зимовья (*qïšlaγ*) и города (*känd*). На эти же примеры ссылается Дж. Клосон [Clauson 1972, p. 766]. Вероятно, *man* является формантом, указывающим местонахождение выдающегося по тем или иным признакам географического объекта.

В качестве примера можно указать, что в 1731 г. переговоры о принятии казахами Младшего жуза российского подданства велись в урочище Мантюбе (в 140 км от совр. Атырау) [Казахско-русские отношения 1961, с. 48]. Перевод названия (*man* + *tübe* «холм») носит описательный характер: «холм, напоминающий горделивого красавца» [Кекильбаев 1987, с. 135]. Судя по смыслу перевода, холм был местной достопримечательностью.

Что же касается второго компонента топонима, то он обозначает тугай — лес, лесные, кустарниковые заросли на равнинах. Термин, как известно, широко присутствует в тюрко-монгольских географических названиях урочищ в сочетании с различными прилагательными. Употребляется к пойменному лесу, сопровождающему реку по долине [Мурзаевы 1959, с. 228]. В отдельных тюркских языках кыпчакской группы выступает в значениях «излучина, лука (на реках), пойма, луг» [Казахско-русский словарь 1954, с. 352, Татарско-русский словарь 1950, с. 245]. Любопытно отметить, что в некоторых тюрко-монгольских эпических сказаниях, чтобы подчеркнуть несметные богатства героя, стада его считают не по поголовью, а по числу «тугаев» — мест выпаса в камышовых и кустарниковых зарослях [Липец 1984, с. 158].

Калмыки, прикочевав в приволжские степи, видимо, переосмыслили старое название урочища[1]. В данном случае, со вторым компонентом топонима было все ясно — тохой в монгольском и тоха в калмыцком языках означает «излучина, залив, рукав (реки)» [Ковалевский 1849, с. 1797; Голстунский 1893, с. 122; Калмыцко-русский словарь 1977, с. 509]. Основа же ман- совпала с калмыцким термином маань, означающим флажки со священными буддийскими текстами [Калмыцко-русский словарь 1977, с. 337]. Такими флажками калмыки в прошлом отмечали броды на реках, с целью указания места переправы, отвращения возможного несчастья. Востоковед Г. Гомбоев, посетивший в середине XIX в. Калмыцкую степь, писал, что местность у калмыков иногда получает свое название от подобных флажков с письменами [Гомбоев 1858, с. 215]. Северо-восточнее села Яшкуль, недалеко от русла пересохшей степной речки, и ныне находится урочище Мааньта (маань + аффикс определения *-та*). Подобные географические названия нередко представлены и в Монголии [Сухбаатар 2007, 141 т.].

Традиция эта, видимо, была давней. В памятнике ойратско-калмыцкой литературы XVII в. — «Истории Убаши-хунтайджи» (повествующей о событиях 1587 г.) приводится рассказ о броде Мани через Иртыш, расположенном «между черным лесом, растущим по нагорной стороне, и желтым камышом, растущим по низменной»[2] [Гомбоев 1858, с. 214–215]. Брод Маниту-Гатулхан упоминается в литературе и позднее [Русско-китайские отношения 1958, с. 46–49].

В устной традиции, по словам исполнительницы протяжных песен Кишти Анкаевой, урочище называлось Маань тоха, что буквально означало «излучина (переправа) с флажками». По такому же принципу топонимической позитивности называлась излучина на р. Ахтуба недалеко от села Вольное — Чолун тоха (чолун — «камень, кирпич»), так как в этом месте лежали остатки каменных развалин древнего сооружения [Карвин 1922, с. 172].

---

[1] Так произошла калька Чолун-Хамур (каменный нос) тюркского названия Таш-Мурун или курганы Дуулт-хана — огласовка арабского имени Девлет-хана. Примеры можно продолжить: Итиль — Иж̣л, Астрахань — Әәдрхн, Царицын — Аһш, Кара йер — Хар һазр (Черные земли).

[2] В калмыцком фольклоре р. Иртыш, по берегам которой простирались кочевья калмыков до их ухода на Волгу, выступает как прочный элемент единства «земли-воды», поэтического символа родины. Возможно, что калмыки привычное название брода перенесли на новое место жительства, как это произошло с горами Богдо, находящимися в Прикаспийской низменности.

Таким образом, название Манутохай передает географическую характеристику местности и, вероятно, означает «место, где находится излучина, поросшая зарослями». Кроме того, урочище, по всей видимости, располагалось напротив или недалеко от брода, на что указывает компонент маань переосмысленного калмыцкого названия.

О местонахождении урочища Манутохай в литературе имеются разноречивые сведения. Самое подробное описание мы встречаем у цинского посланника Тулишэня: «Кочевье тергетского владельца Аюки-хана в разсуждении порубежного города Саратова лежит к южно-восточной стороне и состоит из пространных и великих степных мест. С западной и северной стороны течет река Волга или Эдзил (Ижл — *В. Ц.*), с восточной стороны река Дзай (р. Яик, совр. Урал). А на южной стороне лежит великое озеро Тенгис (Каспийское море). Между Саратовым и местечком Манутохаем, где Аюка-хан кочевье свое имеет, находятся три небольшие речки Тарлу, три речки Хубань (Соленая Куба), да речки Тархун (Торгун) и Улусутунь (Еруслан) называемые, которые текут на запад и впали в реку Эдзил. На другом берегу Эдзила между Саратовым и озером Тенгисом находятся российские города и местечки, а именно: Сира-Камуси (г. Камышин), Царицы (г. Царицын, совр. Волгоград), Гарас-ногор (г. Красный Яр), Черноляр (г. Черный Яр) и Астрахань» [Русско-китайские отношения 1978, с. 473–474]. Тулишэнь сообщает, что Манутохай находится в десяти днях пути от Саратова [Русско-китайские отношения 1978, с. 467]. Но по его описанию невозможно точно установить местонахождение ставки Аюки-хана, хотя понятно, что речь идет о левой стороне Волги. Карта же, которую он приложил к своему труду носит, к сожалению, слишком схематичный характер.

Г. Ф. Миллер, издавая русский перевод «Записок» Тулишэня, писал, что Манутохай «местечком называть не можно, но токмо урочищем» [Описание путешествия 1764, с. 388]. Еще ранее, излагая на немецком языке сокращенный французский перевод П. Гобиля китайской версии этого сочинения, он отметил в примечании, что Манутохай находится на восточном берегу Волги между Царицыным и Черным Яром [Müller 1734, S. 343].

Из донесения калмыцкого князя Тюменя о состоянии земельных угодий калмыков на 1813 г. следует, что Манутохай расположен ниже Царицына на луговой (левой) стороне Волги [Пальмов 1926, с. 25]. К. Ф. Голстунский, основываясь, очевидно, на устных источниках, относил его к берегам Ахтубы, притока Волги [Голстунский 1880, с. 102]. Н. Н. Пальмов суммировал эти данные — урочище Манутохай — писал он, — находится ниже Царицына на левом берегу р. Ахтубы [Пальмов 1926, с. 24].

Последний из четырех иероглифов, передающих на китайском языке название Манутохай идеографически означает озеро. Видимо, только этим можно объяснить, что французский и английский синологи Г. Каэн и Г. Стаунтон, пользовавшиеся китайским переводом описания Тулишэня, располагали ставку Аюки-хана на берегу озера Мануту [Cahen 1911, p. 127; Staunton 1939, p. 147, 179]. Правда, Г. Каэн, знакомый с русскими переводами маньчжурского оригинала этого произведения, соглашался с профессором А. Ремюза, что «тохой — монгольское слово, формирующее заключительные части в географических названиях, и следовало бы читать: «луг, называемый Ману» [Cahen 1911, p. 127]. В своей работе Г. Каэн, цитируя Г. Ф. Миллера, урочище Манутохай перенес с левого на правый берег Волги, что, наверное, следует считать просто опиской [Cahen 1911, p. 127].

Японский историк Сюндзю Иманиси, посвятивший исследованию «Записок» Тулишэня крупную монографию, тоже пытался определить местонахождение урочища. Для этой цели он привлек карты России XVIII в., изданные Г. Каэном [Cahen 1910, p. 178–181]. На этих картах как места расположений ставки Аюки-хана отмечены около десяти пунктов, но нигде конкретно не указано урочище Манутохай. С. Иманиси пришел к выводу, что установить точное местонахождение урочища не представляется возможным, искать нужно южнее Саратова, ближе к Царицыну [Иманиси 1964, с. 155–156]. Подобной точки зрения, вероятно, придерживался Н. Нефедьев, который писал, что «послы китайские весною 1714 г. достигли Саратова и, переправясь чрез Волгу, нашли Аюку в степях против Царицына» [Нефедьев 1834, с. 37].

П. С. Паллас, осуществивший в 1793–1794 гг. физико-географическое изучение Нижнего Поволжья, указывал: «Эта низменность (Царевы Поды — *В. Ц.*) и расположенная между Ахтубой и Волгой местность Мант-тохой от Царицына до Черноярска в старые времена из-за превосходного пастбища всегда считалась лучшим местом для осенней резиденции калмыцких ханов» [Pallas 1799, S. 167–168, Паллас 2008, с. 112].

Ранее И. П. Фальк, описывая Волгу и Ахтубу, также отмечал в дневнике путешествия, что «страна между оными, называемая [по-]калмыцки Мантухай, подобно прочим берегам, частию открытая, частию поросшая кустарником и лесом, во многих местах пересекается протоками Волги и Ахтубы и подвержена наводнениям» [Записки путешествия академика Фалька 1824, с. 122–123].

В 30-е годы XVII в. калмыки, как известно, начали осваивать берега и протоки Волги [Перетяткович 1882, с. 128]. В 1655 г. территория калмыцких кочевий была утверждена русскими властями: «Улусом их велено кочевать

по Волге, по Ногайской стороне, и по Ахтубе, и по Белужью или близ наших городов, где они кочевать похотят» [Преображенская 1960, с. 52].

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что в XVII–XVIII вв. (вплоть до 70-х годов последнего) урочище занимало территорию от верховьев Ахтубы до береговых обрывов Волги у села Черный Яр. Название Манутохай первоначально, видимо, относилось к окрестностям песчаного брода у нынешнего села Киляковка, где Ахтуба совершает крутой, почти кольцеобразный поворот. К. Ф. Голстунский и Н. Н. Пальмов, указывая местоположение Манутохая, вероятно, имели в виду территорию, прилегающую к этой излучине. Исследователь из Синьцзяна С. Доржи локализовал урочище рядом с Волгоградом [Dorǰi 1984, 47 t.].

В середине XVIII в. на правом берегу Волги в двадцати шести верстах выше Черного Яра был учрежден казачий форпост Мазанский, названный по имени бывшего владельца Манутохая, память о котором люди продолжали чтить [Гмелин 1777, с. 50]. Позже, в связи с упразднением Калмыцкого ханства и активной колонизацией края, границы урочища стали постепенно сокращаться.

Данные исследователей, указывавших разные места расположения ханской ставки, легко объяснить. Кочевники в поисках свежих пастбищ для скота часто меняли свои кочевья. Аюка-хан так поступил на другой день после отбытия китайских послов [Пальмов 1926, с. 45].

В XIX в. верховья Волго-Ахтубинской поймы остались вне территории расселения калмыков, и название урочища стало постепенно забываться.

Анализ происхождения названия Манутохай подтверждает сложную этническую историю Нижнего Поволжья и свидетельствует об изменении значения топонима под воздействием миграции населения.

Библиография

1. Архив востоковедов ИВР РАН. Р. II. Оп. I. Ед. хр. № 344. Л. 76, 143.

2. Будагов 1960: *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. М., 1960.

3. Гмелин 1777: *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. СПб., 1777.

4. Голстунский 1880: *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.

5. Голстунский 1893: *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. Т. 3.СПб., 1893.

6. Гомбоев 1858: *Гомбоев Г.* «Алтан-Тобчи». Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста «Истории Убаши-хунтайджи и его войны с ойратами» // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. 6. СПб., 1858.

7. Дворецкий 1976: *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.

8. Древнетюркский словарь 1969: Древнетюркский словарь. Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.

9. Записки путешествия академика Фалька 1824: Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824.

10. Иманиси 1964: *Иманиси Сюндзю*. Котю иикироку. (Исследование и комментарии к «Запискам о чужих странах» Тулишэня). Тэнри, 1964.

11. Казахско-русские отношения 1961: Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

12. Казахско-русский словарь 1954: Казахско-русский словарь. Отв. ред. Г. Мусабаев. Алма-Ата, 1954.

13. Калмыцко-русский словарь 1977: Калмыцко-русский словарь. Ред. Б. Мунаев. М., 1977.

14. Караимско-русско-польский словарь 1974: Караимско-русско-польский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова, А. Зайончковского, С. М. Шапшала. М., 1974.

15. Карвин 1922: *Карвин Л. К.* Археологические заметки // Ойратские известия. 1922. № 3–4.

16. Келькибаев 1987: *Кекильбаев А.* Плеяды — созвездие надежды. Пер. с каз. В. Панкиной. Алма-Ата, 1987.

17. Ковалевский 1849: *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 3. Казань, 1849.

18. Липец 1984: *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

19. Мурзаевы 1959: *Мурзаевы Э. М.* и *В. Г.* Словарь местных географических терминов. М., 1959.

20. Нефедьев 1834: *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834.

21. Описание путешествия 1764: Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге. Пер. Россохина И. К. // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764. Июль-декабрь.

22. Паллас 2008: *Паллас П. С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Т. 1. Избранное. Пер. с нем. Астрахань, 2008.

23. Пальмов 1926: *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I. Астрахань, 1926.

24. Перетяткович 1882: *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII в. (очерки из истории колонизации края) // Записки имп. Новороссийского университета. Т. 34. Одесса, 1882.

25. Персидско-русский словарь 1983: Персидско-русский словарь. М., 1983.

26. Позднеев 1885: *Позднеев А. М.* Памятники исторической литературы астраханских калмыков в подлинном калмыцком тексте. СПб., 1885.

27. Преображенская 1960: *Преображенская П. С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50-60-х годах XVII в. // Записки Калм. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Вып. 1. Элиста, 1960.

28. Путешествие китайского посланника 1782: Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану с описанием земель и обычаев российских. Пер. А. Л. Леонтьева. СПб., 1782.

29. Русско-китайские отношения 1978: Русско-китайские отношения. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978.

30. Русско-китайские отношения 1958: Русско-китайские отношения. Официальные документы. 1689–1916. М., 1958.

31. Сусеева 2009: *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста, 2009.

32. Сухбаатар 2007: Ховд аймгийн Булган сумын газар усны нэр // Торгууд товчоон. I боть. Улаанбаатар, 2007.

33. Татарско-русский словарь 1950: Татарско-русский словарь. Казань. 1950.

34. Cahen 1910: *Cahen G.* Les cartes de la Siberie au XVIII-e siecle. Paris, 1910.

35. Cahen 1911: *Cahen G.* Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689–1730). Paris – Alcan, 1911.

36. Clauson 1972: *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.

37. Dorǰi 1984: *Dorǰi S.* Bayangolin zairim tüüktei duumud (Некоторые Баянгольские исторические песни)// Xan tengri. № 3. Urumqi, 1984.

38. Mongγol utu duuni üge 1981: Mongγol utu duuni üge. 1 boti. Urumqi, 1981.

39. Mongγol utu duuni üge 1984: Mongγol utu duuni üge. 2 boti. Urumqi, 1984.

40. Müller 1734: *Müller G. F.* Auszug einer Chinesischen Reise Veschreibung von Peking durch Sibirien nach der Astrahanischen Chalmücken // Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 4. SPb., 1734.

41. Pallas 1799: *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer reise in die südlichen statthalterschaften des russischen reichs in den jahren 1793 und 1794. I Bd. Leipzig, 1799.

42. Staunton1939: *Staunton G. H.* Narrative of the Chinese Embassy to the Khan of the Tourgouth tartars in the years 1712, 13, 14 and 15, by the Chinese Ambassador and published by the Emperors Authority at Peking. Peking, 1939.

Vasiliy Z. Tserenov

MANUTOKHAI — RESIDENCE OF KALMYK KHANS (SEMANTICS AND LOCALIZATION OF THE TOPONYM)

Abstract: *This article addresses the problem of the origin and localization of the «Manutokhai» toponym. The Manutokhai tract is known as a place in the Volga-Akhtuba floodplain, where in the XVII–XVIII centuries the residence of Kalmyk khans was located. As a toponym «Manutokhai» probably means geographical peculiarities of terrain, "a place where an overgrown with bushes river's bend is located". Manutokhai was situated on the territory from the beginning of the river Akhtuba to the bank of the river Volga near the village Chiorny Iar, near a sand ford, probably in the vicinity of the present village Kiliakovka in the Volgograd region, where the river Akhtuba makes a sharp bend.*

Keywords: *Kalmyk khanate, Volga-Akhtuba*

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ «ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ» ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КЛЯШТОРНОГО (1928–2014) 16–17 ФЕВРАЛЯ 2015 Г.

Международная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем», посвященная памяти выдающегося российского тюрколога, почетного профессора ряда российских и зарубежных университетов, заместителя председателя Российского комитета тюркологов при РАН, почетного академика Турецкого лингвистического общества, почетного академика Национальной академии наук Кыргызской Республики Сергея Григорьевича Кляшторного, проходившая в Санкт-Петербурге 16–17 февраля 2015 г., внесла значительный вклад в развитие отечественной тюркологии.

С. Г. Кляшторный внес неоценимый вклад в изучение истории и этногенеза Центральной Азии, истории кочевых государств древности и раннего средневековья, в интерпретацию древнетюркских текстов. Основной задачей конференции было выражение благодарности этому видному ученому, а также подведение итогов отечественной и мировой тюркологии в отраслях, лежавших в русле его научного внимания — древнетюркской текстологии, истории и культуре тюркских народов.

Историк, археолог и филолог С. Г. Кляшторный своими трудами внес весомый вклад в развитие дружественных отношений между Россией и Монголией, а также укрепление связей между Россией и государствами Центральной Азии. Он являлся редактором или входил в состав редколлегий многих монографий, сборников статей, российских и зарубежных журналов. Особую благодарность коллег С. Г. Кляшторный заслужил за подвижнические усилия по возобновлению в 2001 г., после шестнадцатилетнего перерыва, серийного издания «Тюркологический сборник».

Конференция проходила при большой активности участников в конструктивной и доброжелательной обстановке. Оживленные дискуссии подтвердили заинтересованность научного мира в предложенных для обсуждения проблемах, продемонстрировали актуальность поднимавшихся вопросов для понимания истории, культуры и языка тюркских и монгольских народов. Перед учеными открылись новые возможности в создании международных научных коллективов для проведения совместных исследований и организации научных мероприятий, главное место в которых займут ученые России, Казахстана и Кыргызстана, а также специалисты из других регионов, изучающих тюрко-монгольские народы.

По итогам конференции участники считают нужным заявить:

1. Конференция имеет большое значение для дальнейших исследований по истории, культуре и языкознанию тюркских и монгольских народов на базе письменных памятников и архивных источников, а также для объединения усилий специалистов в проведении совместных исследований с учетом новых междисциплинарных методов.

2. Данное мероприятие продемонстрировало новые возможности в деле введения в научный оборот памятников культурного наследия тюркских и монгольских народов, подготовки молодых исследователей, создания совместных научных трудов, серийного издания монгольских письменных памятников, проведения в дальнейшем специальных симпозиумов и конференций, осуществления более крупных проектов.

3. Мероприятие явилось первой международной конференцией, организованной Институтом восточных рукописей РАН в память выдающегося российского тюрколога Сергея Григорьевича Кляшторного и стала результатом сотрудничества российских ученых с учеными Казахстана, Кыргызстана, Германии.

4. Участники конференции приняли решение сделать данную конференцию регулярной.

5. Материалы конференции будут опубликованы в сборнике «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем».

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ И ВЫСТУПЛЕНИЙ

Абдиев Таалайбек Камбарович
Кандидат филологических наук, доцент Киргизско-Турецкого университета «Манас», директор Высшей школы иностранных языков. Бишкек, Кыргызстан.
taalaykambar@gmail.com

Асадов Фарда Магеррам оглы
Доктор философии по историческим наукам (Ph. D.), заведующий отделом истории и экономики арабских стран
Института Востоковедения НАН Азербайджана им. З. М. Буниятова.
asadovfm@hotmail.com

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», Восточный институт, кафедра филологии Центральной Азии.
nadya_dambayeva@mail.ru, +79021613889

Бурыкин Алексей Алексеевич
Доктор филологических наук, доктор исторических наук.
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
albury@rambler.ru

Валеев Рамиль Миргасимович
Доктор исторических наук, директор Института Татарской энциклопедии Академии наук Татарстана, профессор кафедры востоковедения и исламоведения Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ.
Казань, Республика Татарстан, Россия.
valeev200655@mail.ru

Васильев Дмитрий Дмитриевич
Кандидат исторических наук, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН. Москва, Россия.
dmivas46@mail.ru

Василюк Оксана Дмитриевна
Кандидат исторических наук, Институт востоковедения им. А. Е. Крымского.
Киев, Украина.
o_vasylyuk@yahoo.com

Витол Александр Владимирович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
avitol@mail.ru

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета.
garun48@mail.ru

Дробышев Юлий Иванович
Кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, научный сотрудник ИВ РАН.
Москва, Россия.
altanus@mail.ru

Елихина Юлия Игоревна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, хранитель тибетской и монгольской коллекций.
julia-elikhina@yandex.ru

Загидуллин Ильдус Котдусович
Доктор исторических наук, доцент, заведующий Отделом средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани. Казань, Республика Татарстан, Россия.
zagik63@mail.ru

Кадырбаев Александр Шайдатович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.
Москва, Россия.
kadyr_50@mail.ru

Камалов Аблет Каюмович
Доктор исторических наук. Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.
abletk@mail.ru

Колесников Александр Антонович
Доктор исторических наук, Москва, Россия.
akol2006@gmail.com

Кормушин Игорь Валентинович
Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН. Москва, Россия.
igorkormushin@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна
Доктор филологических наук, заведующая Сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
kulgan@inbox.ru

Кумеков Булат Ешмухамбетович
Доктор исторических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.
bkumek@mail.ru

Кызласов Игорь Леонидович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.
Москва, Россия.
kyzlasovil@mail.ru

Мокеев Анварбек Мокеевич
Доктор исторических наук, профессор Гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Бишкек, Республика Кыргызстан.
anvarmokeev@gmail.com

Насилов Дмитрий Михайлович
Доктор филологических наук, заведующий Кафедрой тюркской филологии ИСАА при МГУ. Москва, Россия.
nadi1803@mail.ru

Носов Дмитрий Алексеевич
Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН.
Санкт-Петербург, Россия.
dnosov@mail.ru

Попова Ирина Фёдоровна
Доктор исторических наук, директор Института восточных рукописей РАН.
Санкт-Петербург, Россия.
irina_f_popova@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович
Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.
ropot@mail.ru

Raschmann Simone-Christiane
Senior Researcher, Akademie der Wissenschaften zu Göttingen.
Katalogisierung der orientalischen Handschriften in Deutschland: Alttürkische Handschriften aus den Turfanfunden.
raschmann@bbaw.de

Сараев Андрей Сергеевич
Соискатель Казанского Государственного университета культуры и искусств.
Казань, Республика Татарстан, Россия.
andrejsaraev@yandex.ru

Тимохин Дмитрий Михайлович
Кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.
horezm83@mail.ru

Тишин Владимир Владимирович
Аспирант Отдела истории Востока Института востоковедения РАН. Москва, Россия.
tihij-511@mail.ru

Трепавлов Вадим Винцерович
Доктор исторических наук, Институт российской истории РАН. Москва, Россия.
trepavlov@yandex.ru

Церенов Василий Зулкаевич
Писатель, г. Элиста, Республика Калмыкия.
sprprav@mail.ru